

Александр Федоров

БЕЛАЯ БАШНЯ

Хроники Паэтты

16+

Александр Федоров

**Белая Башня. Хроники
Паэты. Книга I**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Федоров А. Н.

Белая Башня. Хроники Паэтты. Книга I / А. Н. Федоров —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Мэйлинн Айрига - воспитанница школы лиррийской магии Наэлирро. Однако жизнь её круто меняется, когда ей не удаётся пройти обряд пробуждения, чтобы стать полноправной магией. Отныне вся её жизнь - поиски себя. Она верит, что в этом ей поможет таинственная Белая Башня, которая даст ответы на все вопросы. В пути Мэйлинн встретит множество опасностей, которые ей не удалось бы преодолеть без случайных попутчиков - неудачливого воришки; бывшего паладина, а ныне - горького пьяницы; великого мага и опаснейшего мастера Теней. Все они, так же как и Мэйлинн, потеряли смысл жизни. Для каждого из них Белая Башня - шанс познать себя.

© Федоров А. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1. Бин	6
Глава 2. Мэйлинн	10
Глава 3. Урок географии	13
Глава 4. Рассказ Бина	18
Глава 5. Рассказ Мэйлинн	21
Глава 6. Дорожная философия	27
Глава 7. Латион	30
Глава 8. Олива	38
Глава 9. Кол	46
Глава 10. Новое знакомство	51
Глава 11. Трудный выбор	56
Глава 12. Колионская дорога	62
Глава 13. «Два петуха»	71
Глава 14. Симмерские болота	81
Глава 15. Варан	87
Глава 16. Погоня	94
Глава 17. Симмер	103
Глава 18. Бегство	110
Глава 19. Гончая Симмера	121
Глава 20. Пунт	127
Глава 21. Война	133
Глава 22. Пустыня Туум	140
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Александр Федоров
Белая Башня. Хроники Паэтты. Книга I
Часть первая

Глава 1. Бин

Пятки нещадно колотились о бугристый сельский просёлок. Жара в этом году стояла такая, что впору раздеваться до костей, и пыль на наезженной дороге была лёгкой и мелкой. Вот и сейчас она взвивалась под ногами четверых колонов, тянущих связанного и избитого Бина к месту его последнего в этом мире пристанища.

Пыль вырывалась и из-под израненных пяток Бина, облепляла покрытые кровяной коростой ноги. Пыль забивалась в и без того забитую слюнями и соплями глотку Бина, из которой доносились звуки, мало напоминающие человеческую речь. Пыль забивала слезящиеся, припухшие глаза Бина, и от этой огненной слёзно-пыльной смеси их жгло так, будто там устроил привал с непременно огромным огневищем целый отряд северных берсерков из-за Серого моря.

Бина волокли больно и бесцеремонно. Руки его были раскинуты в стороны, а под сгибы локтей вдоль лопаток была пропущена длинная жердь, к которой он сам был привязан грубыми вожжами, впившимися в израненное тело и набухшими от его, Биновой, крови. За эту жердь, по двое с каждой стороны, и тянули его ходко и споро те самые колоны, которые всего какими-то тремя четвертями часа ранее и застали его за кражей. Жердь больно била в лопатки, пятки больно били в дорогу. Голова была бессильно запрокинута, отчего мир казался перевёрнутым. В этом перевёрнутом мире, кроме жаркого солнца, душной пыли и огненной боли присутствовали ещё несколько оборванных мальчишек, с издевательским смехом бегущие впереди процессии. Они уже предвкушали то, что сейчас должно произойти.

Кто бы мог подумать, что эти ленивые и недалёкие колоны окажутся ещё и такими обидчивыми и скорыми на расправу? Конечно, этим летом стоит такая жара, что с урожаем можно уже распрощаться – возделанные некогда поля покрылись потрескавшейся коркой, из которой тоскливо торчат былинки, коим не суждено уже стать налитыми колосьями. Да и трава погорела, так что сена заготовить на зиму тоже будет сложновато. Всё это понятно, но разве это повод людям так звереть? Ну подумаешь – пытался увести пару коней... Да и какие же это кони??? Клячи – и то слишком доброе имя для двух костлявых трясущихся животных, которые и стали причиной всех Биновых бед.

Конечно, Бин знал, что эти клячи – две последние оставшиеся в селении лошади, и что с их исчезновением исчезнет и последняя надежда колонов протянуть этот год. Да, наверняка им, колонам, пришлось бы идти на поклон к окрестным сеньорам, а те не преминули бы взять их в крепость за те жалкие подачки, что помогут хотя бы половине детишек пережить зиму. Хотя, глядя на глумящиеся пыльные рожи бегущих впереди пареньков, Бин не очень-то находил жалость к ним в своём сердце.

Вообще-то говоря, Пыжи – деревенька, в которой схватили Бина – располагалась всего в паре лиг¹ от Латиона, столицы королевства с одноимённым названием. По всем правилам колоны, схватившие конокрада, должны были бы сопроводить его в город и сдать в Бурый Суд². Однако обозлённые поступком Бина колоны решили, что нечего беспокоить почтенных судей по пустякам. Кроме того, им и самим хотелось выплеснуть хоть часть своей злобы и безнадёги. Они не могли отомстить жгучему солнцу, не могли отомстить тучам, что упорно не хотели переползать через невысокие Анурские горы на востоке, чтобы благословить живи-

¹ Лига – мера длины, равная 3 милям или 4828 метров.

² В Латии существовало четыре вида судов, специализирующихся на разных сословиях. Их называли по цвету мантий судей. Белый Суд судил самые знатные сословия, Алый Суд – буржуа и городских обывателей, Бурый Суд – низшие сословия. Чёрный Суд занимался делами магов и духовенства.

тельной влагой страдающий Латион. Но они могли отомстить этому мальчишке, что едва не обрёк деревню на крепость или голодную смерть.

Впереди замаячил трактир Пыжей, стоящий почти ровно посередине деревни. Рядом с трактиром росли огромные яблони, которые в более благоприятный год к этому времени уже были бы увешаны созревающими плодами, а сейчас уныло трепетали пожухшей листвой. Лучший антураж для повешения, пожалуй, придумать было бы сложно.

Через толстый сук одной из яблонь, стоящей всего в нескольких ярдах³ от покосившегося крыльца трактира, уже болталась выдавшая виды верёвка с петлёй на конце. Другой конец был примотан к коновязи у крыльца, а рядом стоял здоровенный детина – не иначе кузнец. Именно он в нужный момент потянет за верёвку, оторвав тело несчастного Бина от грешной земли. Весьма жестокий способ повешения – при такой методе шейные позвонки останутся неповреждёнными, и Бину предстоит долгое и мучительное удушение.

На крыльце стоял краснолицый седой колон – не иначе староста деревни. Рядом с крыльцом ошивалось около десятка мужиков и баб из числа тех, что не поленились выйти на улицу в такую жару. Из окна трактира лениво смотрел разморённый жарой купчишка из разряда тех, что торгуют с лотка разными безделицами, перемещаясь вдоль трактов. Купчишка, вероятно, был весьма доволен, что попал на такое вот развлечение там, где и не чаял.

Стенающего и хрипло воющего Бина подтащили к крыльцу и бросили в пыль. Жердь больно упёрлась в лопатки, затылок весьма чувствительно долбанул по утопанной земле. Ничего – всего несколько минут, и лишняя шишка перестанет иметь какое бы то ни было значение. Однако при мысли об этом легче почему-то не стало.

– Свободные граждане Латииона! – зычно начал свою речь староста. – Мы собрались здесь сегодня для того, чтобы судить этого мерзкого преступника и конокрада, – узловатый палец указал на распятого на земле Бина.

– Это... несправедливо... Королевский суд... – кое-как выдавил из сжатого спазмами горла Бин.

Толпа присутствующих колонов глумливо зашумела.

– О каком королевском суде говорит этот подлец? – громко возопил староста. – Какой королевский суд станет мारать руки о такую падаль? И, да позволено будет напомнить, – это он уже обратился к присутствующим. – Да позволено будет напомнить, многоуважаемые свободные граждане Латииона, об эдикте, изданном нашим славным Владыкой Матониусом Вторым две недели тому назад, в котором говорится о том, что всякое преступление, совершённое в ситуации такой великой жары, карается так, как при военном положении. А при военном положении за мародёрство – виселица!

Толпа одобрительно загалдела, а одна немолодая уже селянка даже выступила вперёд и яростно плюнула в Бина. Правда, плевок не долетел до него добрых пару шагов, но баба, вероятно, всё равно почувствовала большое облегчение.

– Итак, с благословения Владыки Латииона, Коррэя и Санна, его величества Матониуса Второго Благословенного, по решению схода свободных людей деревни Пыжи, этот недостойный приговаривается к смерти через повешение.

Староста даже не потрудился узнать имя Бина – да и действительно, к чему оно уже было нужно?

Тем временем молодцы, что тянули Бина к месту казни, разматывали вожжи и освободили его руки. Жердь вынули из-под несчастного парня, причём сделали это намеренно жёстко, так что Бин в очередной раз застонал от боли. Затем так же бесцеремонно он был подхвачен под руки и подтащен к яблоне. Пока двое держали обвисшее мешком тело, третий быстро и сноровисто накинул петлю на шею юноши и ловким движением затянул её.

³ Ярд – мера длины, равная примерно 91,5 см.

– К сожалению, так уж случилось, – было видно, что староста ни капельки не сожалел. – Что сейчас в нашей деревне нет ни одного жреца. Преподобный Клаусс, жрец Великого Белого Арионна, нынче по делам отъехал в Латион. А жрецов Чёрного Асса и Первосоздателя в нашей честной деревне отродясь не водилось. Так что получается, сынок, что некому тебя сопроводить к Белому Пути. Да и толку-то – Белый Арионн ни за что не простит такого как ты, что хотел пустить по миру целую коммуну! Придётся тебе, парень, помирать без покаяния!

Сказать по правде, Бину было абсолютно всё равно, как помирать – что с покаянием, что без, ведь конец-то всё равно один. Поэтому он просто продолжал бессвязно ныть, уже не произнося отдельных осмысленных слов, а лишь тоскливо мыча разбитыми губами.

– Давай! – коротко махнул староста детине и тот, отвязав конец верёвки от коновязи и намотав её себе на руку, коротко крикнув, начал тянуть.

В Бине, молодом парне неполных двадцати лет, едва набиралось сто двадцать фунтов⁴ весу, включая одежду и сапоги, так что для дюжего кузнеца вздёрнуть его было сущим пустяком. Мгновение – и ноги Бина уже оторвались от земли. Он тут же ухватился руками за петлю, пытаясь хоть как-то её ослабить, и отчаянно замолотил ногами воздух. Из груди стали рваться прерывистые хрипы – на крики дыхания уже не хватало.

– Отпусти верёвку, парень, так проще будет, – как-то даже немного сочувственно пробасил кузнец, продолжая тянуть, и расстояние от земли до пяток Бина увеличилось уже до пары футов⁵.

Бин продолжал бороться. Он никогда не был особенным бойцом по жизни – частенько сбегал, когда начинало пахнуть жареным, и не особенно стремился, как говорится, «поймать удачу за вихры». Так, скорее просто плыл по течению. Но сейчас в нём проснулась какая-то отчаянная жажда жизни, иррациональное желание пусть ещё одно мгновение, но побыть на этой земле. Поэтому он продолжал хвататься руками за петлю, оттягивая жёсткую верёвку от шеи.

Помогало это слабо, так как петля всё туже затягивалась под его весом, поэтому с каждым выдохом новый вдох получался всё труднее и короче. Голова наполнилась каким-то шумом, в глазах возникла пелена. Появилось ощущение, будто всё это происходит сейчас не с ним, а с каким-то другим Бином Танисти, оказавшимся настолько глупым, чтобы искать работы в Гильдии Теней.

Бин настолько сроднился с этой мыслью, что даже не сразу заметил, что всё вокруг как-то неожиданно стало меняться. Сначала он услышал какой-то странный гул – далеко, будто на другом конце мира. Этот гул поначалу был неслышен из-за шума в ушах, но в конце концов Бин обратил на него внимание.

Обратили на него внимание и славные жители Пыжей, которые вдруг стали как-то тревожно озираться по сторонам. А затем здоровяк-кузнец неожиданно взвыл и разом выпустил верёвку из рук. Бин, в очередной уже раз, преобольно шмякнулся об утоптанную землю с высоты трёх футов. А здоровяк стал дико махать руками, бить себя по бокам, при этом уж совсем не степенно визжа. Самое интересное, что вскоре к нему присоединились и другие жители. Купчишка поскорее захлопнул ставень, но вскоре по истошным крикам стало понятно, что напасть настигла и его.

И тут Бин оставшимся верным ему краешком сознания понял причину переполоха. Шершни. Целый рой больших шершней кружил над разбегающимися колонами и нещадно жалил их. Было крайне удивительно, насколько свирепо атакуют летающие насекомые. При этом Бин даже как-то не удивился – а почему, собственно, они не жалят его, Бина. Пока он просто лежал и с наслаждением втягивал через ноющую гортань такой вкусный пыльный воздух.

⁴ Фунт – мера весов, примерно равная 450 граммам.

⁵ Фут – мера длины, равная 30,5 см.

Тут поле зрения Бина загрозила серая тень. Серебряной молнией сверкнул клинок, значительно укоротив верёвку, висящую на его шее, так что от неё остался обрубок длиной не более двух футов.

– Идти можешь? – услышал он напряжённый высокий голос.

В ответ Бин смог лишь невнятно промучать что-то и с усилием опёрся в землю руками. Кажется, несмотря на все побои, у него ничего не сломано. Всё болит чертовски, конечно, но когда это мешало Бину Танисти уносить ноги от неприятностей?

Так что вместо ответа Бин сделал сначала несколько неуверенных шагов, затем перешёл на быстрый шаг, затем на рысцу. Конечно, ему очень хотелось бы сейчас улепётывать со скоростью ветра, но его измученный организм окончательно воспротивился такому насилию. Так что, кряхтя, охая, и смешно припадая сразу на обе ноги, Бин лёгкой трусцой кинулся вглубь яблоневого сада, каким-то чудом (не иначе как милостью снисходительного Арионна) перемахнул через плетень, пробежал по улице мимо ещё нескольких домов, ставни которых были плотно закрыты от жары, и наконец оказался на окраине.

Всего в паре сотен ярдов от деревни начиналась небольшая рощица, и, за неимением большего, Бин припустил к ней. Там можно будет перевести дух, а затем, конечно, нужно как можно быстрее оказаться в Латионе. Уж там-то, в зловонных лабиринтах Складского квартала, Бина Танисти не найти ни одной ищейке. Там ему знаком каждый камешек в сточной канаве, каждый кустик крапивы, каждая щёлочка в заборе.

Оказавшись под сенью осин, Бин наконец плюхнулся на землю, привалившись спиной к стволу. Но не успел он закрыть глаза, как рядом снова оказалась та самая серая тень. Теперь, когда его зрение очистилось от предсмертной пелены, Бин увидел, что это – никакая ни тень, а совсем юная девушка, пожалуй, года на три-четыре моложе самого Бина. Причём чуть прищмотревшись, Бин понял, что это не просто девушка, то есть не девушка человеческой расы, а лирра.

Лирры были очень похожи на людей, разве что глаза у них были заметно больше и расположены несколько странно – задние уголки этих миндалевидных огромных глаз были подняты на черепе заметно выше тех, что находились у переносицы, и зрачки их были куда больше человеческих. Также лирр отличали заметно более удлинённые тонкие пальцы и слегка заострённые кверху уши.

Волосы лирры были цвета тёмного каштана, прямые, чуть длиннее плеч. Тёмно-карие, почти чёрные глаза, черты лица тонкие и правильные, что, в общем-то, характерно для всех лирр, независимо от пола. Роста лирра была невысокого – пожалуй, долговязому шестифутовому Бину она была бы едва по плечи. На ней была просторная серая одежда, скрывавшую фигуру, но Бин знал, что стройностью фигуры с лиррой может поспорить редкая девушка из людей.

И тут глаза Бина словно остекленели, а рот глупо приоткрылся, да так, что из него тоненькой струйкой стекла на подбородок подкрашенная красным слюна. Бин уставился на шею девушки, которую украшала тёмная татуировка в виде некоего кружевного ошейника. А это означало, что лирра была не из простых, а самая что ни на есть воспитанница Школы Наэлирро.

Между тем лирра убрала в ножны недлинный кинжал, который до сих пор, с момента, когда она перерезала верёвку, всё ещё был в её руке, лёгким движением отбросила прядку волос с лица, улыбчиво глянула в лицо спасённого ею человека и просто сказала:

– Привет, я Мэйлинн.

Глава 2. Мэйлинн

Мэйлинн присела рядышком со спасённым ею человеком и быстрым взглядом оценила его. Длинный как жердь, и такой же тощий, будто не ел нормально уже много недель. Весь покрыт запёкшейся кровью и пылью. Спутанные окровавленные волосы, если их помыть, наверное, окажутся светло-русыми. Молодая мягкая щетина юноши, редко пользующегося бритвой, покрывала щёки и подбородок. Выглядело это скорее смешно, чем мужественно. Глаза светло-серые. Грудь впалая. Далеко не красавчик, хотя после всего, что ему пришлось пережить, ещё и не так сойдёшь с лица... Но определённо что-то в нём есть.

Там, в деревне, Мэйлинн была уверена, что после того, как паренёк с полминуты провисел между небом и землёй, да ещё и с предварительно намятыми как следует боками, он идти не сможет, не то что бежать. А вон, погляди-ка, припустил так, что...

Судя по тому, что паренёк тупо уставился на её шею, приоткрытую благодаря распушенной шнуровке блузы (такая-то жарница!), он уже понял, что она – одна из Наэлирро. Небось, уже обделался, бедняга. Надо как-то разрядить обстановку.

– Где же ваше вежество, сударь? – смешливо спросила Мэйлинн. – Кажется, я не далее как пять минут назад спасла вам жизнь, а теперь вы не хотите ни представиться, ни поздороваться со мною. Я уж не говорю о том, чтобы поблагодарить меня за мой поступок.

Парень наконец заморгал глазами, его рот смешно закрылся, затем открылся снова, но звуки, которые оттуда донеслись, больше походили на сипение сдуваемого кожного меха. Тогда парень сильно закашлялся сухим кашлем без пяти минут повешенного человека, затем перевёл дух и выдавил:

– Привет, я – Бин... Спасибо... вам... что спасли мне жизнь...

– Да ну, не за что! – легко отмахнулась Мэйлинн. – На моём месте любой поступил бы так же.

На этот счёт у Бина были весьма серьёзные сомнения. Точнее, он был совершенно убеждён в обратном. Более того, слегка покраснев, он вдруг подумал о том, как бы поступил сам, увидев, что кто-то собирается повесить эту юную лирру. В лучшем случае прошёл бы мимо, подумалось Бину. А всего скорее ещё бы и остановился поглазеть. Да и между лиррами и людьми не было особой любви, так что поступок этой конкретной лирры был мягко говоря непонятным.

– Мне кажется... вы заблуждаетесь... – просипел Бин.

– На счёт чего? – всё с той же очаровательной непосредственностью спросила Мэйлинн, словно она действительно свято верила в то, что сказала только что.

– Я не думаю, что каждого озаботила бы... моя смерть... А тем более... – Бин стушевался.

– А тем более лирру, хотите вы сказать? – испытующе заглянув ему прямо в глаза, спросила Мэйлинн.

– Да... Лирру... Тем более, из школы магов... – пролепетал Бин.

А ведь он нравится ей всё больше и больше, подумалось Мэйлинн. Он говорит, что думает, тогда как большинство известных ей людей и лирр обычно слишком думают о том, что говорят, отчего говорят чаще всего не то, что думают. Нет, определённо, она не ошиблась, уступив первому порыву жалости.

– Наверное, ты прав, – как-то просто вдруг переходя на «ты» отозвалась Мэйлинн. – Мы, лирры, не очень-то жалуем людей, да и вы отвечаете нам взаимностью. И ты прав, я действительно обучалась в Наэлирро. Но это в прошлом.

– Так почему же тогда? – продолжал допытываться Бин, к которому постепенно возвращалась жизнь по мере того, как он отдыхал и переводил дыхание.

– Не люблю, когда мучают кого бы то ни было, – помрачнела Мэйлинн. – Человека, лирру, гнома... Да хоть гоблина с Симмерских болот. Эти деревенщины были весьма жестоки.

– Надо признать, что не без причины, – неожиданно для себя ляпнул Бин. – Вообще-то я чуть не украл их последних лошадей.

– Да, понимаю... Без лошадей у них не осталось бы другого выхода, как податься в рабство к какому-нибудь сеньору.

– Не в рабство! В крепость! – поправил Бин.

– Как будто есть разница! – резко возразила Мэйлинн.

– Ты права... – немного подумав, согласился Бин, подхватывая от Мэйлинн обращение на «ты».

– Ну так, выходит, не нужно было тебя спасать? – лукаво улыбнулась Мэйлинн.

– Почему же? Нужно. Спасибо тебе ещё раз. А как ты вообще оказалась тут, в какой-то занюханной людской деревушке? – любопытствовал Бин.

– Да так же, как и все оказываются в каком-то месте – ногами, – насмешливо проговорила Мэйлинн. – Я шла по своим делам, остановилась в тени тех прекрасных яблонь, решив не заходить в кабак и лишний раз не показываться. И невольно стала свидетелем того, как тебя хотели повесить. Ну вот мне и стало как-то неприятно от этого.

– И это ты напустила на них этих шершней?

– Ну а кто же ещё? Сами они бы уж точно не прилетели, тем более, все вместе.

– Так ты их наколдовала? – с некоторой робостью спросил Бин.

– Вот ещё!.. – фыркнула Мэйлинн. – В этом старом саду было несколько гнёзд, я их заприметила, ещё когда остановилась на отдых. Ну а потом – просто симпровизировала. Всего-то и нужно было, что направить шершней на нужных людей.

– Да уж... Мне следует вознести молитву Арионну за такие чудесные совпадения! – произнёс Бин.

– Ты веришь в совпадения? Я вот – нет! – мотнула головой Мэйлинн. Затем она легко и изящно поднялась с корточек на ноги. – Ну что, отдохнул?

– Меньше, чем хотелось бы, но, думаю, достаточно, чтобы идти, – ответил Бин.

– Ну тогда нам пора двигаться. Не хватало ещё, чтобы сюда нагрянули разъярённые селяне!

– А разве ты не справишься с ними своей магией? – спросил Бин, с надеждой взглянув на Мэйлинн.

– Не говори ерунды! Я не стану сверх меры причинять неприятности этим несчастным людям! Кроме того, мои возможности не так уж велики... – как-то грустно закончила Мэйлинн.

– Ну да... У лирры из школы магов... – недоверчиво протянул Бин, но Мэйлинн его тут же осекла:

– Не время сейчас об этом говорить. Позже всё узнаешь, если на то будет моя воля. А пока давай-ка делать ноги отсюда.

– Если хочешь, мы можем пойти в Латион, ко мне домой. Там переждём и отдохнём, – робко предложил Бин.

– С чего ты взял, что у нас с тобой общий путь? – прищурилась Мэйлинн.

– Ну ты же сказала, что *нам* надо уходить... – смешавшись, промямлил Бин.

– Потому, что не хочу, чтобы мои труды были напрасны, а не потому, что жажду путешествовать с таким бравым рыцарем! – насмешливо ответила Мэйлинн. – Я просто хочу удостовериться, что ты в безопасности, а затем я пойду своей дорогой.

– И куда же лежит твоя дорога? – нарочито сухо спросил Бин, кряхтя, поднимаясь на ноги. – Ежели это не секрет, конечно...

– Секрета нет, – легко ответила Мэйлинн. – Я иду к Белой Башне.

Бин аж фыркнул:

– Куда? К Белой Башне? Может быть, ты ещё хочешь найти там Золотого Единорога, пасущегося в её сени?

– Не говори ерунды! Золотых Единорогов не существует!

– Так же, как и Белой Башни! Это сказки для детей! – Бин сделал несколько шагов и скривился от боли.

– Кажется, в общении с тобой самой частой моей фразой станет «Не говори ерунды», – рассмеялась Мэйлинн. – Не говори ерунды, Бин! Если я говорю о Белой Башне, то я знаю, о чём говорю!

– Да? – с издёвкой обернулся к ней Бин. – Может быть, ты её и сама видела?

– Видела! – отчеканила Мэйлинн.

Бин приостановился и взглянул на лирру с видом человека, которого на мякине не проведёшь, и который ясно видит, что его пытаются надуть:

– Достопочтенная Мэйлинн! Я, может быть, простой парень из трущоб Латиона. Может быть, я мало образован, поскольку лишь выучился грамоте у арионнитского священника. Я многого не знаю, многомудрая лирра. Но одно я знаю точно: Белой Башни не существует!

– Только полный дурак будет убеждать, что он знает что-то точно! – беззлобно фыркнула Мэйлинн. – Ты можешь мне не верить, Бин, но я своими глазами видела Белую Башню не далее как шесть недель тому назад! Я видела её так, как вижу сейчас тебя. Ну, не совсем, конечно... – Мэйлинн слегка пожала плечами. – Я увидела её из своего окна в Наэлирро. Она была далеко-далеко на горизонте, но при этом казалась такой близкой.

– Ты видела башню Главного храма Арионна в Латионе! – на повышенных тонах возразил Бин.

– Не. Говори. Ерунды. Бин, – отдельно и с явной издёвкой произнесла Мэйлинн. – И вообще, давай, шевели ногами, если не хочешь вторично повиснуть под прекрасными яблонями той деревеньки.

Бин послушно двинулся в путь.

– От школы Наэлирро до Латиона шесть недель пути! Я это знаю, потому что ровно столько мне понадобилось, чтобы прийти сюда, – продолжила Мэйлинн. – По-твоему, на таком расстоянии возможно увидеть какую бы то ни было развысокую башню?

– Ну так значит это была башня в каком-то другом храме, недалеко от этого твоего Наэлирро! – не сдавался Бин, пробираясь к краю рощи в направлении Латиона.

– Там нет никаких башен! Точнее, башни, конечно, есть, ведь рядом с Наэлирро стоят сразу два больших города: Торрон и Варс. Но та Башня возникла из ниоткуда. Вчера её не было, а сегодня – вот она. А через какой-то час её опять не стало!

– Значит, многоуважаемая Мэйлинн просто перебрала каких-то лирровых эликсиров, отчего стала видеть то, чего нет! – усмехнулся Бин.

– Не говори ерунды, Бин! – в очередной раз отрезала Мэйлинн. – Во-первых, надо говорить «лиррийских эликсиров». Во-вторых, к тому моменту я уже много недель не принимала ни одного эликсира, потому что... Ну неважно... – осеклась лирра. – Ну а в-третьих, я – не дура и могу отличить то, что я вижу от того, что мне видится. И я говорю тебе, глупый Бин, что я видела Белую Башню!

Разговаривая, Бин и Мэйлинн всё дальше уходили от злополучной деревеньки. Хвала Арионну, погони не было – видно колонны здорово струхнули от такого внезапного нападения и теперь, сидя по своим лачугам, стеная, пытались какими-нибудь примочками из мочи облегчить боль от укусов насекомых.

Глава 3. Урок географии

– Не хочешь попробовать двигаться побыстрее? Если желаешь поспеть в Латион хотя бы к началу Последней Битвы Арионна с Ассом, – язвительно осведомилась Мэйлинн, глядя, как Бин, кривясь, ковыляет по дороге. Сейчас, когда заряд адреналина пошёл на убыль, парню становилось всё тяжелее.

– Да уж иду, как могу! – огрызнулся Бин. – Я бы посмотрел на тебя, кабы тебя отлупили по чём зря проклятые колоны!

– Вообще-то я, в отличие от тебя, в пешем пути уже шесть недель! И, как видишь, вполне себе бодра и полна сил! – парировала Мэйлинн.

– Кстати об этом, – Бину очень досаждала боль, и захотелось отвлечься от неё разговором, – Ты говорила, что идёшь от самого Варса?

– Ну почти так. Наш Наэлирро стоит как раз между Варсом и Торроном.

– Никогда не слышал о Торроне, – признался Бин.

– Ну он, конечно, не такой большой, как Варс, хотя тоже немал. Около пяти тысяч жителей. Большой купеческий двор. Есть храмы и Арионна, и Асса и Первосоздателя. Красивый город. Мне нравился больше Варса.

– А я никогда не был нигде, кроме Латиона. Сказать по правде, я и за городом-то сегодня считай в первый раз, – Бину было неловко признаваться в этом перед лиррой, которая была заметно моложе его, а уже успела побывать в стольких местах. – А как же ты путешествуешь? Ты раньше уже бывала в Латионе?

– Никогда, – дёрнула плечиком Мэйлинн.

– А как же ты добралась сюда? Ведь это так далеко!.. – Бин только сейчас вдруг осознал, насколько далеко забралась эта хрупкая лирра, и проникся к ней неподдельным уважением.

– Да очень просто. У меня же есть карта...

– Карта?.. – недоверчиво протянул Бин. – Я никогда не видел карт. А покажи! – вдруг попросил он.

– Да пожалуйста, – ответствовала Мэйлинн. – Давай-ка вон присядем под тем деревцем, всяко какая-никакая, а тень. Заодно и передохнёшь, – несколько злорадно, как показалось Бину, добавила лирра.

– Да я не устал совсем! – взвился было парень, но вдруг как-то стушевался и неожиданно даже для самого себя добавил: – Мне просто очень больно...

Всякое злорадство, если оно и было, тут же спорхнуло с лица Мэйлинн. Она даже чуть сбавила шаг, примериваясь к неровной походке Бина. Так они оказались под чахлой липкой, которая почти не давала тени, так как листья её свернулись в буроватые трубочки.

Мэйлинн сунула руку в дорожную сумку, висящую на плече, и выудила оттуда свёрнутый кусок пергамена, обвязанного ещё и холщовой тканью. Бережно размотала холстину, развязала шёлковый шнурок и развернула желтоватую кожу, положив её на сухую траву.

Бин с восторгом смотрел на карту. Очень качественно нарисованная разными чернилами, так что сразу было видно – где вода, а где горы. Некоторые города (в том числе и Латион) были отображены не просто точками, а небольшими изображениями зданий. Коренной латионец, Бин сразу же узнал очертания Главного храма Арионна. Вероятно, и другие здания были изображениями главных достопримечательностей иных городов.

– Это и есть наш мир? – восхищённо выдохнул Бин.

– Ну что ты... – снисходительно ответила Мэйлинн. – Наш мир гораздо больше. Это только наш материк, на котором мы находимся.

– И как он называется? – Бину было мучительно стыдно, что в свои почти двадцать он совершенно ничего не знал об окружающем его мире. Однако это было именно так, ведь для его обычной, повседневной жизни все эти знания совершенно не требовались.

– Паэтта, – почему-то Мэйлинн и не думала насмехаться и издеваться. Напротив, она даже как-то посерьёзнела. – А ещё есть Калуя, ниже, на юге. Там живут удивительные чёрные люди и огромные животные – каждое размером с дом. Вот тут, на западе, если бы карта была побольше, мы бы увидели Эллор, самый большой материк нашего мира. Он отделён от нас Загадочным океаном. К сожалению, большая часть его неизведана, так как на нём живут страшные магические существа, и повелевает всем империя чёрных магов Тондрон во главе с колдуном-императором Гурром...

– Я слышал о нём, – снизив голос, перебил Бин. – Мужики на складе, где я работал, когда роняли себе на ногу ящик, или когда господин Вуйе задерживал недельное жалование, частенько восклицали: «Да чтоб тебя Гурр взял!».

– Наше счастье, что пока Гурр всерьёз не заинтересовался нашими землями. Что самое удивительное, он пока даже не трогает наши поселения на восточном берегу Эллора.

– И кому охота жить под боком у чёрных магов? – поразился Бин.

– Ну вообще там несколько колоний. Есть и наша, латионская. Называется Поволье. Туда едет народ, который не видит перспектив здесь, где всё больше свободных колонов попадают в крепость к сеньорам. Там, в Поволье, нет сеньоров, нет крепостных. Зато там много рудников. В том числе и мангиловые.

– Ааа, тогда всё понятно, – протянул Бин. – Мангил ценится в десятки раз дороже золота. Небольшой кусочек может обеспечить безбедную жизнь целой семьи в течение года, а то и больше.

– Не говоря уже о том, что мангил – единственный металл, который подчиняется зачарованию, – добавила Мэйлинн. – Нет, конечно, зачаровать можно и самую обычную железку, но только вот сила этого зачарования будет весьма небольшой, и продлится оно хорошо если три-четыре дня. Небогатые бароны могут позволить себе мага средней руки, который способен вот так вот зачаровывать стальные мечи, да только на зачарование одного меча требуется больше суток. Такими темпами много мечей и копий не зачаруешь. А ведь нужно делать это непосредственно перед битвой, а то ещё прошляпишь – и весь наговор к нужному моменту сойдёт на нет. Уж чего только не пробовали – и рунную магию, и магию крови, и при варке стали эликсиры разные добавляли... Ничего не помогает. А мангиловый меч, единожды зачарованный, останется таким навсегда. Не говоря уж о том, что мангил куда как прочнее стали, и не подвержен рже.

– Да уж, правда позволить себе мангиловый меч может только король... – проворчал Бин.

– Ну не только король, положим, – ответила Мэйлинн. – У Лорда-ректора Наэлирро имеется мангиловый меч, сама видала. А у императора Саррассы так и вовсе есть целый мангиловый доспех! А у нас в Латионе все паладины вооружены мангило-стальными мечами. Конечно, там на ведро стали капля мангила, но и этого хватает, чтобы сталь стала гораздо прочней и зачаровывалась аж на несколько месяцев.

– И откуда ты всё это знаешь? – с лёгкой завистью спросил Бин.

– Так этому нас в Наэлирро учили всему. Так же, как и географии, кстати, – лукаво добавила Мэйлинн. – Вернёмся к карте.

– Я бы всё равно не поплыл под бок к Гурру, – проворчал Бин. – Ну давай, рассказывай дальше!

– Хорошо. Остался последний материк, Тайтан. Он находится очень далеко на севере, дальше всех других материков. И абсолютно безжизненен. Там нет ничего, кроме льдов. Учёные разных государств пытались изучить хотя бы прибрежные районы Тайтана, но большин-

ство этих экспедиций так и не вернулись. Даже летом там такие холода, что, говорят, плевков замерзает, не успев долететь до земли.

– Что же тогда там творится зимой! – поёжился Бин.

– Зимой, говорят, у людей замерзают глазные яблоки, – замогильным голосом провыла Мэйлинн, и тут же рассмеялась. – Да не знаю я, но наверняка там черрртовски холодно!

– Значит, нам очень повезло, что мы родились именно на Паэтте, да? – спросил Бин.

– Наверное, – ответила Мэйлинн. – Всё-таки это самый приспособленный к жизни материк. Не даром же здесь столько государств. Пустых, ничейных земель тут просто нет. Даже самые жуткие пустыни или самые комариные топи – и те принадлежат тому или иному государству. Вот Калуя заселена довольно слабо, в основном, только на севере. Юг её – непроходимые джунгли, где людям не выжить. Наверное, когда-нибудь люди или другие расы сотрут эти убийственные джунгли с лица земли и на их месте разобьют прекрасные парки и построят величественные города. Но пока даже местные жители не рискуют уходить вглубь джунглей дальше чем на полдня ходьбы. Ну а что касается Эллора... – Мэйлинн помрачнела. – Я надеюсь, что мы никогда не услышим о нём. Будь моя воля, я эвакуировала бы оттуда всех поселенцев, взорвала бы все шахты. «Не буди лихо, пока оно тихо». Хотя империи чёрных магов уже много тысяч лет, и Гурр правит ею последние пару тысячелетий, и пусть до сих пор он никак не замечал нас, я очень боюсь, что скоро всё изменится. Ты слышал о Ночных бродягах?

– Слышал ли я о Ночных бродягах?... – несмотря на жару Бин вдруг передёрнулся как от внезапного холода. – Да кто ж о них не слышал? У нас в Латионе говорят, что недавно население целой деревни, кажется, называлась она Дрозды, или как-то так, просто исчезло в одну из ночей. Около ста душ растворилось в воздухе. Так же, как и все собаки, козы и куры. И говорят, что ночью накануне, недалеко от деревни на тракте видели двух Ночных бродяг на чёрных конях.

– Они всегда носят чёрные плащи и закрывают лица капюшонами. Они никогда открыто не появляются в населённых пунктах, не общаются с людьми. Их всегда видят лишь издали и всегда только ночью. Никто не слышал их голоса и не видел лица. Хотя, может такие и были, но они уже точно ничего никому не скажут. Мы даже не знаем – сколько этих Бродяг шатается по нашим трактам. Они редко появляются больше чем по двое-трое, так что их может быть и не больше полудюжины, носящейся туда-сюда. А может быть – их сотни. Но в Наэлирро убеждены, что они как-то связаны с Тондроном. Я думаю, что они – как раз и есть те самые чёрные маги, которые посланы Гурром то ли на разведку, то ли для начала тихой войны. Твои Дрозды – не единственная деревня-призрак. А уж сколько купеческих караванов, сколько припозднившихся гуляк не вернулись домой – о том и Арионн не знает, наверное. Одно скажу: сколько ни пытались паладины выслеживать, охотиться, обкладывавать их как зверей – ничего не выходит. Ночные бродяги исчезают, будто туман, избегают любых ловушек и засад. Никто даже не знает – смертны ли они, телесны ли. Возьмёт ли их сталь, или хотя бы мангил. Можно ли заточить их в темницу, чтобы изучить.

– И несмотря на всё это, ты в одиночку бродишь по трактам? – изумился Бин.

– Ну у меня есть кой-какие средства, чтобы избегать лишних встреч, – уклончиво ответила Мэйлинн. – Хотя, конечно, от этого никто не застрахован. Но мне просто очень нужно...

– Знаю, найти Белую Башню, – перебил Бин. – Вот я удивляюсь – ты столько всего знаешь, такая умная, а веришь в детские сказки.

– Вернёмся к карте, – Мэйлинн решила пропустить мимо ушей высказывание Бина.

– Да. Расскажи мне о Паэтте. О государствах и городах, – попросил Бин.

– О, это займёт очень много времени. У нас столько нет. Так что я расскажу только самое основное.

Мэйлинн разгладила кусок пергамента руками и продолжила:

– Смотри, Паэтта омывается со всех сторон океанами. С запада, как я уже говорила, это Загадочный океан. Назвали его так, думаю, потому, что за ним лежит таинственный материк Эллор. Да и в самом океане, говорят, иногда случаются загадочные явления – то небесные свечения, то подводные свечения, то возникающие и исчезающие острова... С юга нас омывает тёплый Калуйский океан. Он же омывает и Калую. На востоке – Великий океан. Он настолько велик, что никто из мореплавателей ещё не достиг его восточных берегов. Учёные в этом плане разделились на два лагеря. Одни убеждены, что наш мир имеет форму шара, и если долго плыть на восток, то можно приплыть к западной оконечности Эллора. Другие же доказывают, что наш мир плоский, и что за Великим океаном либо предел мира, либо ещё какой-то неизвестный нам материк. На севере Паэтты вечно бушующее Серое море, длинное и узкое, как змея. По ту сторону Серого моря – острова Келли, пристанище северных племён, что частенько беспокоят наших соседей палатийцев. А севернее островов Келли лежит Студёный океан, и плавающие льды у берегов Келли постепенно сменяются вечным льдом по мере продвижения к северу.

– А вот это место похоже, будто огромный трёхпалый зверь оставил свой след! – ткнув пальцем в пергамен, воскликнул Бин.

– Да, этот залив так и называется – заливом Дракона, потому что действительно похож на драконью лапу. А эти заливчики называют Пальцами Дракона – Верхним, Средним и Нижним. Ах, какие вкусные устрицы привозили нам в Наэлирро из залива Дракона! Но продолжим...

Смотри, с севера на юг наискосок пересекают Паэтту Анурские горы. Они не очень высоки, но тем не менее слишком круты, так что переход через них возможен лишь в нескольких местах. По крайней мере, для крупных караванов. Так-то, наверное, козьих троп или гномьих тоннелей будет побольше. Но по первым могут передвигаться либо пастухи, либо козы, а во вторые гномы весьма неохотно пускают посторонних. То, что восточнее Анурских гор, называется Загорьем. Там, беря начало в ледниках Анур, протекает река Дорон. По обеим берегам её лежат два государства: Пунт – севернее и Дория – южнее.

Пунт – зелёная сельскохозяйственная страна, славящаяся своими пашнями и садами. И люди там подстать – спокойные и трудолюбивые. Дория же, напротив, земля степей. И там живут кочевые народы, частенько беспокоящие пунтийцев своими набегами. Столица Пунта Лоннэй и столица Дории Саин стоят в пределах дня пути по обе стороны Дорона. И по какому-то негласному договору во время частых стычек между этими государствами ни та ни другая сторона не покушается на эти города.

Раз уж начали с Загорья, то продолжим дальше. Вот тут, где степи переходят в пустыню Туум, кончаются земли Дории и начинается великая империя Саррасса. Она простирается по всему Загорью до Калуйского океана, но главные её земли, конечно же, лежат перед Анурскими горами. Собственно, Саррасса является нашим южным соседом. Это очень богатая империя, которая ведёт обширную торговлю с народами Калуйи и привозит на наш материк всевозможные диковины с юга. Также отмели Калуйского океана близ Саррассы богаты чёрным жемчугом. Да и сама империя производит лучшие шелка в мире. Столица империи, город Золотой Шатёр стоит на тёплом побережье Калуйского океана. Этот город весь построен из розового камня и позолоты. Саррассанцы очень любят производить на всех впечатление.

Ну, севернее Саррассы начинаются земли Латиона. Через сам город Латион протекает великая река Труон. Конечно, у Латиона Труон ещё не так широк, а вот ближе к устью, в землях Палатия, Труон растекается почти на две тысячи ярдов в ширь. А начало он берет в прекрасном озере Прианон, богатом подводными ключами. Вот тут, юго-западнее Латиона. Вода в нём настолько чистая, что даже сквозь толщу в двадцать футов воды можно легко разглядеть рыб на дне. Я видела это озеро. Оно поистине прекрасно.

А вот другое озеро, Симмер, на северо-востоке от города, недалеко от отрогов Анурских гор, совсем иное. Вокруг него лежат знаменитые Симмерские болота. Крайне неприятное место. Да и само озеро Симмер не назовёшь прекрасным. Вода в нём тёмная, берега покрыты

лесом. Зато оно даёт начало третьей реке Паэтты – Алийи. Она бежит на север и вот здесь сливается с Труоном. Именно на слиянии этих рек построен Шинтан – столица королевства Палатий. Палатийцы – замечательные торговцы. У них необычная монархия – государством правит король, но его избирает Палата Гильдий, куда входят крупнейшие представители торговых гильдий страны.

На западе к Латиону примыкают две страны – герцогство Коррэй и воеводство Санн. Небольшие, в общем-то земли. Когда-то, при деде нынешнего короля Латииона, между ними началась война. Оба государства были к ней не готовы, и так уж случилось, что они независимо друг от друга попросили помощи у восточного соседа. Король Амманиус Четвёртый, дед Матониуса, недолго думая ввёл свои войска к обоим соседям и пользуясь внутренними и внешними противоречиями во враждующих странах, повернул всё так, что оба стали доминионами Латииона. В них сохранилась традиционная система правления – в Коррэе правит династия герцогов Коррэйских, а в Санне управляют коннетабли. Но по сути, и у тех и у других законный правитель – король Латииона. У него и титул официальный звучит как «Его королевское величество, король Латииона, Коррэя и Санна». Большого толку нам от этих земель нет, но и давать им независимость короли Латииона пока не спешат.

Ну и последнее княжество, лежащее западнее наших земель, на побережье Загадочного океана, называется Кидуа. На входе в залив Дракона расположена столица Кинай. Кидуанцы – известные на весь мир мореходы. Именно они открыли все известные нам сейчас материки. Именно они первыми поселились на Эллоре. Именно от них мы узнали о Тондроне и его страшных правителях.

И я забыла рассказать только об одном месте. Вот тут, почти посередине Анурского хребта, где сходятся границы Саррассы, Латииона и Дории, находится гномский анклав Дак Анбур с подземной столицей Дуондур. Эти земли формально принадлежат империи, но гномы давно заключили соглашение, по которому имперцы не претендуют на них, а гномы платят богатую дань самоцветами и металлами.

Мэйлинн остановилась и перевела дух. Последние полчаса она болтала почти без умолку, даже взмокла. Удивительно, но Бин всё это время зачарованно следил за пальцем лирры, порхающим над картой, и старался не упустить ни одного слова.

– Что-то мы заболтались, – Мэйлинн изящно поднялась, отряхнулась и стала не спеша скручивать карту. – Нам уже пора. Надеюсь, ты отдохнул. Вставай давай, да пойдём дальше.

Бин нехотя встал на ноги, слегка скривившись. Ноги затекли от долгого неподвижного сидения, и сейчас кровь болезненно возвращалась в мышцы.

– Спасибо за урок, – совершенно серьёзно поблагодарил он лирру.

– Да не за что, – отмахнулась та. – Всегда приятно блеснуть знаниями. Ну, пошли, что ли...

Глава 4. Рассказ Бина

– А ты же, помнится, говорила, что нам с тобой не по пути, – через пару минут ходьбы подал голос Бин.

– Говорила, – легко согласилась Мэйлинн. – Но вообще-то нам с тобой пока по пути. Я как раз направлялась в Латион. Нужно сделать кой-какие дела и пополнить кой-какие припасы.

– Понятно... Наверное, что-то магическое... – буркнул Бин.

– А когда у лирр бывает по-другому? – отшутилась Мэйлинн.

Ещё пара минут в тишине.

– Так какой бес потянул тебя в эту деревеньку? – на этот раз молчание нарушила Мэйлинн. – И зачем тебе вообще понадобились те клячи?

– Да мне они без надобности, – ответил Бин. – Я просто пытался выполнить задание мастеров Гильдии Теней.

– Ничего себе... – протянула Мэйлинн, взглянув в лицо Бину. – Так ты состоишь в Гильдии Теней?

– Не состою. Как раз собирался. Это и было моё вступительное задание...

– Вступительное задание? – поинтересовалась лирра. – Как это?

Теперь Бин заглянул ей в глаза – не издевается ли?

– Ты ведь такая мудрая, и столько всего знаешь... А вот того, что знает любой мальчишка Латииона – не ведаешь? – недоверчиво спросил он.

– Если ты ещё не заметил, то я – не любой мальчишка Латииона, – фыркнула Мэйлинн. – Я выросла в других, куда более приличных местах и ни о каких вступительных заданиях Гильдии Теней слухом не слыхивала. Так что прошу тебя просветить меня в этом вопросе. А ещё лучше – Расскажи мне о себе, Бин. Хочу узнать, что за человека я сегодня спасла от смерти, и стоил ли он того... Тем более, дорога дальняя, а так – всё веселей.

– Согласен, если после ты расскажешь свою историю, уважаемая Мэйлинн.

– Согласна. Начинай.

– Не думаю, что это будет равноценный обмен, – начал Бин. – Моя история проста и скучна. Уж куда скучнее истории лирры, воспитывавшейся в знаменитой школе магов...

– Ладно, хватит ложной скромности! – прервала Мэйлинн. – Не бойся, я на многое и не рассчитываю.

– Ну тогда ладно, – ответил несколько задетый за живое Бин. – Слушай. Родился я в Латиионе, и, как уже говорил тебе, более нигде и не был. Дом мой стоит в Складском квартале города. Это в Восточном конце. Квартал бедноты. Там только трущобы да купеческие склады. Дом у нас небольшой, на четыре семьи. Наша живёт в двух комнатах.

– Расскажи о семье, – попросила Мэйлинн.

– Да что там рассказывать... Семья как семья. Отец, мать, две сестры и брат-младенец. Отец работает на складе господина Вуйе грузчиком. Туда же устроил и меня, когда мне минуло пятнадцать. В принципе, работёнка неплохая. Платил господин Вуйе справедливо – мне выдавал два доррина⁶ в неделю, а моему отцу даже два с половиной. Работёнка не сложная – перетаскивай тюки да ящики. В общем, на жизнь худо-бедно, но хватало. Мама сидит с Мартином – это мой младший брат. А вообще она – замечательная белошвейка. Даже сейчас иные знатные дамы Латииона присылают к ней свои заказы. Ну и две сестры – Алика, ей скоро будет восемнадцать, и Нара. Нара – моя любимица с самого детства. Ей сейчас четырнадцать. Алика по осени выйдет замуж и переедет.

⁶ Доррин – мелкая медная монета Латииона. Сто дорринов составляют один серебряный дор. В свою очередь десять доров слагаются в золотой латор.

– Ну так а как же ты оказался-то связан с Гильдией Теней? – поинтересовалась Мэйлинн.

– Да вот так вышло, что Мартин заболел алой лихорадкой. Госпиталя у нас в квартале, конечно, нет, так что обратились к местному знахарю. Тот, хвала Арионну, помог, но запросил за это непомерную цену в половину дора. У нас, конечно, были некоторые накопления, но не столько. Пришлось занимать. Отец взял ссуду у господина Вуйе в рост, так что мы с отцом на двоих теперь приносили два доррина в неделю. Сама понимаешь, что на это не очень-то проживёшь. Тем более, за ребёнком уход нужен, снадобья... Да и проценты у Вуйе такие, что долг почти и не уменьшается... Вот и решил я поискать более прибыльной работы...

– У мастеров Теней? – с некоторым осуждением спросила Мэйлинн.

– А почему нет? Говорят, сами мастера живут не хуже иных дворян, а то и королей. Да и ученики и подмастерья тоже не бедствуют. Я слышал, что даже ученик может в неделю заработать до двенадцати дорринов.

– Но каким способом!.. Ведь в лучшем случае – это банальное воровство. А в худшем... Я знаю, что мастера Теней не гнушаются и наёмными убийствами, – Мэйлинн нахмурилась.

– Ну что тут скажешь... Лучше воровать, чем умирать от голода и смотреть, как умирают твои родные. Другой работы нам с отцом было не найти. А сестры... Не выставлять же их на потеху мужчинам... А наниматься прачками за доррин в неделю тоже большого смысла нет.

– Ладно, не нужно оправдываться. Каждый сам выбирает свою дорогу. И кто я, чтобы судить? Продолжай. Мне вот интересно – а как у вас вербуют в Гильдию Теней? Есть, что ли, такая контора – приходишь, заполняешь формуляры... – с лёгкой насмешкой спросила Мэйлинн.

– Нет, конечно, – Бин не принял игры, он наоборот стал ещё более хмурым. – Возле рыночной площади есть дворик в глубине небольшой аллеи. Там стоит скамья. Если хочешь принять участие в испытании мастеров Теней, приходишь и остаёшься ночевать на этой скамье. Утром находишь записку в урне недалеко от скамьи. Там – задание...

– Постой, а если человек не умеет читать? – заинтересовалась лирра.

– Ежели человек не умеет читать, то ему точно нечего делать в Гильдии Теней. Пусть промышляет по карманам на рынке. Да и то ровно до той поры, пока его дорожка не пересечётся с Гильдией. А это случится, скорее всего, весьма скоро, – ответил Бин и в его голосе прорезалась плохо скрываемая гордость.

– Ну ты-то как раз грамотный ровно настолько, чтобы воровать что-то крупнее, чем мелочь у зевак, – не преминула поддеть Мэйлинн.

– Да ну тебя! – обиделся Бин.

– Ладно, извини. Продолжай.

– Ну вот. Получаешь записку. Выполняешь то, что там написано. Если справился – дают второе задание, посложней. И во второй раз сами Мастера предупреждают городскую стражу о готовящемся преступлении. И вот если ты и со вторым заданием справляешься, то в третьей записке уже получаешь адрес и пароль.

– Кстати, о страже. Если все всё знают об этом – почему бы страже не устроить засаду у этой самой лавочки?

– А зачем? Подобных лавочек в Латионе много. Прикроют одну, тут же появится следующая. Но дело даже не в этом. Во-первых, Гильдия Теней баснословно богата. Так что городская стража кормится с их рук. Во-вторых, Гильдия избавляет город от мелкой шушеры, от которой и страдает большинство горожан. Как я уже говорил, Гильдия не приветствует «дикарей», и если таковые находятся, то очень быстро теряются в водах Труона. Ну и в-третьих, слишком многие пользуются услугами Мастеров Теней. И купцы, которым нужно выбить долги, и чиновники, которым нужно убрать надоедливую конкурента. И даже жёны, которым очень мешают ревнивые мужья.

– Всё ясно. Ну так, значит, ты прилёг на этой самой скамеечке...

– Я прилёг на этой самой скамеечке, а утром достал записку, где требовалось увести двух коней из деревни Пыжи и привязать их в роще у Весёлых ворот.

– Ну поскольку я застала только финал этой истории, расскажи уж, как ты так попался.

– Да как... Я специально решил увести лошадей среди бела дня, потому что знаю, что в такую жару селяне обычно сидят по домам, предпочитая делать свои дела с заходом солнца. Поначалу всё было хорошо. Когда я пришёл в деревню, она действительно казалась вымершей. Я нашёл конюшню, заглянул через щели. Как мне показалось, там никого не было. Ну я и зашёл... Но как стал уже перерезать верёвки, понял, что ошибся. В углу, в соломе, дремал конюх. Я его сразу-то не заметил, а он, видать, проснулся...

– Наверное, ты слишком громко сопел, – решила вновь поддеть Бина Мэйлинн.

– Наверное, – Бин не поддался на провокацию. – Как бы то ни было, режу я верёвку, и тут слышу сзади: «Эй, ты чего?». Не успел обернуться, как эта деревенщина схватила меня за плечо. Я так растерялся, что даже забыл, что у меня в руках нож...

– И слава Арионну, что забыл! – проворчала Мэйлинн. – Ты что – мог бы зарезать человека?

– Нет, не мог бы, – признал Бин. – В общем, пока я очухался, он уже тащит меня из конюшни. Ну я начал было вырываться, да куда там! Он так по уху-то зазвездил, что я думал, что у меня сейчас череп схлопнется. А потом он стал кричать, звать народ. Вот и набежало ещё трое его товарищей. И вчетвером они меня здорово отлупили. Думал, прямо там и порешат, да один из них сказал, что меня, мол, судить надобно прилюдно. Послал мальчика какого-то к старосте, велел готовить суд. После они меня ещё какое-то время пометелили для закрепления эффекта, затем привязали к жердине и поволокли. Ну а дальше ты видела...

– Ну а дальше я видела, – согласилась Мэйлинн. – Видок у тебя был тот ещё. Да, в общем-то, как и сейчас. Ну теперь-то, думаю, дорога в Гильдию Теней тебе заказана?

– Теперь уж наверняка... – понурился Бин. – На кой им недотёпа, который не смог у тупых колонов кобыл увести! Если вторично теперь в аллейке этой покажусь, боюсь, что нынешняя головомойка мне материнской лаской покажется.

– Ну, что не делается – всё к лучшему! Не стал ты вором – и на том спасибо! – весело резюмировала Мэйлинн.

– Да уж... К лучшему... Вот только как теперь с долгами расплачиваться?... Хоть в крепость иди!.. – в отчаянии бросил Бин.

– Ну ты погоди пока глупости говорить, – Мэйлинн положила ему руку на плечо, но тут же убрала. – Может и придумаем, как беде твоей помочь.

Лирре показалось, или Бин действительно даже хлюпнул носом? Но когда она испытующе наклонила голову, чтобы заглянуть в его лицо, он сам повернулся к ней. Конечно, лицо его было искажено от боли и волнения, но слёз, кажется, не было. Может, просто текло из расквашенного носа... Хотя чувствовал себя он явно неловко, поэтому поспешно предложил:

– Ну теперь твой черёд рассказывать о себе!

– Я не против, – легко согласилась Мэйлинн.

Глава 5. Рассказ Мэйлинн

– Уверена, ты маловато знаешь о лиррах, – начала Мэйлинн. – Хотя мы испокон веков живём вместе с людьми, отношения между нашими расами нельзя назвать очень уж тёплыми. Слава Арионну, до войн и открытых столкновений дело не доходит, но неприязнь между людьми и лиррами заметна невооружённым взглядом.

– Возможно, её бы не было, если бы не знаменитое высокомерие лирр, – пробурчал Бин.

– Или, возможно, дело в извечной зависти людей? – Мэйлинн не оскорбилась, напротив, ещё раз отметила про себя, что парень не таит мыслей за пазухой. – Ведь ваш век вдвое короче нашего, да и способностями природа нас не обделила.

– Ладно, все хороши, – примирительно проговорил Бин.

– Согласна. Ну я продолжаю. Родилась в достаточно знатной семье. Поскольку у меня была сестрёнка, родители с радостью отдали меня в Школу Наэлирро. Ты же знаешь, что лирры весьма нечасто приносят потомство, в отличие от вас, людей, поэтому по закону в Наэлирро можно отдавать дочь лишь тогда, когда в семье имеется не менее двух девочек. В общем, как только мне исполнилось шесть, родители отвезли меня в замок Наэлирро. С тех пор я больше их не видела. Они регулярно присылали мне открытки два раза в год, но... Теперь у меня была другая жизнь и другая семья.

– Это печально... – сочувственно пробормотал Бин.

– Да нет, – ответила лирра. – Ты просто не представляешь, что для лирр означает обучение в Школе. Это очень великая честь для семьи, чьи отпрыски оказались в Наэлирро.

– А правда, что в вашей Школе обучают только девочек? – спросил Бин.

– Конечно, правда. Так уж получилось, что у лирр очень мощный магический потенциал, но вот лирры-мужчины не способны *почувствовать возмущение*.

– Почувствовать *что*?.. – озадаченно переспросил Бин.

– *Возмущение*. Ты, я вижу, не знаком с основами магии?

– Ну как же... Конечно знаком. Просто позабыл о них после сегодняшних побоев, – съязвил Бин.

– Да, извини. Когда постоянно общаешься в кругу магов, как-то забываешь, что есть и обычные люди.

– Ну так просвети меня, если это не тайна!

– Никакой тайны. Это можно прочесть в самой заваливающей книжонке о ярморочных фокусах. Но это снова будет долго, уж извини.

– А мы разве куда-то торопимся? – хмыкнул Бин. – Точнее, мы-то конечно, торопимся, но беседа дороге не мешает.

– Ты прав. Ну тогда слушай всё с самого начала.

Много-много эпох назад мира не было. Не было вообще ничего. А то, что было, было Ничем. Ни тьмой, ни светом, ни пустотой, ни веществом. Просто ничем. Абсолютным Покоем. Отсутствием любого движения. Но что-то случилось, и в этом Ничто зародилось какое-то движение. Оно нарушило существующий порядок и стало вовлекать в себя окружающее. Начав двигаться, Оно приобрело нечто, отличное от всего остального. Из движения возникла сила, а из силы – разум. Так появился Неведомый, Творец Сущего.

Неведомый стал творить. Он сотворил и тьму, и свет, и пустоту, и вещество. По сути, Он сам становился всем этим. Он стал как бы раздувающимся шаром внутри Ничто. И чем больше Он становился, тем больше первоначального Ничто преобразовывалось и вовлекалось в создание. Однако, тут же возник главный Парадокс Создания. Созданное Неведомым уже не было Абсолютным Покоем. Это был Хаос. Конечно, Неведомый упорядочивал этот Хаос как

мог, но после оказалось, что Хаос стал существовать сам по себе, независимо от воли Творца. И в этом случае он часто приобретал новые, более разрушительные формы.

Далее, как утверждают жрецы Белого Арионна и Чёрного Асса, Неведомый создал двух своих сыновей. Как ты уже понял, одним из них был Белый Арионн в образе белого Единорога, а вторым – Чёрный Асс в образе чёрного Василиска. И затем, как утверждают жрецы, Неведомый исчез, растворился в Покое. Он это сделал, чтобы предотвратить Сферу Создания от дальнейшего разрастания и, как следствие, от увеличения Хаоса внутри. Ну а работу продолжили Его сыновья.

Вместе они стали творить внутри Сферы новые формы – миры, солнца, звёзды. И очень скоро стало понятно, что для сохранения баланса сил братья должны противодействовать. Так, например, если Арионн создавал день, то для того, чтобы Хаос не усилился, Ассу нужно было создать ночь. Ну и так далее.

– Постой-ка... Ты сказала «миры». Так, стало быть, наш мир не единственный? – удивлённо прервал лирру Бин.

– Наверняка, конечно, этого никто не знает, ведь мы не можем оказаться за пределами своего мира, но учёные сходятся во мнении, что миров огромное количество. Ведь трудно представить, чтобы такие могущественные сущности как Арионн и Асс ограничились бы созданием лишь одного мира. Или что Сфера Создания так мала.

– Ничего себе... А как ты думаешь, когда-нибудь мы сможем увидеть другие миры? Ну не мы с тобой, а вообще – обитатели нашего мира.

– Не знаю. Это ведь только ты, Бин, можешь утверждать, что знаешь что-то «точно». А я могу лишь предполагать. Но я думаю, что – да. Однажды это станет возможно. По крайней мере, маги, жрецы и учёные бьются над этой проблемой долгими столетиями. У нас в Наэл-ирро есть отдельный факультет Сфероисследования, одной из задач которого является именно поиск путей в другие миры. Кстати, некоторые учёные утверждают, что какие-то пути открыты уже сейчас. Ты же слышал о саррассанских заклинателях демонов? Они призывают демонов и джиннов, исполняющих желания. Есть такое мнение, что демоны и джинны – это как раз существа иных миров, которые посредством магии удаётся вызвать к нам. Ну а раз так, то рано или поздно можно будет научиться путешествовать в другую сторону.

– Вот уж не хотел бы отправиться в путешествие в мир, населённый демонами! – воскликнул Бин.

– Этого бы никто не хотел, я думаю. Ну разве что парочка свихнувшихся учёных. Но ведь важен сам принцип. Если понять принцип связи с миром демонов, на его основе можно организовать связь и с другими мирами. Мирами, где, возможно, живут такие же люди, как ты, или такие же лирры, как я. Может быть, есть в Сфере миры, где нет войн, нет болезней. Где лирры живут душа в душу с людьми и гномами. Может быть, там есть другие расы, ещё более удивительные и прекрасные... – на лице Мэйлинн появилось мечтательное выражение.

– Да, это было бы здорово. Ну так что там было дальше с сотворением Сферы?

– После того, как миры были сотворены, боги стали замечать, что они прекрасны, но пусты. И они стали творить Жизнь. Сначала это были растения, затем – насекомые, животные. Ну и, наконец, разумные расы. Нужно ли говорить, что Ассу параллельно с Жизнью пришлось тут же создать и Смерть. Наряду с цветением – увядание, в пару здоровью – болезни.

И поняли братья, что Неведомый невольно обрёк их на соперничество и борьбу. То, что делал один, второй вынужден был искажать, переиначивать, чтобы сохранить баланс и сдерживать Хаос. И решили они разойдись в разные полюса Сферы, чтобы быть максимально далеко друг от друга. Горько было братьям, ведь они понимали, что никогда не смогут увидеться. Но ещё горше им стало, когда они осознали, что одна встреча им всё же предстоит. Они вдруг поняли, Хаос внутри Сферы постепенно станет увеличиваться, и когда-то захватит всю её целиком. И чтобы не допустить этого, её в один прекрасный миг придётся очистить от всякого дви-

жения, вернуть в исходное состояние. И сделать это придётся именно им, двум братьям, любящим друг друга, но обречённым на битву, в которой погибнут они оба, а с ними и всё сущее.

Приняв решение, Арионн и Асс, последний раз взглянув друг на друга, разлетелись в разные полюса. Но между ними возникло *возмущение*. Оно потянулось от одного полюса Сферы к другому, подобно той силе, которая возникает между двумя концами магнитного бруска. Это *возмущение* мы и называем магией. Некоторые живые существа оказались способны ощущать это *возмущение* и использовать его. Так возникли маги.

У нас, лирр, существует чёткое разграничение, которого нет ни у каких других рас: лишь только женские особи способны ощущать *возмущение*. Мужчины же лишены этого. По крайней мере, в той форме, которую мы называем магией. Хотя лирры-мужчины часто проявляют сверхъестественные способности в бою – их стрелы летят без промаха, а сами воины могут уворачиваться от вражеских стрел. Я слыхала о знаменитом воине-лирре Волотоне, который мог отбиваться сразу от семи противников, будучи лишён возможности видеть и слышать что-либо. Ему надевали на голову специальный глухой шлем, но это не мешало ему отражать любые удары.

Что же касается женщин-лирр, то у них есть способности к магии, и они огромны, но находятся в спящем состоянии. И вот чтобы *пробудить* их, девочки-лирры отдаются на обучение в Школу Наэлирро или, если перевести название, Школу Лиррийской магии.

Девочек отдают в возрасте шести лет. Как я уже говорила, что в Школу могут попасть только девочки, у которых есть сёстры. Если в семье только одна девочка, по закону обучаться в школе она не может, поскольку прошедшие обучение Наэлирро, к сожалению, становятся бесплодными. Отличительным знаком воспитанниц Наэлирро является особая татуировка, сделанная вокруг шеи, так называемый ошейник Наэлирро. Узор его индивидуален у каждой девочки. Этот узор по традиции наносит гном, причём эта обязанность передаётся от отца к сыну. Мой ошейник, как и ошейники многих до меня, создавал мастер Баддай. Это было очень торжественно... и очень больно... Но так начинается путь магини-лирры.

Может показаться странным, но из всех преподавателей Школы Наэлирро только одна женщина-магиня. Она преподаёт Сосредоточение – заклинания, пассы и тому подобное. Все остальные – только мужчины. Именно они готовят эликсиры, именно они ведут беседы о предстоящем *пробуждении*. Не говоря уже, что мы изучаем и все остальные науки, не связанные с магией.

С шести лет девочек готовят. Они должны пить определённые эликсиры, *пробуждающие* их магические способности. Они учат пользоваться *возмущением*. Ведь его мало почувствовать, его нужно направить себе на пользу. Со временем это будет делать очень просто, это станет естеством. А поначалу мы заучиваем определённые заклинания. Это своего рода мантры, которые позволяют сосредоточиться на *возмущении*. Произнося определённые слова с определёнными интонациями, мы как бы настраиваемся. Но потом они становятся не нужны, и магини-лирры способны творить магию одними только мыслями.

Но всё же главное в учёбе – это подготовка к *пробуждению*, как мы это называем. То есть к тому моменту, когда девочка-лирра станет магиней. Эта подготовка – исключительно психологическая. Дело в том, что *пробуждение*... это очень своеобразный процесс.

Он наступает у каждой девочки индивидуально, но всегда – с первой лунной кровью. Именно в этот момент первого в жизни девочки кровотечения организм, заранее подготовленный эликсирами, преобразуется. Причём весьма жестоко. В отличие от людей, лирры должны платить за право пользоваться магическими способностями. И платить немалую цену. Причём, чем выше цена, тем больше будет даровано. У моей подруги-однокурсницы Оливы выпали все зубы и волосы. Вот прямо так, в один момент. Но вообще за время обучения в Наэлирро я видела и более жуткие вещи.

Мне было девять, когда я увидела одну из воспитанниц, которая накануне перенесла *пробуждение*. Её глазные яблоки были молочно-белыми, будто сваренными. И кричала она так, словно они до сих пор варились в кипятке, хотя после *пробуждения* прошло уже больше суток. А ещё у одной кости на руках и ногах скрутило дугой в прямом смысле слова. Рассказывают, что самая могущественная из магинь-лирр Дайтелла вообще полностью парализована. Якобы она не может пошевелить вообще ничем – не моргает, не может сглатывать слюну и даже дыхание её поддерживается лишь силой её магии.

– Да в гробу я видал такое могущество!.. – скривился Бин. – Что толку от него, если ты лежишь целыми днями, как бревно?

– Не скажи. Многие отдали бы всё ради этого. Собственно, они всё и отдают. Если по одному мановению твоей мысли расступаются воды в море, если ты читаешь в душах людей всё самое сокровенное, даже если они находятся во многих милях⁷ от тебя...

– Толку-то читать, если сказать об этом ты не можешь... – фыркнул Бин.

– А для чего говорить? Если тебе будет нужно, твой голос громом раздастся в головах тысяч людей. Ты можешь создать огненные письма прямо в небе, и их увидят миллионы.

– То есть, ты бы тоже так хотела? – посмотрел на лирру Бин.

– Вероятно, нет, – несколько растерянно ответила Мэйлинн. – Понимаешь, никто точно не знает, какие факторы влияют на то, *как* даются способности магиням, и *чем* за это они должны платить. Считается, что всё это во власти самой лирры. Каждая имеет какие-то амбиции и хочет стать более или менее сильной магиней. Главное – на *что* ты готова решиться ради этого. Ну и что ты хочешь получить взамен. Как у нас говорят: «Рушить горы или заборы?». В конечном итоге решаешь, наверное, именно ты. Только вот это решение лежит не в плоскости рассудка, а где-то гораздо-гораздо глубже. Именно поэтому с шести лет нас и готовят к *пробуждению*. Нам честно показывают все те телесные увечья, которые постигают магинь. Но и демонстрируют возможности, которые они приобретают.

За годы в Наэлирро я видела почти три десятка выпускниц. Конечно, большинство из них отделяется какими-нибудь выпавшими зубами, как Олива, или там чесоткой. Но и магические способности их будут невелики. Так – предсказания на ближайший день, или, к примеру, вызвать дождь над полем... У одной магини после *пробуждения* загнила грудь. Она покрылась чёрными жилами, а из сосков постоянно сочился гной. Её магические силы будут не в пример сильнее.

В общем, нам показывали обе стороны медали, и дальше уже каждая из нас, где-то в глубинах подсознания, наверное, решала – что же ей ближе. Наиболее сильные и фанатичные уже в шесть лет мечтали стать такими, как Дайтелла. Но говорить, что хочешь и хотеть – не одно и то же. Поэтому за время моего пребывания в Школе никого подобного не возникло, хотя и появилось несколько сильных волшебниц, как я только что сказала.

– Но по тебе не видно никаких изменений... – растерянно проговорил Бин. – Или у тебя ещё... – он покраснел и стушевался.

– У меня уже были лунные кровотечения, если ты об этом. Но... Я не стала магиней. В этом-то всё и дело. Я – первая в истории лирра из Школы Наэлирро, которая не *пробудилась*, – с отчаяньем воскликнула Мэйлинн и даже закрыла лицо руками.

– Может, ты просто не заметила? – робко, с явной попыткой утешить пробормотал Бин и сделал шаг к лирре с явным желанием если и не обнять, то хотя бы положить руку ей на плечо. Однако Мэйлинн резко отдернулась и повернулась к Бину с какой-то даже злостью.

– Не заметила??? Не говори ерунды!!! Что ты можешь об этом знать? Как я могла такое не заметить? *Пробуждение* сразу чувствуется! – в её глазах вскипели слёзы. Видно, она давно давила в себе эти чувства, но вот они вырвались наружу.

⁷ Милья – мера длины, равная примерно 1610 метров.

– Прости меня, я идиот! – в полном отчаянии вскричал Бин и глупо остановился, так и не решив, что ему делать дальше – бежать подальше или всё-таки обнять плачущую лирру.

Как не странно, но именно это комичное отчаяние сработало. Мэйлинн вдруг засмеялась сквозь слёзы.

– Ты не идиот, Бин, – тепло сказала она. – Просто ты многого не знаешь.

– Ну да. Но я исправлюсь! – Бин понимал, что несёт чушь, но сейчас он готов был на любую выходку, лишь бы Мэйлинн больше не плакала.

Так они стояли некоторое время – он, заискивающе глядя ей в глаза и, должно быть, пытаясь прочесть в них какие-то инструкции, и она – утирая слёзы широким серым рукавом и смеясь сквозь слёзы.

– Ну пошли, что ли? – шмыгнув носом, спросила Мэйлинн.

– Да, пошли. Прости меня ещё раз, – горячо попросил Бин.

– Да брось ты! Я не сержусь, потому что ты ни в чём не виноват. Это я. Просто до сих пор не было возможности ни с кем об этом поговорить вот так вот, просто... Вот и расклеилась.

– А как же твои подруги? Преподаватели?

– С подругами после этого я не виделась ни разу. Меня тут же поселили в отдельном флигеле. Наверное, чтоб не смущала остальных, – горько добавила лирра. – А преподаватели... Они скорее допрашивали, чем разговаривали. Смотрели на меня, как на какую-нибудь неведомую зверюшку. Я же – феномен! Наверное, дай им волю, они бы и вскрыли меня, чтоб посмотреть, что внутри. Да и вопросы задавали – один ужасней другого. От самых невинных – не выливала ли я эликсиры, вместо того, чтобы принимать их, до, например, вопроса, не было ли у меня соития с кем-либо, или же не было ли у моей матери любовника из числа людей... Представляешь? Задавать такие вопросы двадцатилетней лирре!

– Что?? – Бин даже споткнулся. – Тебе двадцать?

– А ты думал, сколько?

– Ну... Думал, что не больше шестнадцати...

– Ну ты забыл, что мы живём гораздо дольше вас. Поэтому и созреваем мы чуть медленнее. Увы, лирры гораздо позже людей приобретают возможность зачать потомство.

– Так твоё неудачное *пробуждение* было недавно? – вновь поразился Бин.

– Ну да, около трёх месяцев тому назад, – теперь Мэйлинн откровенно забавлялась растерянностью Бина. – Я имею в виду, что моя первая лунная кровь была примерно три месяца назад.

Бин стал красным, как рак. Он даже зашагал в два раза быстрее. Но поплатился за это почти сразу же, подвернув ногу и рухнув в пыль (в какой уже раз за сегодня?).

Мэйлинн расхохоталась над бормочущим проклятия юношей и, подойдя к нему, протянула руку. Бин затравленно посмотрел на неё, и, не приняв руки, тяжело поднялся сам, что ещё больше усилило веселье лирры.

– Ну чего ты хохочешь? Не видела, как люди падают? – ворчал Бин, отряхивая пыльные колени. – Пошли, чего уж...

Пару минут они шли в тишине. Смех лирры стих, и теперь она шагала рядом с притихшим Бином.

– А ты славный! – вдруг сказал Мэйлинн. – Смешной и славный.

Бин снова вспыхнул и решил скрыть неловкость продолжением разговора:

– Ну а как теперь быть? Я имею в виду, с твоим *пробуждением*. Это как-то можно исправить? – как можно более деловым тоном осведомился он.

– Не знаю, – честно призналась Мэйлинн. – На самом деле, я сама не понимаю, что со мной. Потому что я вроде как *пробудилась*, но как будто не до конца. С моим телом не случилось никаких изменений, но кое-какая магия оказалась мне доступна. Самая простая.

– Ничего себе – простая! Как ты этих шершней натравила на колонов! – попытался подбодрить её Бин.

– Ну ты сравнил! – фыркнула Мэйлинн. – Ты же не станешь восхищаться фехтовальным искусством человека, который насадил на нож кусок мяса, чтобы его съесть! Так и здесь. Управление низшими организмами – это совершенно примитивный вид магии.

– Ну так если ты почти *пробудилась*, может, вскоре ты *пробудишься* до конца?

– Мои преподаватели говорят, что такого быть не может. Хотя я ума не приложу – откуда они могут это знать, если я – единственный в истории подобный инцидент.

– Ну вот видишь! Они просто сами ничего не знают!

– Но я не собираюсь сидеть в запертой комнате до конца лет и ждать, когда же они узнают. Для меня унинительно их отношение ко мне. Ещё вчера они называли меня «милая госпожа Мэйлинн», а сегодня говорят просто: «Присядьте», «Расскажите», «Разденьтесь». Даже по имени не окликали. Я словно перестала быть живой лирой.

– Так ты сбежала? – изумился Бин.

– Ну конечно же сбежала! Или ты думаешь, что Лорд-ректор лично благословил меня на поиски Белой Башни?

– Ну вообще как-то так примерно я и думал... – промямлил Бин. – Так а зачем тебе Белая Башня?

– Потому что Белая Башня может ответить на все вопросы и направить на путь. А то я сейчас либо недоделанная магиня, либо переделанная лира... Не хочу такой оставаться.

– И кем бы ты предпочла стать? – любопытствовал Бин.

– Не знаю... – поникла Мэйлинн. Затем, после недолгого молчания вдруг встрепенулась: – Да кого я обманываю! Конечно же, я всегда знала ответ на этот вопрос. Я не хочу быть магиней, и никогда не хотела. Наверное, именно поэтому так странно сработало *пробуждение*.

– Ну так зачем тогда тебе Белая Башня? – горячо воскликнул Бин. – Ты же сейчас не изменена. Ты, в общем-то, осталась такой, какой и была, разве что ещё и колдовать немного научилась!

– Ты ничего не понимаешь, Бин... – грустно ответила Мэйлинн. – Я сейчас нахожусь в очень неприятном положении. Не знаю, с чем и сравнить. Как если бы у роженицы ребёнок бы застрял где-то на полпути. Несостоявшееся *пробуждение* гложет меня изнутри. И, как будто, с каждым днём всё хуже и хуже. И я даже не знаю, что из всего этого получится, потому что до меня этого ещё ни с кем не случалось! – переходя на нервный крик окончила лира.

Снова молчание.

– Но что ещё хуже, я теперь опозорила свой род... – вдруг снова жалобно заговорила Мэйлинн. – Сначала – неудавшаяся магиня, потом и вовсе – беглянка... Так что мне нужно прийти к какому-то этапу, определиться. Стать кем-то...

– Я помогу тебе, – неожиданно для самого себя вдруг ляпнул Бин.

Лири грустно и как-то даже с нежностью посмотрела на человека и тихо произнесла:

– Помоги сначала самому себе, дурачок, – и улыбнулась.

Глава 6. Дорожная философия

– Всё-таки хорошо, что мы встретились, – некоторое время спустя произнёс Бин, глядя в противоположную от лирры сторону.

– Ещё бы, – хихикнула та. – Учítывая, что если бы не я, ты сейчас медленно вялился бы на солнышке, болтаясь между небом и землёй.

– Вообще-то, по крайней мере у нас, людей, не принято так часто напоминать об оказанной услуге... – насупился Бин.

– А что здесь такого? Я ведь не совершила никакого плохого поступка. Почему бы мне об этом не говорить?

– Да, и я уже несколько раз поблагодарил тебя. И ещё раз благодарю.

– А я уже в очередной раз говорю, что не стоит, – весело ответила Мэйлинн.

– Вообще-то я хотел сказать, что сегодня узнал столько нового и интересного благодаря тебе!

– Я всегда рада рассказать то, что знаю. Ты только спрашивай.

– Вообще-то у меня есть ещё вопрос. Вот ты рассказала об Арионне иASSE. Кое-что я, конечно, слышал от нашего преподобного, но не в таких подробностях. Меня вот интересует Первосоздатель. Кто это? Когда я спросил об этом преподобного Мэлла, он просто посоветовал не забивать голову ересью и глупостями. Мол, никакого Первосоздателя нет и не было. А больше спросить мне не у кого – в нашем квартале нет храмов Первосоздателя, и среди моих знакомых нет его адептов.

– Я всё больше удивляюсь тебе, Бин. Сколько любопытства в простом складском грузчике! – проговорила Мэйлинн.

Бин хотел было обидеться на последние слова, но затем понял, что лирра «ничего такого» не имела в виду, и сказала это всё как есть, от чистого сердца. Ведь кто он, как не простой складской грузчик, да ещё неудавшийся вор впридачу! Так что Бин неожиданно для себя увидел фразу, которую только что принял за оскорбление, в совершенно новом свете, как искреннюю похвалу. И это было очень приятно.

– Ну грех не воспользоваться ситуацией, – польщённо пробормотал он.

– С удовольствием расскажу тебе о Первосоздателе. Около тысячи лет назад жил в Кидуе богослов, Ирвин Кинайский, из расы людей. Он изучал священные тексты о Сфере Создания, а также различные предания об Арионне иASSE. И вот он пришёл к выводу, что тот, кого принято называть Неведомым, и которого люди считали безвозвратно растворившемся в Покое, не мог никуда деться из Сферы. Ведь первоначально Он и был Сферой, и затем создал Арионна иАсса как частицы Себя. Поэтому Ирвин Кинайский объявил людям, что Неведомый никуда не делся, и что он по-прежнему с нами. Просто Он стал триединым богом: в одной ипостаси – Сфера, в другой – Арионн и в третьей – Асс. То есть Арионн и Асс, по сути, являются не самостоятельными богами, а лишь аватарами Неведомого. И богослов назвал его Первосоздателем. Отсюда и пошло начало протокреаторианства. Позже последователи Ирвина пошли ещё дальше, и выдвинули теорию, что Арионн и Асс – даже не аватары, а словно два лица Первосоздателя. И, образно говоря, там, где люди по невежеству видели двух разных сущностей, была всего одна, но с двумя головами.

Долгое время жрецы Арионна иАсса совместными усилиями боролись с протокреаторианцами. Их бросали в тюрьмы, жгли на кострах, травили дикими зверьми. Кстати, сам Ирвин окончил свои дни также весьма печально – он читал свою проповедь на площади Примирения в Кинае, где рядом, напротив друг друга стояли сразу два храма – и башня Арионна, и храмАсса. Кстати, и по сей день это – единственное место на всей Паэтте, где храмы двух богов соседствуют между собой. Так вот, во время проповеди разъярённая толпа прихожан

сразу обоих храмов накинута на несчастного Ирвина, и он был буквально разорван на мелкие кусочки. Городская стража нашла лишь несколько фрагментов тела и огромную лужу крови.

И вот подобные ужасы продолжались, пока около восьмисот лет назад, в 927 году от смены эпох, дук Кидуи Эйнин II Корский своим эдиктом не признал протокреаторианство культом, официально управляемым и признанным в государстве Кидуа. Вскоре за вольнодумной Кидудей, Первосоздателя признали и в Пунте и Палатие. Ну а дальше уж Латион, правители которого всегда мнили себя просвещёнными, объявил протокреаторианство равноправным по отношению к культам Арионна и Асса. Не все были этим довольны, конечно, но как-то свыклись со временем. Хотя и по сей день и адепты Арионна, и адепты Асса воротят носы от последователей Ирвина Кинайского. Адепт Арионна скорее побратается с адептом Асса (кстати, это и не редкость, ведь есть даже семьи, где муж и жена принадлежат разным храмам), но ни один из них никогда не признает Первосоздателя.

– А ты сама? – полюбопытствовал Бин. – Ты несколько раз упоминала Арионна. Значит, ты – арионнитка? Лично я и вся моя семья – арионниты.

– Нет, Бин, я не арионнитка. И не ассианка. Мой род, как и большинство лирр, принадлежит к протокреаторианству. Так что – видишь – у тебя появился первый знакомец-протокреаторианец, – улыбнулась Мэйлинн.

– Ну... Я... Вообще-то, мне совершенно всё равно, к какому храму ты принадлежишь, – поначалу несколько стушевавшись, ответил Бин. – Я считаю, что вера – личное дело каждого. Тем более, ты столько всего знаешь, и твоя вера, уж конечно, куда осмысленней моей. Мне-то просто в детстве матушка сказала, что все добрые люди верят в Арионна.

– Ты молодец, Бин! – искренне похвалила его лирра. – Я не перестаю тебе удивляться. Побольше бы таких людей!

– Так почему ты всегда поминаешь Арионна, а не Первосоздателя? – недоумевал Бин.

– Ну это уже вопрос скорее не религиозный, а философский, или даже мировоззренческий. Я верю, что бог – един, но некоторые Его проявления мне не нравятся. И если Он одной рукой созидает, а другой разрушает, я буду благословлять Его первую руку и проклинать вторую, пусть даже умом я и понимаю, что вторая рука действует во благо Сферы. Поэтому я почитаю Первосоздателя-Арионна, и стараюсь не думать о Первосоздателе-Ассе.

– Ну вот видишь! Об этом я и говорил! – воскликнул Бин. – Я хочу тоже узнать об этом как можно больше, чтобы в один прекрасный день осмысленно принять веру в одного из богов!

– Ну ты уже встал на этот путь сегодня. Осталось только следовать по нему.

– Ну тогда я хотел бы задать ещё один вопрос. Вот у нас сейчас 1711 год от смены эпох. А я вот никогда не понимал – что это за эпохи, и как они сменяются...

– Ну, благодарение Арионну, я и тут могу тебя просветить, – шутливо поклонилась Мэйлинн.

– Благодарю, достопочтенная госпожа, – вернул такой же поклон Бин, не забыв расшаркаться босой ногой по пыльной дороге.

Мэйлинн фыркнула в кулачок, но затем продолжила уже более серьёзным тоном:

– Считается, что перед исчезновением Неведомый запечатал Сферу двадцатью четырьмя Рунами, которые должны были до срока сдерживать Хаос в разумных пределах. Каждые четыре тысячи лет одна из Рун сгорает, и пути Хаоса слабеют. Богословы утверждают, что когда Рун не останется вовсе, или останется слишком мало, чтобы сдерживать Хаос, как раз и случится Последняя битва Арионна и Асса. Вот мы и отсчитываем эпохи каждой из двадцати четырёх Рун. Я не стану перечислять тебе их все, хотя нас в Наэлирро заставляли заучивать их наизусть. Скажу только, что мы живём в эпоху Руны Кветь, и длится она, как ты понял, уже тысячу семьсот одиннадцать лет. Соответственно, чуть больше, чем через две тысячи лет сгорит и эта Руна, и начнётся следующая эпоха.

– А много там ещё осталось этих Рун? – поинтересовался Бин. – Не то, чтобы я планирую жить больше двух тысяч лет, но всё же приятно было бы осознавать, что миру пока ничто не угрожает.

– На этот счёт можешь не беспокоиться, – засмеялась лирра. – Кветь – всего лишь шестая Руна. Так что ближайшие сорок тысяч лет ты можешь вообще ни о чём не волноваться.

– Но ведь с каждой снятой печатью Хаос будет становиться всё сильнее? – заметил Бин.

– Думаю, что так. Он и так уже усилился, и это становится заметно, если знать, куда смотреть, – мрачно проговорила Мэйлинн.

– Например?

– Ну вот, судя по летописям, в прошлую эпоху продолжительность жизни лирр (обычных, не магинь) была свыше двухсот лет. Сейчас мы в среднем доживаем лишь до ста пятидесяти. Может быть, к двадцатой Руне жизнь в нашем мире вообще выродится, и лирры потеряют способность говорить, и будут жить двадцать-тридцать лет. И вполне возможно, что в первую эпоху лирры могли жить полтысячи лет и больше. Сейчас это доступно лишь магиням.

– Что, магини живут гораздо дольше обычных лирр?

– Конечно. Даже магиня небольшой силы, такая, как моя подруга Олива, например, и то проживёт лет триста. А вот Дайтелла – помнишь, я о ней говорила? – вышла из ворот Наэлирро в первый год эпохи Кветь. Точнее говоря, конечно, её вынесли из этих ворот.

– Так ей что – почти две тысячи лет? – поразился Бин.

– Да. Причём я не удивлюсь, если она доживёт и до следующей эпохи. Вообще, говорят, что самые сильные маги у всех рас появляются именно на стыке эпох. Так что пусть тебя это не удивляет.

– Если честно, меня больше удивляет другое. Как можно прожить две тысячи лет, не имея возможности даже моргнуть? – Бин казался поражённым до глубины души.

– Тебе сложно об этом судить. Она – существо совсем другого плана. Можно сказать, что она уже не лирра. Наши радости и насущные проблемы кажутся ей бликами на росистой траве. И поверь, если бы она когда-нибудь снизошла до того, чтобы хотя бы мгновение подумать о тебе, она была бы удивлена не меньше твоего тем, как можно жить, не имея в себе ни капли магии. Для неё твоя жизнь будет казаться пустой, бесцветной и мимолётной как жизнь бабочки-однодневки.

– Возможно, ты права, – медленно проговорил Бин, хотя было видно, что его уязвили слова лирры. Он вдруг подумал, что когда он, Бин, умрёт, будучи глубоким шестидесятилетним старцем, Мэйлинн будет выглядеть немногим старше, чем она выглядит сейчас, и перед ней будет ещё целая Бинова жизнь, а то и несколько, учитывая, что она всё-таки не простая лирра.

– Ну что, у тебя есть ещё вопросы, о мой ученик? – Мэйлинн, вероятно, почувствовала, что задела Бина и решила шуткой сгладить этот острый угол.

– Да нет. Пожалуй, я за сегодняшний день узнал столько, что моя бедная голова вот-вот лопнет на части. Давай поговорим о чём-то менее глобальном.

И остаток пути до Латина они провели в обычной болтовне, рассказывая друг другу забавные случаи из своей жизни.

Глава 7. Латион

Они стояли у стен Латиона. Многовековые стены, казалось, накалились на солнце до красноты, хотя Бин знал, что это – всего лишь красный гранит. Над стенами возвышались отдельные здания, но доминировали над городом, конечно, белые башни Арионна, традиционно выполненные в виде витых рогов единорога. Они торчали то там, то здесь, и создавалось впечатление, что в городе живут сплошь арионниты. Но это, конечно, было не так. В Латионе было предостаточно храмов Асса, но чёрный бог предпочитал приземистые и разлапистые храмы, больше похожие на капища, окружённые чёрными колоннадами и покрытые чёрной плоской каменной крышей. Естественно, что из-за стен и домов их было не разглядеть.

Также не было в Латионе недостатка и в храмах Первосоздателя, хотя их было заметно меньше остальных. Эти храмы были повыше Ассовых, и имели разновысокие башенки, увенчанные золочёными полусферами, символизирующими одну из ипостасей бога. А в центре храма всегда возвышалась самая высокая башня, которую венчал луковичный купол, состоящий из сплетённых чёрных и белых полос. Одна чёрная и одна белая полосы из этого множества продолжались выше, и свивались над куполом в символ Первосоздателя – переплетённые между собой полосы белого и чёрного металлов, увенчанные золотой сферой.

Но самым высоким зданием в городе всё-таки был Главный храм Арионна. Эта колоссальная белая, словно сахарная башня возвышалась на двести сорок футов и, казалось, разрезала бледно-голубое горячее небо, словно гигантский сталагмит.

– Ничего себе! – выдохнула Мэйлинн, глядя на это великолепие.

– Поражает, да? – с такой гордостью, будто он лично воздвигал эту башню, ответил Бин. – Ты погоди ещё. Вот подойдём вплотную, тогда ты ещё не так удивись! Знаешь, стоя рядом с башней, можно даже упасть, если будешь задирать голову так высоко, чтобы увидеть шпиль. А в дождливые дни половины башни не видно из-за туч!

– Да уж... Такого, конечно, я ещё не видела, – покачала головой лирра.

– Ну пойдём, чего смотреть! – как можно небрежнее произнёс Бин, хотя его просто распирало от гордости за свой город. Утёр-таки нос этой всезнайке!

Они вошли в город через Весёлые ворота – те самые, недалеко от которых Бин должен был оставить уведённых у колонов лошадей. Назывались они так потому, что за ними начинался Весёлый квартал. Он изобиловал тавернами, игорными домами и борделями, но все они были низкого пошиба, поскольку и Весёлый квартал, и прилегающий к нему Складской, были населены сплошь беднотой.

Высшее же общество давно облюбовало правый берег Труона. Когда-то, много сотен лет назад, когда Латион ещё не был таким крупным городом, он весь помещался на левом берегу. Тогда богатые граждане стали строить на противоположном берегу виллы. Со временем вилл стало больше, затем появились и более крупные особняки. Следом туда же переехала королевская резиденция. Были возведены целых два каменных широких моста, проведены хорошие мощёные дороги, возникли храмы... Вот и готов очередной квартал города, который, не мудрствуя лукаво, назвали Заречным. Квартал был обнесён крепостной стеной, а поскольку к тому времени город оброс новыми посадками, то стена, та самая, красногранитная, камень для которой непрерывным потоком везли от Анурских гор, прошла вторым эшелонном, вобрав в себя старый город с новыми предместьями. Старую стену (она теперь так и называлась горожанами) разбирать не стали – кто знает, как жизнь повернётся, ведь в те времена соседи были куда беспокойней нынешних. Так и делился теперь Латион на Новый и Старый города. И хотя Новый город насчитывал уже около тысячи лет, название ему уже не меняли.

Кварталы Старого города считались более престижными, хотя и улочки там были уже, и дома по нынешним меркам считались не такими удобными. Но именно там располагался

и Храмовый квартал, центром которого была громадная башня Арионна, и Академический квартал, который был по сути городом в городе и целиком принадлежал известной на весь мир Латионской Академии Высоких Наук. За столетия до нынешних дней Старый город был расширен от старых трущоб и застроен заново. Теперь там жили достаточно уважаемые граждане, которым не хотелось вдыхать по утрам вонь городских трущоб. Под Старым городом, так же, как и под Заречным кварталом, была выкопана целая система канализационных катакомб, и нечистоты стекали в Труон где-то в миле выше по течению от города. Нужно ли говорить, что Новый город подземной канализации был лишён, и сточные каналы, выкопанные вдоль улиц, источали весьма убойные миазмы, не говоря уже о полчищах зелёных мух и легионах крыс.

Но Бина, коренного горожанина, уроженца Кривого проулка Складского квартала, это нимало не смущало. Наоборот, он постоянно оглядывался на идущую позади лирру, ожидая увидеть всё растущий восторг на её лице. Хотя пока, к своему огорчению, видел скорее брезгливость и отвращение.

Сейчас Весёлый квартал был практически безлюден. Большинство таверн заплывут посетителями лишь к вечеру, когда окончится рабочий день и спадёт немилосердная жара. Из ближайшего игорного дома слышался стук костей и голоса, но, судя по всему, там сейчас находилось не больше пяти посетителей. Ну а в борделях были закрыты даже ставни, и барышни, вероятно, в большинстве своём спали, готовясь к очередной бессонной ночи. Последнему, кстати, Мэйлинн была очень рада, поскольку даже фривольные вывески на борделях заставляли её недовольно хмурить брови и отворачиваться. Лишь одна вывеска заставила её вспылить. На ней было указано (и снабжено соответствующими изображениями), что в этом весёлом доме можно найти себе пару любого пола и расы.

– Не может быть, чтобы хоть одна лирра согласилась работать в подобном заведении! – яростно воскликнула Мэйлинн, сжимая кулаки.

– Увы, но соглашается... – чуть виновато ответил Бин. – И не одна.

– Пойдём прочь отсюда! – выкрикнула Мэйлинн. – Далеко нам ещё?

– Ну сначала мы зайдём ко мне домой, я хочу познакомить свою семью с лиррой, спасшей мне жизнь. А затем отправимся по твоим делам. А дом мой уже недалеко.

К облегчению Мэйлинн публичные и игорные дома скоро сменились длинными деревянными постройками, вокруг которых жизнь кипела, даже не смотря на жару. Наша парочка наконец добралась до Складского квартала.

Здесь Бин снова нашёл возможность попытаться произвести впечатление на спутницу. Пытаясь показать, что здесь он – свой парень, и что он уже совсем взрослый, он стал здороваться со встречающимися ему людьми как с близкими знакомыми. Кому-то он степенно кивал головой, кому-то энергично махал рукой, кому-то кричал что-то вроде «Эй, Дугер, привет! Опять лентяйничаешь?», а к двум-трём наиболее солидным грузчикам даже подбежал, чтобы пожать руку. Правда, Мэйлинн заметила, что большинство отвечало на его приветствия как-то рассеянно, скорее всего, даже не узнавая, кто перед ними, а один из тех, кому Бин пожал руку, вообще озадаченно остановился и стал поглядывать на эту странную парочку. Но Бин ничего этого не замечал, он всё больше раздувался от важности. Лирра на всякий случай потуже затянула шнурки блузы на высоком воротнике, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Так они миновали склады и углубились в узкие запутанные лабиринты трущоб. Мэйлинн с каким-то удивлением разглядывала окружающий её мир. Казалось невероятным, что здесь может жить и развиваться разумное существо. И тем более казалось невероятным, что это разумное существо может развиваться в кого-то вроде Бина.

– О, вот мы и дома! – радостно воскликнул Бин, когда они подошли к очередной развальной.

Как и говорил Бин, это был достаточно небольшой, двухэтажный домик. Возможно, когда-то он был построен целиком из досок, но с тех пор прошло много времени, и владельцы

дома неоднократно латали прорехи в стенах чем придётся, поэтому сейчас дом больше напоминал причудливый чешуйчатый и замшелый валун, топорщащийся какими-то деревяшками, хлопающий тряпками и звенящий кусками прибитой проржавленной жести. Небольшие покосившиеся окошки зияли на этом многообразии как жерла пещер. Мэйлинн поймала себя на мысли, что в их Наэлирро лачуги последних из прислужников выглядели бы дворцами рядом с этим жилищем.

Входная дверь, ведущая в общую проходную и на лестницу второго этажа, была открыта. И на покосившихся ступеньках низенького крылечка, прячась от солнца в жиденькой тени навеса, сидела девушка лет четырнадцати и пришивала пуговицу к женской рубашке довольно тонкой работы. Мэйлинн сразу же догадалась, кто перед ней. И Бин секундой спустя подтвердил её правоту:

– Эй, Нарка! – весело крикнул он. – Если будешь постоянно сидеть на солнце, то тебя, такую чёрную, никто из Заречного квартала замуж не возьмёт!

Девушка встрепелась и, увидев брата, вскочила и крикнула в провал входной двери:

– Маа! Бин вернулся!

– Ему лучше бежать отсюда подальше, потому что я собираюсь сломать кочергу об его спину! – сверху раздался голос, в котором слышался гнев пополам с огромным облегчением. – Я научу его, как пропадать ночами! – на лестнице второго этажа показалась крупная тень. – Я его, паршивца...

Из двери вышла немолодая уже, около сорока лет, женщина. Очень полная, причём было видно, что эта одутловатая полнота обусловлена не недостатком пищи в доме, а какими-то внутренними нарушениями организма. На ней была простая ночная рубаха, вся пропитанная потом, и чепец, из-под которого выбивались седые волосы. В одной руке женщина действительно держала кочергу, но другая теребила ткань рубашки на груди, и Мэйлинн точно знала, что там у неё на бечёвке висит кулон в виде рога единорога – символ Арионна. И сейчас, увидев, в каком состоянии её сын, женщина осеклась на полуслове.

– Что с тобой, сынок? – воскликнула она, и кочерга со звоном упала на крыльцо.

– Всё в порядке, ма, небольшие проблемы. Но всё уже в прошлом. Давай-ка пройдем в дом, и я всё расскажу.

– А это кто? – несмотря на подслеповатый взгляд, мать Бина разглядела, что рядом с сыном стоит лирра. Кулаки непроизвольно сжались, и за ними следом сжалось материнское сердце, почуяв какую-то беду.

– Мама, это Мэйлинн, – лирра при этом галантно присела в неглубоком реверансе, слегка разведя руки в стороны, как и подобает знатной юной особе, к тому же воспитанной в Наэлирро. – Она спасла мне жизнь.

Настороженное лицо госпожи Танисти тут же преобразилось в нечто умильно-подобострастное.

– Так чего же мы тут стоим? Прощения просим, прекраснородная сударыня, что не приняла вас сразу, как подобает... – затараторила она, отступая от дверного прохода и освобождая его для Бина и Мэйлинн. – Прошу вас, проходите, поднимайтесь на второй этаж. Только будьте осторожны – ступеньки-то уже гнилые, так что ступайте полегче.

– Не беспокойтесь, сударыня, – учтиво ответила лирра, чем окончательно растопила сердце матери Бина, – Право же, не стоит так беспокоиться из-за меня. Я с величайшей признательностью воспользуюсь вашим гостеприимством.

И все направились в дом. На пороге, пропуская лирру вперёд, Бин шепнул ей:

– Позволь, я расскажу им свою версию событий.

– А как же иначе? – весело шепнула в ответ Мэйлинн и погрузилась во влажный вонючий полумрак коридора.

В небольшой темной комнате витал стойкий, вьевшийся во всё поры этого дома запах жареного лука и застарелого пота. Посреди комнаты стоял стол, за которым едва могли уместиться шесть человек. Собственно, сейчас за ним умещалось четверо, хотя мать Бина габаритами вполне могла сойти за трёх лирр. В тёмном углу стояло что-то вроде колыбели, в которой сейчас беспокойно ворочался ещё не до конца оправившийся от болезни младенец.

На столе стоял глиняный кувшин и несколько стаканов с водой. Больше ничего. Хотя за стеной, где находилась общая кухня, что-то шкворчало. По звуку оно больше всего напоминало жарящееся на сковородке сало. Запах тоже соответствовал данному предположению. Так что вполне можно было сделать вывод, что скоро все присутствующие смогут отведать это самое сало. Мэйлинн, кстати, эта перспектива не особенно радовала, поэтому она старалась отвлечься на рассказ Бина.

Надо сказать, что она с крайним интересом выслушала ту версию, что Бин рассказал домохозяевам. Естественно, в этой версии не было ни полсловечка ни о какой Гильдии Теней. Также в ней не нашлось места жителям славной деревни Пыжи и их многострадальным лошадам. Бин довольно обтекаемо сообщил, что со вчерашнего вечера он пытался найти подработку, и что наконец «наклюнулось одно дельце». Дальше выяснялось, что это самое «дельце» было как-то связано с Верхним кварталом Старого города, где живут зажиточные и респектабельные буржуа, и что его помощь потребовалась одному «довольно влиятельному человеку». Бин мастерски избегал всяческих деталей и напускал туману, так что и мать, и сестра (старшей, кстати, дома снова не было – она сейчас куда больше времени проводила в доме будущего мужа) остались в полной уверенности, что их храбрый и благородный Бин совершил этой ночью нечто поистине героическое.

Мэйлинн с интересом ожидала того момента, когда события подведут к её появлению на сцене. И каково же было её удивление, когда вдруг выяснилось, что она, ни много ни мало, спасла Бина от нескольких (сколько точно – Бин не уточнял) до зубов вооружённых грабителей, которые напали на него по дороге домой и отняли (не без урона для себя, ибо уж кто-кто, а Бин всегда даст сдачи!) у него аж пятнадцать (да-да, вы не ослышались!) дорринов, честно заработанных ночным трудом.

Надо отдать должное Бину, он самыми сочными красками и самыми жирными мазками расписал отвагу и самоотверженность юной лирры, так что к концу рассказа госпожа Танисти крепко сжимала изящные удлинённые ладони лирры в своих красных опухших ладонях, а юная Нара и вовсе повисла сзади на её плечах, так и норовя поцеловать её волосы.

– Ах, как же мне благодарить вас, моя прекрасная госпожа, моя несравненная Мэйлинн? – кудахтала госпожа Танисти и в глазах у неё стояли слёзы, крупные, как саррассанский жемчуг.

– Пожалуйста, не нужно никаких благодарностей, – Мэйлинн мягко пыталась освободить руки, но сделать это ей не удалось. – Я просто сделала, что должна была.

И мать с сестрой продолжали заливаться умильными слезами, не видя очевидных белых ниток в рассказанной им истории, как то, например, что кровоподтёки Бина не выглядели так, будто его побили совсем недавно, или что он весь вымазан не жирной чёрной грязью, коей полны улицы Складского квартала, а покрыт светлой дорожной пылью, которую можно найти только в пригородах. Ну а синяк на шее Бин легко объяснил удавкой, накинута на него одним из бандитов, хотя ширина следа могла бы ввести в недоумение любого здравомыслящего человека, ведь было сложно себе представить, что кто-то разгуливает по городу с доброй верёвкой вместо удавки. Да, было видно, что в этой семье Бина просто обожают.

– Ах ты, Арионн Всемогуший! – вдруг спохватилась госпожа Танисти. – Моё сало! – и она со скоростью, которую трудно было ожидать в столь объёмном теле, вылетела на кухню.

Через секунду там послышался железный грохот, будто кто-то сгоряча ухватился за раскалённую сковороду, и тут же выронил её. Вслед за грохотом послышались сдавленные ругательства, где слова «Гуррово отродье» были, пожалуй, самими безобидными. А ещё через несколько секунд появилась сама виновница всего этого переполоха, держащаяся пальцами правой руки за мочку уха.

– Наше сало... – только и смогла она вымолвить, после чего горько разрыдалась.

– Ничего, матушка, позавтракаем хлебом! – бросились утешать мать Бин и Нара.

– Я целую трёшку⁸ потратила на это сало! – причитала госпожа Танисти, утирая лицо рукавом.

Единственная, кто был рад такому исходу событий, была, конечно же, наша лирра. Однако она успешно скрывала свою радость под скорбной маской. Выждав небольшой промежуток тишины между громкими всхлипами почтенной женщины, Мэйлинн произнесла:

– Если дорогие хозяева не побрезгуют, я бы предложила вам своей еды.

Всхлипы прекратились как по мановению волшебной палочки. Все трое уставились на Мэйлинн. Затем Бин как-то покраснел, точнее, пошёл какими-то красными пятнами, и сказал:

– Спасибо тебе, конечно, но мы уж как-нибудь сами...

– Не говори ерунды, Бин, – вспомнила свою любимую фразу Мэйлинн. – У меня есть еда. Её достаточно, и сейчас, находясь в городе, я рассчитываю пополнить запасы. Я не вижу проблемы в том, чтобы поделиться своей едой с друзьями.

– Что ты, Бин, мой мальчик, – зачастила госпожа Танисти. – Зачем так воспринимать благородное предложение юной госпожи? Где же твоя вежливость? Спасибо вам, госпожа Мэйлинн...

– Просто – Мэйлинн, – поправила лирра.

– Спасибо вам, *госпожа* Мэйлинн, – с нажимом повторила женщина. – За всё: и за сына, и за щедрое предложение. Мы с благодарностью принимаем его.

Бин зыркнул на мать, но перечить не стал. Мэйлинн подошла к столу, взяла свою дорожную сумку и...

Обычная на вид сумка, с какими каждый день путешествуют по трактам Латиона сотни людей. Только вот вдруг оказалось, что внутри она куда больше, чем снаружи. Так что Мэйлинн извлекла оттуда половину пшеничного хлеба, укрытого в холщовый мешок, затем нечто, очень похожее на жареную куропатку, завернутую в большие листья, напоминающие виноградные. Вслед за свет божий были извлечены несколько варёных куриных яиц, пара луковиц и кусок твёрдого белого сыра. И последней на стол была поставлена бутылка в полгаллона⁹, на две трети полная молоком, которое не только не скисло на такой жаре, но было даже прохладным.

Неизвестно, вид чего поразил почтенное семейство больше – то ли бездонной сумки, то ли таких яств, которые вряд ли когда-то здесь видели. Нет, по отдельности и не в таких количествах – пожалуйста. Но *вместе*, и *столько*!..

Затем госпожа Танисти вдруг вышла снова на кухню, и спустя короткое время вернулась, неся в руках краюху чёрного, как печное дно, хлеба. Она молча положила этот кусок рядом с остальной снедью, затем поклонилась Мэйлинн, и произнесла:

– Пожалуйста все к столу!

И лирре всё это показалось вдруг настолько возвышенно-благородным, что у неё перехватило дыхание. Вот откуда в Бине эта жила – подумалось ей, когда она, вместе с остальными, сядет за стол.

⁸ Трёшка – наименование мелкой железной монеты. Среди бедных слоёв населения Латиона имеют хождение железные монеты в одну десятую, одну треть и половину доррина. Но народ привык именовать их соответственно «десяткой», «трёшкой» и «пятёркой». Так что, против законов математики, трёшка крупнее десятки, хотя и мельче пятёрки.

⁹ Галлон – мера объёма жидкостей, равная примерно 4,5 литра.

– Сначала мы должны вознести хвалу Великому Арионну, – строго сказала госпожа Танисти, когда все уселись, и особенно пристально посмотрела на Мэйлинн. Вольнодумие лирр было хорошо известно всем. Наверное, это была одна из причин (и далеко не самая последняя) вечного разлада между народами лирр и людей. Было видно, что, несмотря на глубокое почтение, которая женщина питала к Мэйлинн, она всё-таки не допустит в своём доме святотатства.

– Если достопочтенная хозяйка позволит, я бы хотела произнести молитву Белому Арионну на правах гостя, – смиренно попросила Мэйлинн, и лицо достопочтенной хозяйки просветлело.

– Для нас это будет великая честь, госпожа, – благодарно проговорила она.

Скрестив руки с раскрытыми ладонями на груди, как это делают все арионниты, лирра негромко произнесла:

– Мы благодарим тебя, Великий Арионн, за все блага и радости, что ты даёшь нам, а также за эту трапезу, которую мы разделим с моими друзьями во имя твоё. Приклони к нам и нашим близким лице своё, дабы не оставил ты нас в милости своей. И отврати же взор свой от недругов наших, дабы лишились они благодати твоей. Во славу твою преломляем мы хлеб сей. Да будет так.

– Прекрасная молитва, – со слезами в голосе прошептала госпожа Танисти. – Я ещё раз благодарю вас, прекрасная госпожа.

Лирра лишь преклонила голову. Удивительно, но она была растрогана почти до слёз. Между тем хозяйка дома взяла принесённый ею хлеб, и разломил его на четыре приблизительно равные части. Первую она с глубоким почтением протянула лирре, и та, ещё раз преклонив голову, приняла этот чёрный кусочек, словно величайший дар самого короля Матониуса. Второй кусок достался Бину, как будущему главе семьи, третий лёг на ладони Нары, а четвёртый госпожа Танисти оставила себе. И именно она откусила первый кусок, что стало сигналом для остальных. Даже лирра, чьё небо не привыкло к подобной пище, которая и в дороге, как мы видим, баловала себя пусть не изысканной, но вполне приличной едой, даже она сейчас откусила и прожевала свой кусочек. Более того, этот хлеб показался Мэйлинн достаточно вкусным. Хотя всё же она осторожно и незаметно положила недоеденный кусок на стол и потянулась, чтобы отломить от своего каравая.

Такая сказочная трапеза очень быстро вернула веселье за общий стол. Начались разговоры, смех. Нара ещё и ещё раз, с обожанием глядя на лирру, расспрашивала её о подробностях якобы совершенного ею подвига. Мэйлинн лишь улыбалась и кивала на Бина, мол, пусть он расскажет. А Бин заливался соловьём! С каждым разом история обрастала всё новыми подробностями, становилась всё драматичней и невероятней. В конце концов Мэйлинн стала мягко осаживать завравшегося юношу, пока его не ухватили за язык.

– А вы живете в Латионе, госпожа, или проездом? – осведомилась мать Бина.

– Я здесь по делам. Вскоре я покину город.

– Как жаль! – воскликнула Нара. Лирра подозревала, что младшая сестрёнка уже грезит погулять на их с Бином свадьбе, и это почему-то совсем не раздражало высокородную лирру, а только лишь смешило. Она не могла вспомнить ни одного случая подобного брака за всю историю мира.

– То-то я и подумала, что такой благородной госпоже делать в Складском квартале? – простодушно произнесла госпожа Танисти, ведь она по-прежнему пребывала в уверенности, что Мэйлинн выскочила откуда ни возьмись, и спасла её дорогого сына где-то совсем неподалёку от дома. – А откуда вы, позвольте полюбопытствовать, и что за дела привели вас в наш город? – поинтересовалась почтенная матрона.

– Я из Варса, – Мэйлинн, по-прежнему глухо зашнурованная, не спешила делиться своей тайной. – Мне нужно посетить отделение банка «Каннели, Каннели и Валленштейн», где на моё имя отцом открыт неограниченный кредит. А затем мне нужно навестить друга, и кое-что

разузнать. В зависимости от того, что я узнаю, я либо задержусь в городе на какое-то время, либо покину его сразу же.

– А с какой же целью столь благородная госпожа путешествует по нашему славному королевству одна, и так далеко от дома, если позволено мне будет спросить, – продолжала спрашивать госпожа Танисти. На секунду в Мэйлинн вскипела лиррийская кровь – да какое право эта женщина имеет расспрашивать так бесцеремонно благородную лирру? Но спустя секунду девушка поняла, что пожилой матроной движет отнюдь не праздное любопытство, а участие и тревога за неё, Мэйлинн.

– Я ищу кое-что очень важное для себя, – мягко ответила лирра. – К сожалению, я совершенно не знаю, где это искать, и сколько времени потребуется на поиски.

– И всё это время вы будете путешествовать одна? – воскликнула госпожа Танисти. И тут Бин понял, что подходящий момент настал:

– Матушка, я бы хотел просить твоего позволения отправиться, чтобы сопровождать Мэйлинн. Если, конечно, она не против... – быстро добавил Бин и залился краской. – Я обязан ей жизнью, и должен вернуть долг.

Лирра просто онемела от таких слов. Госпожа Танисти же стала вдруг торжественно-серьёзна и ответила:

– Ты не был бы моим сыном, если бы не предложил этого, мальчик мой. А я не была бы твоей матерью, если бы запретила тебе делать то, что должен.

– Позвольте! О чём вы вообще? Бин, не говори ерунды! Какой долг, какое «обязан»? Не нужно меня никуда сопровождать!.. – хотя самой себе Мэйлинн вынуждена была признаться, что протестует далеко не так горячо, как ожидала.

– Помнишь, ты сказала, что не веришь в совпадения? – улыбнулся ей Бин. – Так вот, теперь я в них тоже больше не верю. Знаешь, что я думаю? Что ты спасла меня для того, чтобы я помог тебе.

Чем неудавшийся воришка без особых талантов мог помочь молодой и богатой лирре, получившей образование в Наэлирро, было, конечно, не совсем ясно, но дело было не в этом. Главное – это порыв. И Мэйлинн его оценила.

– Ты же *понимаешь*, – многозначительно подчеркнула она это слово. – Понимаешь, что наше путешествие может... гм... затянуться?

– Понимаю, – с той же интонацией ответил Бин. – И пусть! – беспечно добавил он.

– Тогда я принимаю твою помощь, – торжественно, но без лишнего пафоса ответила лирра. – Спасибо тебе, Бин!

Нара от восторга захлопала в ладоши. Нет, она положительно мечтает нас поженить, – про себя усмехнулась лирра. Знала бы ты, девочка, *куда* мы идём, и *зачем*... Хотя... Собственно говоря, а знаешь ли ты сама, многомудрая лирра, куда и зачем ты идёшь? Или же ты просто бежишь? От самой себя и от своей судьбы?... Но Мэйлинн, тряхнув головой, отогнала от себя эти мысли. Она точно знает, зачем идёт. Она ищет Белую Башню. А значит – ей уже пора.

– Скоро свечереет, а значит, нам пора, – нарочито деловым тоном сказала она. – Бин, если ты ещё не передумал, пойдём сейчас.

– Как – сейчас? – встрепенулась госпожа Танисти. – Да куда же он в таком виде-то? А ну-ка, марш в свою комнату и быстро приведи себя в порядок! Вымойся и переоденься! И чтоб через четверть часа стоял, готовый, на пороге! Не заставляй госпожу Мэйлинн ждать такого недотёпу, как ты!

Мэйлинн видела, что в глазах женщины стоят слёзы, и под бравым тоном скрывается мука, которую может испытывать только материнское сердце, когда расстаётся со своим ребёнком. В отличие от Нары, госпожа Танисти уловила оттенки интонаций лирры, и не строила иллюзий на быстрое возвращение своего Бина. Но она скорее умерла бы сейчас, чем стала рыдать на плече уходящего сына.

После ухода Бина наступило неловкое молчание. Госпожа Танисти, было, бросилась собирать остатки обеда, чтобы уложить их обратно в сумку Мэйлинн, но та мягким движением руки остановила её.

– Не нужно, оставьте! У меня есть ещё, а кроме того я всё равно буду пополнять свои запасы. Оставьте, скоро с работы придёт ваш усталый супруг, ему же нужно что-то поесть!

Все прекрасно понимали, что пора ненужных показных отказов осталась позади, поэтому женщина просто благодарно кивнула и оставила всё на столе, прикрыв лишь куском ткани от мух.

– Да, и вот ещё что... – решила наконец Мэйлинн, и голос её снова предательски дрогнул. – Я очень прошу вас принять вот это, – она вынула руку из кармана, в котором уже на протяжении несколькими минут держала монету.

На её раскрытой вспотевшей ладони лежал серебряный дор.

– Ну что вы, госпожа Мэйлинн! Зачем так обижаете нас? – горестно воскликнула мама Бина.

– Я и в мыслях не держала обидеть вас, почтенная госпожа! – горячо ответила лирра. – Но я забираю у вас кормильца и оставляю вас в весьма трудном положении. Я бы хотела дать больше, если бы точно не знала, что вы отвергнете большую сумму. Я боюсь, что даю вам слишком мало, ведь – и вы должны это знать – я совсем не знаю, как долго продлится моё путешествие. Может статься, что вы не увидите сына много месяцев. И это – слишком малая плата за ту услугу, что он мне оказывает.

– Я возьму эти деньги, – немного подумав, госпожа Танисти протянула лирре руку ладонью вверх. – Потому что грешно отказываться от того, что предлагается с таким чистым сердцем. Я буду молиться за вас каждый день, благородная Мэйлинн. Вы – добрый дух-хранитель нашей семьи. Я этого никогда не забуду, и внукам своим накажу, чтобы те наказали своим внукам, а те своим – помнить и молиться за вас, госпожа.

И высокородная лирра, воспитанница замка Наэлирро, бросилась в объятия простой бедной горожанки, одетой в пропитанную потом ночную рубаху.

– Ну что, пошли? – на пороге стоял улыбающийся Бин.

Глава 8. Олива

Относительно чистый, хотя и весь в синяках и ссадинах, Бин шагнул рядом с лиррой и улыбнулся. Ещё вчера он был обычным жителем городских трущоб без особого будущего, с висевшим на нём долгом и без чёткого понимания, что же делать дальше. Ещё несколько часов назад его тащил за петлю дюжий пыжанин, и у жизни, казалось, нет не только перспектив, но и самого продолжения. А вот теперь он идёт рядом с симпатичной лиррой, и впереди его ждёт целый мир приключений. Голова кружилась от пьянящего предвкушения встреч с другими городами, новыми людьми, новыми загадками и ответами к ним.

– А о каком друге ты говорила? – любопытствовал он.

– Об Оливе. Помнишь, я рассказывала – моя подруга по Наэлирро. Мы почти четырнадцать лет прожили в одной комнате.

– А, это та, беззубая! – воскликнул Бин.

Мэйлинн прыснула от смеха:

– Не стоит говорить такие вещи о магинях, чтоб ты знал, Бин! А то вдруг она каким-то образом прознает о твоих непочтительных словах, и, чего доброго... – Мэйлинн задумалась на секунду. – Нашлёт на тебя двухнедельную икоту! – лирра вновь засмеялась.

– Да, это страшное наказание! – в тон ей продолжал Бин. – Не уверен, что выдержу больше трёх дней!

– В общем, Олива после *пробуждения* уехала в Латион. Она из столь же богатого рода, как мой, поэтому родители купили ей особняк в Верхнем квартале. Она всегда мечтала стать придворной магией, хотя, боюсь, вряд ли её услуги будут интересны его величеству.

– А как она отнеслась к... твоей ситуации? – спросил Бин.

– Её *пробуждение* случилось на пару месяцев раньше моего, так что в тот момент её уже не было в Наэлирро. По правилам Школы *пробудившаяся* магия не может оставаться в стенах замка больше, чем на сутки.

– Ну, надеюсь, она будет рада тебя видеть, – пожал плечами Бин.

– Я в этом уверена! – воскликнула Мэйлинн. – Мы были лучшими подругами, хотя и характеры у нас совершенно разные.

– Ну и славно! – заключил Бин. – Ну а банк? Ты знаешь, где он расположен?

– Без малейшего понятия. Я думала – ты у нас коренной житель Латиона!

– Ну да, но я просто обычно пользуюсь услугами другого банка, – с сарказмом парировал Бин.

– И что же делать? – несколько растерянно спросила лирра.

– А что ты собиралась делать, когда шла в Латион? До того, как встретила меня? – резонно спросил Бин.

– Ну, собиралась спросить у прохожих...

– Ну вот, давай этим и займёмся. Мой вид, к сожалению, не очень располагает к откровенности, так что спрашивать будешь ты. Вон как раз пара стражников. Уж они-то должны знать!

Лирра придала своему лицу самое очаровательное выражение, на которое была способна, и, подойдя к изнывающим от зноя стражникам, медленно бредущим по улице, учтиво обратилась к старшему из них:

– Простите мою назойливость, милостивый государь, но не могли бы вы помочь провинциальной путешественнице, попавшей в столь огромный и блистательный город?

Бин решил было, что Мэйлинн перегнула палку, и начал всерьёз опасаться, как бы стражники не приняли слова лирры за издёвку, но, слава всем богам, её речь, напротив, польстила немолодым воякам.

– Что требуется досточтимой юной лирре? – вероятно, старый солдат решил перещеголять в галантности саму Мэйлинн.

– Видите ли, господин, я ищущу отделение банка «Каннели, Каннели и Валленштейн», – захлопала ресницами юная проказница. – Не затруднит ли вас указать мне дорогу?

– А, банк Каннели! – воскликнул второй стражник. – Как не знать? Это, поди, самый крупный банк в стране! И его отделение в Латионе каждая собака знает!

Мэйлинн метнула насмешливый взгляд на Бина, и тот сморщился, как от резкой зубной боли.

– Мы бы сами проводили вас, досточтимая госпожа, но, изволите ли видеть – служба! – извиняющимся тоном заговорил первый стражник. – Однако найти его не составит никакой сложности. Вот прямо по этой улице вы можете дойти до Старого города. Дальше пройдёте прямо до улицы Короля Увилла, и затем по ней – направо, до Делового квартала. Ну а там уж любой прохожий укажет вам особняк Каннели.

– Моя благодарность вам безмерна, милостивый государь, – лирра склонилась в низком реверансе. – Да ниспошлёт могучий Асс несокрушимость вашим алебардам!

– Спасибо на добром слове, прекрасная госпожа! Приятно видеть подобную благовоспитанность у столь юной особы, – стражники расплылись в улыбках и, сняв полушлемы с потных голов, галантно поклонились Мэйлинн.

– Пойдём! Ты всё слышал? – подходя к Бину, спросила лирра. Стражники всё ещё сияли улыбками ей вслед.

– Да, я понял, где это, – несколько пристыженно подтвердил Бин. – Слушай, а как ты узнала, что они – ассианцы?

– Проще простого. Мне кажется, все военные люди – ассианцы, ведь Асс – покровитель воинов и отец самой войны, – ответила лирра и Бин лишь кивнул головой. Век живи – век учись.

Они двинулись в указанном направлении. Вскоре появилась Старая стена, и путники вступили в Старый город. Он довольно разительно отличался от того, что успела повидать Мэйлинн ранее, и перемены эти были явно к лучшему. По крайней мере, здесь были настоящие мостовые, и не было сточных канав. А поскольку это были окраины прежнего Латииона, где в стародавние времена располагались трущобы, которые позже были сровнены с землёй и застроены новыми домами, то и улицы здесь были не в пример шире центральных улиц Старого города.

Улица, по которой шли наши друзья, по прямой пересекала весь Старый город, так что им нужно было идти и идти, пока не дойдут до её пересечения с улицей Короля Увилла. Это путешествие заняло чуть больше четверти часа, после чего, как и было велено, они повернули направо.

– Я собирался больше не задавать тебе вопросов на сегодня, но всё-таки не могу удержаться, чтобы не спросить о твоей сумке, – нарушил молчание Бин. – Она что – волшебная?

– Конечно волшебная, – подтвердила Мэйлинн.

– А откуда она у тебя?

– А что – сложно догадаться? Из Наэлирро, конечно, – дёрнула плечиком лирра.

– Вам выдают такие сумки? – восхитился Бин.

– Скажешь тоже – выдают!.. – фыркнула Мэйлинн. – Я её украла.

– Украла?.. – протянул Бин.

– Как видишь, я более преуспела в воровстве, чем ты.

– А как же ты её украла? Я хочу сказать, неужели её никто не охранял? – недоумевал Бин.

– Представь себе! И вообще у нас в Наэлирро нет стражи. Точнее, у нас есть стражники, которые охраняют замок и его обитателей. Но у нас нет... надзирателей, следящих за воспитанницами. Я думаю, ты понимаешь, что за всю историю Школы ещё ни одна её ученица ни то

что не бежала, а даже и не помышляла об этом. Так что для меня не было никакой проблемы взять что нужно и уйти.

– А ты не знаешь, как работает эта твоя сумка? – спросил Бин, и глаза его загорелись в предвкушении новой порции знаний.

– К сожалению, очень плохо. Я знаю, что это как-то связано со сворачиваемостью пространства, но точные науки никогда мне не давались. Однако я могу сказать, что это – магия очень высокого порядка. Даже весьма сильная магиня не сразу и не вдруг такое может сделать. Этим артефактом у нас в Школе очень гордились, – как-то печально усмехнулась Лирра.

– И много ещё таких штук ты стащила? – поинтересовался Бин.

– Достаточно, – уклончиво ответила Мэйлинн и весьма демонстративно стала изучать неприхотливую архитектуру окружающих зданий. Бин понял намёк и замолчал.

До Делового квартала они добрались ещё через десять минут. Это действительно был деловой центр Латиона, где располагалась Биржа, всевозможные банки, а также Королевское казначейство. Вокруг сновали сплошь деловые серьёзные люди в тёмных глухих одеждах, несмотря на жару. День катился к закату, поэтому если улицы Весёлого квартала сейчас только начинали заполняться народом, то Деловой квартал, напротив, понемногу начинал пустеть. Но Бину и Мэйлинн даже не пришлось спрашивать дальнейшую дорогу: большой трёхэтажный особняк с гордой надписью «Банк Каннели, Каннели и Валленштейн» не заметить было нельзя.

Это был новодел, построенный, наверное, не более двадцати лет назад, и резко контрастирующий с так называемой исторической застройкой квартала. Дерзкие, даже кичливые формы так и вопили о безудержном богатстве его владельца. На сегодняшний день владельцем особняка (и всего банка) был Малио Каннели, потомок тех самых Каннели, чьи имена красовались на фасаде. Теперь он был единоличным владельцем дела, ибо господин Валленштейн был, вероятно, куда более богат латорами, чем потомками, так что бизнес этого самого крупного банка Латиона уже несколько поколений принадлежал лишь семье Каннели. Однако, надо отдать им должное, фамилия незадачливого сооснователя по-прежнему продолжала жить, хотя бы только в названии.

На входе, прислонясь к стенке и скрестив руки на груди, стоял охранник – типичный громила, каких обычно нанимают для охраны, и лениво жевал соломинку. Однако его ленивая истома была лишь видимостью. Лирра заметила, с какой холодной внимательностью устремился на них взгляд бугая из-под полуопущенных век. Видно, Малио Каннели знал толк в подборе персонала. У охранника не было видно никакого оружия, и это как раз, почему-то, пугало больше всего.

– Побудь-ка здесь, – попросила Мэйлинн Бина, и тот даже не подумал перечить.

Бин присел на лавочку на противоположной стороне улицы, и принялся глазеть по сторонам. Прежде ему не приходилось бывать в этом районе. Да и вообще в Старом городе он был считанное количество раз. Не то, чтобы там не жаловали таких, как он, но всё же в своих трущобах он чувствовал себя куда увереннее.

Лирра мягкой походкой, без каких бы то ни было резких движений, подошла к охраннику:

– Мне нужно снять деньги со своего депозита.

Охранник слегка кивнул головой, и Мэйлинн вошла в здание. Внутри царила прохлада – не иначе, как господин Каннели содержал ещё и мага. Мэйлинн улыбнулась идущему ей навстречу клерку и повторила:

– Я бы хотела снять немного денег со своего депозита.

Клерк дежурно улыбнулся и указал рукой на одну из внутренних дверей:

– Прошу пожаловать сюда, госпожа.

Бин успел заскучать – лирры не было уже около двадцати минут. Но вот она появилась на пороге – лицо мрачнее тучи, движения раздражённые, резкие. Вслед за ней семенил тот же клерк, поминутно кланяясь и рассыпаясь в извинениях, но вежливая обычно Мэйлинн лишь досадливо кивала головой. Она пошла вдоль по улице, даже не убедившись, что Бин последовал за ней.

– В чём дело? – осведомился он, догоняя рассерженную лирру.

– Мой депозит заморожен по личному распоряжению отца, – гневно ответила Мэйлинн. – Теперь мало того, что мы остались почти без денег, так ещё и, уверена, в самое ближайшее время будет послана весть в Наэлирро, а также моему отцу о том, что я объявилась в Латионе. Надо срочно уходить из города. Сейчас идём к Оливе, разговариваем, и тут же уходим. Я планировала, возможно, остаться у неё на несколько дней, но это стало слишком опасно. Хорошему магически заряженному голубю три-четыре дня лёта до Наэлирро, и столько же обратно. А затем вся городская стража будет охотиться за мной, – мрачно закончила лирра.

И несмотря на то, что до обещанной лиррой охоты было ещё несколько дней, оба как-то ссутулились, опустили лица, словно их уже разыскивал весь город.

От Делового квартала до Верхнего было не так уж далеко. Теперь они находились в самом центре Старого города, где испокон веков селились весьма зажиточные люди. Аристократический шик не покинул до конца эти улицы, хотя сейчас здесь жили преимущественно не знатные дворяне, а богатые буржуа. Дома тоже выглядели весьма респектабельно.

Уже темнело, и фонарики деловито зажигали свои светляки по краям улицы. Город погружался в индиговые тона и приобретал какое-то необъяснимое очарование. Немало способствовало этому и то, что жара потихоньку отпускала город из своих хищных когтей, чтобы вцепиться в него с новой силой следующим утром. И Мэйлинн, и Бин невольно залюбовались окружающей их картиной. Бин, кроме того, ещё и с удовольствием вдыхал полной грудью вечерний воздух – всё ещё горячий, зато напрочь лишённый так привычных ему запахов гниющих отходов и испражнений.

– Пришли, – лирра указала на небольшой уютный двухэтажный особнячок, по убранству которого сразу становилось понятно, что владелица его – совсем ещё молодая особа.

– Мне снова ждать снаружи? – обречённо спросил Бин.

– Да нет, зачем же! – возразила Мэйлинн. – Я же говорю: Олива – моя лучшая подруга!

Поднимаясь на крыльцо, лирра распустила шнуровку на шее, так что её ошейник стал явственно виден. Она надеялась, что это избавит её от лишних вопросов прислуги. Затем она решительно дёрнула шнурок, висящий рядом с входом. При этом обратило на себя внимание отсутствие дверного молотка.

Внутри дома прокатился приятный переливчатый звон, который явно не мог бы издать обычный колокольчик. Очевидно, магии Оливы вполне хватало на такие мелкие чудеса.

– Олива в своём репертуаре! – усмехнулась Мэйлинн. – Не может без показухи.

Едва она произнесла фразу, дверь мягко распахнулась и перед ней предстал престарелый дворецкий, одетый с иголочки и всем своим видом демонстрирующий весь шик данного дома.

– Чем могу служить почтенной госпоже? – очевидно, что дворецкий сразу же увидел знак Наэлирро, но его бесстрастно-вежливое выражение лица не изменилось ни на гран.

– Передайте своей госпоже, что её хочет видеть её подруга Мэйлинн, – бросила лирра.

– Сию минуту, госпожа. Прошу пройти в гостиную, там сейчас будут предложены кофе и пудинг вам и вашему спутнику, – слуга был вышколен идеально, поэтому даже в отношении помятого и бедно одетого Бина он не позволил ни малейшего изменения тона. – Госпожа Нуаль спустится к вам, как только сможет. Уверен, она не заставит долго себя ждать.

– Благодарю вас, – вежливо поблагодарила Мэйлинн, и они оба вошли в дом Оливы Нуаль.

Убранство дома удивительно успешно балансировало на грани изысканной роскоши и кричащей безвкусицы. Каждая вещица, казалось, находится здесь с одной единственной целью – оповещать всех гостей о богатстве и молодости своей хозяйки. Бин, не переставая, вращал головой во всех направлениях, не забывая верха и низа. Мэйлинн наоборот оглядывала всё с изрядной долей иронии.

Подали обещанный кофе. Бин не стал ожидать повторного приглашения, и тут же ухватил блюдо с пудингом. Повертев в руках странного вида двузубую серебряную вилку, он неловко отковырнул кусок пудинга и с наслаждением отправил его в рот. Мэйлинн же коротким жестом отказалась от предложенных угощений и принялась ходить по гостиной, рассматривая её убранство.

Так прошло несколько минут. Бин уже покончил со своей порцией пудинга, с шумом втянул в себя сразу всё содержимое миниатюрненькой чашечки с, очевидно, обжигающим кофе, и теперь так же увлечённо приканчивал порцию Мэйлинн.

– Мэйлинн? – раздался мелодичный голос с лестницы, ведущей наверх.

Бин повернулся на голос, да так и застыл, не донеся вилки до рта. Наконец-то он увидел молодую лирру, не задрапированную в дорожные одежды!

На лестнице стояла невысокая, пожалуй, даже пониже Мэйлинн лирра со снежно-белыми волосами, опускающимися до самых ягодиц. Черты лица такие же правильные и красивые. Те же большие тёмные глаза. Ярко-алые, чуть припухлые губы. Белое обтягивающее платье во всей красе демонстрировало пресловутую статью лирр. Платье было довольно смело открыто, демонстрируя не только ошейник Наэлирро, но и куда более интересные для Бина вещи.

– Ли! – воскликнула Мэйлинн и бросилась навстречу подруге. Однако явная холодность, и даже отчуждённость, проявившиеся во всём образе Оливы, охладили её пыл. Мэйлинн так и застыла у подножия лестницы, занеся ногу лишь на первую ступень.

Они так ярко контрастировали между собой – одетая во всё тёмное и нарочито свободное, с тёмными же волосами Мэйлинн казалась каким-то жалким воронёнком рядом с прекрасным лебедем. Хотя ещё недавно Бин был уверен, что в жизни своей не видел никого прекраснее неё.

– Кто это с тобой? – так же отчуждённо спросила Олива, слегка кивнув на растерявшегося Бина. Тот поспешно вскочил, не заметив, как так и не съеденный кусочек пудинга шмякнулся на прекрасный дорогой ковёр.

– Это мой друг, Бин, – в тон подруге ответила Мэйлинн, продолжая испытующе смотреть на Оливу.

– Человек? – с каким великолепным оттенком презрения это было сказано! Причём, как видно, Оливу в меньшей степени смутил даже явно бедный вид Бина.

– Ты видишь, – ещё холоднее ответила Мэйлинн и отступила на шаг от лестницы. Теперь Олива спустилась.

– Мы можем поговорить наедине? – спросила Олива.

– Хм... Ну давай наедине, – согласилась Мэйлинн и обернулась к Бину. – Побудь здесь, хорошо? Сейчас тебе принесут ещё пудинга, – лёгкий кивок Оливы стоящему неподалёку дворецкому, и тот тут же исчез.

– Да... Хорошо... Рад был познакомиться... Госпожа... – смущённо лепетал Бин.

– Я тоже рада, – по тону этого никак не скажешь. – Пойдём в мой кабинет, – это уже было сказано Мэйлинн, но тон при этом не особо изменился в лучшую сторону.

– О, у тебя есть свой кабинет! – натянуто-шутливо протянула Мэйлинн, но на лице подруги не дрогнул ни один мускул, и лирра тоже замолчала.

– Ты же понимаешь, насколько ты компрометируешь меня своим визитом? – уже более оживлённо спросила Олива, когда они остались одни.

– Так ты уже слышала... – протянула Мэйлинн. – Ну извини, ладно? – она сделала ещё одну попытку сломать лёд. – Когда я видела тебя в последний раз, ты была брюнеткой! – Мэйлинн шутливо улыбнулась, словно ожидая, что до сих пор Олива просто её разыгрывала.

– Когда ты видела меня в последний раз, я была лысой как колено! – бросила в ответ Олива. – И ты прекрасно знаешь, что это – просто парик! Ненастоящее! Так же, как и это! – и она постучала перламутровым ноготком по своим передним зубам.

– Да что с тобой такое! – взорвалась Мэйлинн. – Мы четырнадцать лет спали на соседних кроватях, вместе мечтали о будущем, зубрили уроки, обсуждали наших преподавателей... Куда ты дела мою подругу Ли? Я хочу её видеть!

– Да это с тобой что такое!!! – вскричала Олива. – Ты не *пробуждаешься* с первой кровью, затем бежишь из Наэлирро, выставив дураком Лорда-ректора, да ещё и похитив несколько ценнейших артефактов! А теперь ты вваливаешься в мой дом с каким-то оборванцем-человеком, и ждёшь, что я буду с тобой мило щебетать о погоде??? – лицо магини даже побагровело и стало вдруг каким-то некрасивым.

– Ты будто бы обвиняешь меня в том, что я не *пробудилась*! – Мэйлинн кричала вслед за Оливой.

– Так ты угадала! Я действительно обвиняю тебя! Ты ведь с самого начала не хотела быть магиней! Помнишь, как вечерами, лёжа в кровати, ты рассказывала мне о путешественниках, о которых ты вычитывала в своих дурацких книжках? Помнишь, как ты мечтала оказаться на их месте? А то, как ты говорила о том, что магия – не самое главное в жизни? Я ничего из этого не забыла! Но тогда я считала тебя просто ненаигравшейся дурочкой. А теперь я вижу, что ты – гораздо хуже! Поэтому я прямо говорю – ты не хотела своего *пробуждения*, ты боялась его!

– Это кто здесь говорит о страхе? – немедленно вскинулась Мэйлинн. – Уж не моя ли подруга Ли, которая при *пробуждении* лишилась нескольких клоков волос и пары зубов? – с сардонической усмешкой продолжила она. – И которая теперь может разве что зачаровывать идиотские дверные колокольчики в своём безвкусном домишке?! Да ты боялась *пробуждения* не меньше меня!

– Не смей так говорить со мной!!! – с недавно ещё таких прекрасных, а теперь судорожно искажившихся губ Оливы летела слюна, на горле вздулись голубоватые жилы, а глаза почти заполнились расширившимися потемневшими ещё больше зрачками.

Мэйлинн вдруг испугалась. Ведь, что ни говори, перед нею сейчас стояла магиня, пусть довольно слабая, но ведь для того, чтоб убить человека банальным огнешаром много таланта и не нужно. Кроме того, Ли всегда была страшно себялюбивой и болезненно гордой. И вот эту самую гордость глупенькая Мэйлинн сейчас с особой жестокостью втоптывает в грязь, говоря подруге то, что та сама страшилась сказать себе всё это время. Ведь никакая ложь и клевета, даже самая гнусная, не может ранить больше, чем правда, которой страшишься. Но ведь Ли всегда была хорошей подругой. Да – тщеславной, да – эгоистичной, но ведь она искренне была привязана к Мэйлинн. И, говоря откровенно, сейчас Мэйлинн нуждалась в Оливе куда больше, чем Олива в ней.

– Мне кажется, мы неправильно начали нашу встречу, – заставив себя говорить более-менее спокойно, произнесла Мэйлинн. – Ли, мы не виделись уже почти полгода, со дня твоего *пробуждения*. И вместо того, чтобы обняться, как это делали в своё время Мэй и Ли, мы, лучше подруги, за пять минут умудрились наговорить друг другу огромную кучу гадостей!..

– Мы *были* подругами, – отчеканила Олива. – А теперь я – магиня, а ты... А кто ты, Мэйлинн? Да, ты права, у меня было *пробуждение*. Может быть, не самое внушительное, но было. А у тебя? У тебя была обычная менструация, которая бывает у самых завшивленных человеческих самок!

Ногти Мэйлинн глубоко впились в ладони. Она стиснула зубы так, что те хрустнули. Но она всё-таки заставила себя успокоиться.

– Ты права, Олива, – срывающимся от напряжения голосом проговорила Мэйлинн. – Ты теперь – магиня, а я – никто. Я и сама не знаю, кто теперь я. Но я попала в беду...

– Ты не попала в беду, ты прыгнула в неё с восторженным визгом, как деревенские девки прыгают в холодный пруд! – перебила её Олива.

– Я оказалась в беде по собственной вине, признаю это, – вытолкнула с усилием эти слова Мэйлинн и глаза её потемнели так же, как и у Оливы до того. – Но в память о нашей *прошлой* дружбе я прошу тебя о помощи. Я бы хотела, чтобы ты организовала мне встречу с одной из старших магинь. Я знаю, что в Латионе живёт несколько очень сильных и довольно... древних, – Мэйлинн не удалось подобрать подходящего слова, да сейчас это уже и не имело значения. – Мне нужно задать один очень важный для меня вопрос...

– Ты сама-то слышишь, о чём меня просишь? – делано захохотала Олива. – Ты хочешь, чтобы я, полноправный член лиррийского магического общества, связалась бы с тобой, беглянкой, наплевав на свою карьеру??? Да и не просто связалась, а ещё и свела бы тебя с «древней» сильной магиней? Может быть, сразу уж с самой Дайтеллой? А, извини, она же не живёт в Латионе, а так бы – конечно... Ну, может быть моя *дорогая подружка Мэй* довольствуется главной придворной магиней Балинной? Её возят на специальном кресле, потому что у неё отсохли и отвалились ноги под самый корень, а руки превратились в две жалкие сухие веточки. Такое *пробуждение* тебя удовлетворит? Или она *тоже* чересчур труслива для тебя??? – Олива кричала так, что уже сорвала голос.

– У тебя истерика, *подружка*, – тихо, с презрительной насмешливостью произнесла Мэйлинн. Она больше не злилась и не боялась. Накатила усталость, и ей хотелось лишь одного – поскорее уйти отсюда. – Считаю, что я просто нанесла тебе визит вежливости в память о былых деньках. А теперь мне, пожалуй, пора.

Олива вновь засмеялась, но на этот раз уже зло, по-настоящему:

– Ты не выйдешь отсюда! Я уже послала голубя в Наэлирро, самое позднее – через десять дней сюда придут, чтобы забрать тебя. А пока ты будешь заперта в этой комнате. Я уже отправила человека, чтобы оповестить городскую стражу. Тебя будут охранять, но не так, как в Наэлирро. И, кстати, можешь забыть о магии! Я, может быть, и не шибко какая сильная магиня, но уж защиту дома выстроить могу!

– Ты, вроде бы, магиня всего-то с полгода, но уже что-то подзабыла, как оно живётся, когда не можешь использовать магию, – злорадно прошипела Мэйлинн и с огромнейшим наслаждением нанесла подружке мощный короткий удар кулаком в нос.

Олива рухнула как подкошенная, кровь хлынула рекой и на белые искусственные волосы, и на белое платье, и на белый пушистый ковёр под ногами. Не теряя ни секунды, Мэйлинн выскочила из кабинета, пулей пролетела по коридору и оказалась напротив входа в гостиную, где Бин неподвижно и смирно сидел на софе под напряжённым взглядом дворецкого. Оба, вероятно, слышали доносящиеся вопли, и оба ожидали какого-то неприятного продолжения. Вот и дождались.

– Бежим! – коротко бросила Мэйлинн и Бин, надо отдать ему должное, понял её с полуслова.

Престарелый дворецкий даже не пытался заступить им дорогу, однако он тут же шмыгнул в одну из дверей, и оттуда послышались голоса. Вероятно, там находились наготове слуги, которые должны были помочь задержать беглецов.

Бин и Мэйлинн выскочили на тёмную улицу. Позади слышался топот нескольких пар ног, а впереди, как заметила Мэйлинн, мерцали факелы наряда стражи, вызванного Оливой.

– Куда? – так же коротко спросила она Бина.

– Нам бы добраться до Нового города. Там нас не найдут, – озираясь, ответил Бин.

– Веди, – всё так же лаконично выдохнула Мэйлинн, не сбавляя темпа.

Бин припустил в ближайший тёмный проулок, и лирра без труда последовала за ним. Оливины слуги, слава богам, отстали довольно быстро, а стража ещё только подходила, и ей ещё требовалось время, чтобы разобраться в ситуации. Это дало беглецам небольшую фору.

К сожалению, Бин слабовато разбирался в планировке Старого города, поэтому они долгое время просто метались вслепую, стараясь держаться тёмных боковых улочек и при этом двигаться в сторону Старой стены. Одетые в доспехи стражники, конечно, не могли догнать беглецов, но на их стороне было численное превосходство. Позади Бина и Мэйлинн то и дело раздавались трели стражевых свистков, и то впереди, то с боков возникали всё новые и новые группы преследователей в колышущемся свете факелов.

Прошло около полчаса такой вот бестолковой беготни. Бин дышал уже заметно тяжело, лирра же до сих пор не проявляла никаких признаков усталости. Но она тревожно поглядывала на Бина, гадая, сколько ещё он сможет выдержать.

– Есть! – вдруг выдохнул Бин. – Ворота!

Слава Арионну, ворота Старой стены хоть и держались в исправном состоянии, но уже много столетий не запирались по ночам, так что беглецы легко проскользнули наружу. Теперь Бин чувствовал себя гораздо уверенней, у него даже, казалось, прибавилось сил.

– Сюда! – коротко махнул он рукой, и они свернули в очередной проулок неподалёку от шумной таверны.

И увидели впереди четверых стражников. Правда, они просто стояли, держа в руках факелы и алебарды, шагах в сорока впереди, и не принимали участия в погоне, (да, наверняка, даже не знали о ней), но рисковать было нельзя.

– Давай за мной! – коротко скомандовал Бин и, не мешкая, сам прыгнул в придорожную сточную канаву. Однако там он споткнулся обо что-то большое, и, пытаясь сохранить равновесие, сделал ещё шаг вперёд. Его подошвы наступили на что-то мягкое, и тут же, словно из-под земли, раздался голос:

– Ассова задница! А ну-ка слезь с моей руки, парень!..

Потрясённый Бин неловко соскочил и шлёпнулся прямо в грязь.

Глава 9. Кол

Сан Брос, больше известный под прозвищем Кол, в очередной раз валялся лицом в сточной канаве. В какой по счету раз – он уже и сосчитать не мог. Во всяком случае, на один раз больше, чем он давал себе обещание больше так не делать. Чтобы уравнять счёт, Кол вновь поклялся себе, что сегодня – это был последний раз.

Теперь, лёжа побитым лицом в чьих-то фекалиях, можно и поразмыслить о жизни. Если подумать, то для подобных размышлений лучшего места и не сыщешь. Это как раз такое место, которое не даёт раздуться гордыне – главному врагу Сана Броса. Ну, если не считать ещё дешёвого пойла, которое все трактирщики мира обычно разливают под гордым именем вина. Да, пожалуй, больше врагов у него нет. Ну разве что ещё этот хмырь Тан Горбун, чьи ребята давеча отметелили Кола и кинули в эту самую канаву, благослови её Асс. Да, вот она – святая троица его главных врагов!

Однако сейчас, хлюпая окровавленным носом, и не в силах пока даже пошевелиться – отчасти из-за хмеля, тёкшего сейчас по его венам вместо крови, отчасти от особенно чувствительных в этот раз побоев (видно крепко осерчал проклятый Горбун!), – Сан Брос по прозвищу Кол вдруг отчётливо осознал, что в очередной раз пытается себя обмануть. Казалось бы – лежишь весь в дерьмище, только что пузыри не пускаешь в зловонном потоке, ну неужели можно унизиться ещё сильнее? И чего, казалось бы, стесняться ещё можно? Зачем юлить? Но с накатывающими вдруг слезами пришло ясное ощущение, что он, Сан Брос, бывший легионер Седьмого Коррэйского легиона, бывший паладин его королевского величества, малодушно и трусливо пытается сейчас обмануть сам себя. Потому что его *главным*, наиглавнейшим врагом был он сам, Сан Брос по прозвищу Кол.

Разве это легат Парри взащей выгнал его из Седьмого тринадцать лет назад без права восстановления (правда, потом всё-таки восстановили за былые заслуги – нашлось, кому замолвить словечко)? Конечно нет! Он сам себя выгнал постоянными пьянками и дебошами. Легат Парри (да не икнётся ему на том свете!) стал лишь орудием, но движущей силой этого позора был он, Кол.

А потом, семь лет назад, когда его торжественно приняли в Гвардию паладинов его королевского величества – по личной рекомендации всё того же легата Парри... Не он ли в ту же ночь нажрался так, что под утро не явился на свой первый караул? И если бы не славный Гутто, прикрывший его и придумавший какую-то фантастическую историю с отравлением, то не кончилась бы его паладинство, едва начавшись?

Надо признать, что он и так, возможно, стал самым быстротечным паладином в истории. То, что должно было случиться на следующий день, случилось через четыре месяца. Подумать только – он умудрился не пить почти четыре месяца... И ведь нужно было напиться – из-за чего??? Из-за этой шлюхи Вилии! Все кругом твердили дураку, что она изменяет ему налево и направо, но ведь не верил! Уже и кольцо купил – подумать стыдно!.. И как не пришиб тогда эту тварь – не иначе как Асс с Арионном вместе за руки держали, да ещё и Первосоздателя с Гурром попросили пособить. Зато этот юристик поганый три пролёта кувырком летел! А как потом голышом улепётывал! Надо было и *эту* следом пустить... Да гордость не позволила. В свою... *их* комнату он больше не возвращался никогда. Зато дорогу в кабак нашёл очень даже просто... И когда на четвёртый день, помятый, он наконец явился в казарму, то ему и оставалось только, что собрать личные вещи и уйти даже без выплаты месячного жалования. Это хорошо ещё, что от карцера Асс уберёт...

А устроиться громилой к Тану Горбуну! Это ж надо было выдумать! Паладин... бывший паладин Латиона занимается вышибанием мелких долгов для главного процентщика и суге-

нёра квартала! Вот эти три года он бы вообще вычеркнул бы из памяти... Никогда бы не подумал, что человек способен на некоторые вещи. Кабы сам их не творил...

Ну потом были вольные хлеба, попытка начать жизнь с чистого листа. Благо, сбережений, скопленных за годы лихой работы, было более чем достаточно. И опять – кто виноват, что выгодный бизнес по торговле сарраассанским жемчугом сторел в один день? Поверил бывшему сослуживцу Талию Плинту («мы, из Седьмого, своих не забываем!»), ввязался в эту дурацкую аферу с таможенниками... Как результат – полная конфискация имущества и три года на казённых хлебах его величества. Плинт, кстати, сухим из воды вышел, да ещё и свидетельствовал против Кола в Алом суде.

И вот уже после отсидки – очередная попытка встать на ноги. Ну тут уж вообще верх идиотизма – взять у Горбуна пять доров в рост. На эти деньги снял комнатку, занялся столярничеством (хоть чему-то полезному в тюрьме выучился!). На жизнь кое-как хватало даже с учётом драконовских процентов, что он платил Горбуну. Казалось бы – вот она, новая жизнь!

Ан нет! Пожар, какие часто случаются в городских трущобах. Ну хоть тут не он виноват! Однако ж, долго горевать ему не дали. В назначенный день с убийственной аккуратностью к нему пришли за очередным платежом для Горбуна. В тот месяц он ещё смог расплатиться – из небольшой заначки, что лежала на чёрный день, благо огонь не уничтожил медяки, спрятанные под очаговым камнем. А дальше...

Тан Горбун снова звал к себе на работу, но Кол знал, что скорей сунет голову в петлю, чем ещё раз вернётся на этот путь. В следующем месяце платить было нечем, и парни Горбуна перестали быть вежливыми.

И вот уже второй месяц бывший паладин его величества с завидной регулярностью бывает бит. Судя по всему, таков метод Горбуна – сломать Кола, заставить приползти на коленях и умолять взять его на работу, если это благородное слово вообще можно применить к тому, чем Горбун заставит его заниматься. Копить деньги Сан больше и не пытается. Мелочь, получаемую за чёрную подённую работу на складах, в доках или ещё где, тут же оставляет в ближайшем кабаке. Удивительно, как ребята Горбуна умудряются находить его по самым разным злачным местам! И вот такова теперь вся его жизнь: склад – кабак – канава. Или, для разнообразия: док – кабак – канава. Обидно, что итог, в общем-то, всегда был один...

Вспомнилось, как лет пятнадцать назад, девятнадцатилетним юнцом он был принят в легендарный Седьмой. Хотя легион традиционно назывался Коррэйским, но он уже лет шестьдесят как не квартировал в Коррэе. Когда в Седьмой пришёл Кол, он как раз был переброшен на северо-запад Палатия, к побережью, где особо яростными тогда стали набеги северян с Келли. Молоденький, едва обусевший рядовой Брос попал, как говорится, с корабля на бал.

Особенно жёстко пришлось в бою недалеко от какой-то рыбацкой деревеньки – то ли Бережки, то ли Пески, то ли ещё как-то. Тогда сразу несколько драккаров с чёрно-золотыми парусами внезапно подошли к берегу, и на лагерь легионеров хлынули по меньшей мере четыре сотни берсерков. Казалось бы, что такое четыре сотни против полнокровного легиона? Но то-то и оно, что на этот момент в лагере оставалось всего четыре когорты, изрядно прорежённые боями, так что способных держать оружие было меньше тысячи.

Остальные когорты легиона растянулись почти на двадцать миль побережья – людей катастрофически не хватало. Сами палатийцы неохотно воевали за свои собственные земли, предпочитая платить тем, кто не прочь помахать мечами. Так вот и сейчас Палатий от северян защищали три латионских легиона – Седьмой, Второй и Пятый, и лишь один сводный отряд платийцев тысяч на восемь. Но дело сейчас не в этом. А в том, что четыреста закалённых боями северных дикарей собирались напасть на неполную тысячу латионцев. Один берсерк к примерно двум легионерам – весьма неприятный расклад, особенно в чистом поле.

Ну да делать нечего – быстро построились в боевые порядки, сомкнули щиты, лучники отошли на вторую линию. В их числе был и молодой легионер Брос. Место было не очень

удачным, особенно для лучников, поскольку побережье на мили вокруг было плоским как стол. Так что вставшие впереди копейщики полностью загораживали собой всю картину боя. Футах в пятистах справа сбились в кучку около сотни конников – всё, что смогли наскрести.

Эх, как бы сейчас уютно было бы за мощным деревянным частоколом, опоясанным рвом! Но деревья в этом унылом месте были явлением едва ли не более редким, чем ясные солнечные дни. Голая степь с какими-то кустарниками, которые и огня-то давали меньше, чем дыма. Местные вообще топили свои печки жирной морской рыбой, но для латионских носов запах горящего рыбьего жира был просто непереносим. Однако, и не об этом сейчас нужно думать. Кол, вытягивая шею, смотрел вперёд.

Вдруг раздался мощный, леденящий душу вой. Кол увидел, как пехотинцы пришли в движение. Он понял – первые ряды плотней сдвинули щиты, вторые ряды упёрлись в спины первых, дабы выдержать натиск, а следующие четыре ряда дружно опустили длиннющие копья на плечи вперёдистоящих товарищей. Оставалось лишь надеяться, что в рядах щитов не найдётся слабого звена. Тогда есть шанс пережить этот день.

По команде лучники натянули тетивы и прицелились в серое небо, висевшее низко и вот-вот готовое разверзнуться над головами сражающихся. Отмашка – и четыре сотни стрел ушли вверх жужжащей рассерженной тучей. Туча дугой обогнула стоящих впереди пехотинцев и пропала из виду. Наверное, кто-то попал. Может быть, даже и сам Кол. Но времени на подобные размышления не было – выхватить новую стрелу, и бить вверх уже без команды. Как можно больше стрел! Ах, было бы у них побольше пространства! Кол бы с удовольствием сейчас пустил стрелу в задницу тому умнику-командиру, что разместил лагерь так близко к морю.

Рёв всё нарастал, а затем вдруг грянул мощный крик сразу многих сотен глоток – столкновение! Зазвенел и заскрежетал металл. Раздались первые жалобные крики. Лучники пустили ещё один-два залпа, но теперь стрелять уже было просто опасно – не задеть бы своих. Поэтому луки были убраны за плечи, а в руках появились короткие латионские мечи. Идти с такими против двуручников северян – самоубийство. Но не такое глупое, как идти вовсе безоружными, так что выбор невелик.

Кол оглянул ряды пехоты. Ура! Кажется, первый натиск выдержали вполне удачно – строй нигде не прорван. Кол прекрасно понимал, что сейчас творится на передовой. Щиты, сжавшись в тугие комки, изо всех сил удерживают высокие, почти в рост человека щиты. Поддерживающие их мечники из второй шеренги изо всех сил упираются в спины, но при этом посматривают – не подойдёт ли кто слишком близко. Тогда – короткий тычок мечом. На такой близкой дистанции копейщикам бить несподручно. Ну а сами копейщики тычут вслепую своими копьями, надеясь не подпустить врага. Жаль, народу маловато и нельзя поставить дублёров – воинов, которые будут поочерёдно сменять первые две шеренги, давая отдохнуть, или заменяя павших. Но что есть, то есть.

Пока что наблюдение сзади было довольно однообразным. Шуму, конечно, много, но вот особого движения нет. Стоят, топчутся на месте люди – и всё. Лучники подошли ближе к пехотинцам. Раз стрелять нельзя – так, может, ещё чем удастся пособить. Да теми же дублёрами поработать!

И точно – хорошие мысли приходят в разные головы одновременно! – их командир отдаёт приказ двум первым шеренгам лучников просочиться сквозь ряды копейщиков и занять места за мечниками. Чёрт! Кол как раз во второй шеренге!!! Конечно, боя на всех хватит – минут через десять командиры наверняка сменят бойцов, но... Как не хочется туда, на передовую! Уж и не вспомнить все те идиотские юношеские мечты о боях и славе, которые бередили его душу, пока он работал на отцовской ферме, с которой и сбежал, чтобы записаться в легион. Нет уж – сейчас бы он предпочёл соху или колун.

Кол протискивается сквозь ряды потных сосредоточенных копейщиков. Те привычно чуть расступаются и тут же смыкаются за его спиной. Вот он проходит все четыре шеренги и

оказывается за спиной мечника, который, пытаясь, упирается в спину щитоносца. Тот, в свою очередь, всем весом навалился на щит, удерживая его в вертикальном положении. А за стеной щитов беснуются заросшие лица. Вот копьё угодило прямо в раззявленный рот одного из берсерков, но его место тут же занял новый. Мощные двуручные мечи бьют по древкам копий, и хотя те сделаны из крепчайшего железного дерева, но то тут, то там копьё всё-таки разлетается. Те же мечи бьют в окованные железом щиты, и те стонут от их ударов, так же как и люди, которые эти щиты держат. Однако же пока наши копьё внушают должное почтение варварам, и те в большинстве своём топчутся за пределами их досягаемости, воя и злобно кусая края своих деревянных круглых щитов.

Кол легонько бьёт по плечу поддерживающего мечника впереди себя. Тот, даже не оборачиваясь, понимает условный сигнал и отступает. Его место тут же занимает сам Кол. Упирается в металлическую спину щитоносца одной рукой, другой поднимает наизготовку меч. Из рта рвётся бешеный крик – то ли ужаса, то ли восторга. Как-то одновременно сразу хочется, чтобы эти дикари и подошли ближе, и держались подальше.

Вот один соломенноголовый ловко поднырнул под копьё и оказался у самого края щитов. В его руке был большой боевой молот с острым металлическим клювом. Замах – и этот молот гулко опускается именно на его, Колов, щит. И, кажется, что гулкий звон удара на мгновение перекрывает все остальные звуки боя. Щитоносец подседаёт со страдальческим стоном, но выдерживает. А берсерк, дико скалясь, уже заносит молот для нового удара.

– Ах ты ж, курва! – бешено орёт Кол и тыкает своим коротким мечом в лицо варвара. Попадает куда-то под подбородок. На руку брызгает кровь, но Кол уже не смотрит, что будет дальше. Скорее пригнуть голову, укрыться за спасительной стеной и ждать! Ну что, рядовой Сан Брос, твой счёт открыт! И пока всё не так уж и страшно!

И тут – крик ужаса и отчаянья, слитый с воплем торжества где-то слева. Прорвались, стервецы! – сердце падает куда-то на мочевой пузырь, вызывая страшное желание обмочиться. Шеренги зашевелились. Сейчас попытаются заткнуть дыру, пока ещё возможно. Но нет. Кол видит, что шагах в двадцати от него копейщики наскоро отбрасывают копьё, хватаясь за мечи. Значит, прорыв не ликвидирован... Ну теперь держись! Сейчас начнётся настоящая рукопашная...

Шеренги слева быстро ломаются и распадаются под натиском беснующихся северян. Крики, проклятия, звон... Увы, когда в стене щитов появилась брешь, вся конструкция становится бесполезной. Да и построение, такое удобное при щитовой обороне, теперь стало опасным – слишком скученны бойцы. Поэтому каждый спешит либо отбежать подальше от опасного места, либо хотя бы дать себе больше пространства для манёвра. Ассова задница, где же конники??? Прошляпили момент, мать их! Теперь много ли толку от них в общей куче-мале?..

... Кол плохо помнил, что было дальше. Всё смешалось в какое-то пятно, из которого лишь изредка выхватывались чьи-то лица – то своих, то врагов. Кол рубил и колол, отступал и наступал, падал и вставал... Как и все на этом проклятом залитом кровью пятачке. Ещё он помнил ливень, который обрушился на головы сражающихся, словно перевёрнутое вверх дном море. Потоки воды просто оглушали, так что на какое-то время сражение просто заглохло – и legionеры, и берсерки могли лишь беспомощно моргать глазами и утирать лица.

Долгой ли была схватка – того Кол сказать не мог. По солнцу не определишь – тучи чёрные вокруг. По усталости – опыта пока маловато, чтоб понимать. Ясно Кол понимал лишь одно – бой окончен, а он всё ещё жив. Пара синяков на рёбрах от ударов северных щитов, да порез на левом плече, который он, признаться, нанёс себе сам своим же мечом в суматохе боя, парируя выпад северянина.

В тот день из четырёх когорт, вступивших в бой, к концу дня едва можно было составить одну полнокровную. Свыше двухсот legionеров ушли в чертоги Асса, и почти пять сотен были более или менее серьёзно ранены, причём минимум полсотни вряд ли переживут нынешнюю

ночь. И счастливчик Кол оказался в числе как раз наименее серьёзно раненых. Так что первое настоящее боевое крещение вышло – просто на загляденье!..

...Мысли Кола вернулись из далёких прибрежных степей Палатия в сточную канаву Латиона. Эх, Ассова задница! Как можно было дойти до такого? Что сказали бы сейчас твои боевые товарищи, увидев, как ты лежишь в чужом дерьме (а то, может, ещё и в своём – пока не прошло алкогольное и болевое онемение в теле, он не мог сказать наверняка), избитый какими-то шлюхиными детьми из городских трущоб. Да в те времена – что ему были эти пятеро недоумков? Смех, да и только!

И Кол действительно засмеялся. Тихонько, почти одними губами. Только вот смех этот был больше похож на всхлипывания.

Всё! С завтрашнего дня завязываю с вином! – наверное, в сотый раз пообещал себе Кол. Никакого вина! Никаких кабаков, никаких канав! Уеду из Латиона – Гурра лысого этот горбатый ублюдок меня выследит! Да хоть в колоны подамся! Или в какой-нибудь другой город подальше отсюда...

В груди Кола нарастало воодушевление. И Кол искренне верил ему сейчас, хотя всё это он переживал уже многократно. Но сейчас, лёжа лицом в жидкой грязи, он действительно верил, что жизнь ещё может наладиться. Конечно, ведь со дна любой канавы есть лишь один путь – вверх! Вот сейчас только полежу немного ещё...

Наверху раздался какой-то шум, шорох, и в его канаву кто-то скатился. Да так неуклюже, что споткнулся о его, Коловы, ноги, а после и вовсе встал на кисть откинутой в сторону руки. Боль пронзила пальцы и Кол, дёрнувшись, крикнул:

– Ассова задница! А ну-ка слезь с моей руки, парень!..

Глава 10. Новое знакомство

– Что там у тебя случилось? – зашипела Мэйлинн. Даже страх быть пойманной не смог заставить высокородную лирру нырнуть на дно городской клоаки, так что она элегантно распласталась на откосом бережку канавы. Не конспиративно, конечно, но валяться в помоях – увольте!

– Тут кто-то есть... – растерянно пролепетал Бин.

– Конечно же, тут кто-то есть, – пьяно пробормотал Кол. – Как же не быть... Тут есть я...

– Какой-то пьяница, – резюмировал Бин. – Надо уходить...

– Зачем? – прошептала в ответ лирра. – Чем он тебе мешает?

– Чем я тебе мешаю, парень? – обиженно проворчал Кол. – Лежу себе тут, никому не мешаю... Почему ты говоришь, что я тебе мешаю?..

– Да тише ты! – цыкнул на него Бин. – Ты мне не мешаешь, только, ради Арионна мило-сердного, говори тише!

– Да я вообще молчал... – оскорбился Кол. – Это вы прибежали в мою канаву, и теперь тут болтаете. А ты вообще мне все пальцы отдал! – почему-то Кол в доказательство потряс совсем другой рукой.

– Помолчите, пожалуйста, оба! – сердито встряла в спор Мэйлинн.

– Извините... – тихонько икнул Кол и действительно замолчал.

Лирра напряжённо прислушивалась. Хвала богам, погони не было слышно. То ли стражники почему-то считали, что искать их нужно только в Старом городе, то ли, всего скорее, просто не хотели без нужды соваться ночью в бедные кварталы. Как говорится, не бросай камни в мутные воды, если не знаешь точно, что оттуда может выплыть. Городские стражники страшно радовались, когда выпадало караулить кварталы респектабельного Старого города, и не особенно горели желанием покидать его уютные улочки.

Та же четвёрка стражей, что была впереди, постояв немного (один из них рассказывал какую-то донельзя забавную историю), наконец двинулись дальше, оглашая округу взрывами хохота. Хвала всем богам, они двигались не в сторону наших беглецов.

– Кажется, в этот раз прорвались, – облегчённо шепнула Мэйлинн.

– Да, похоже на то... – согласился Бин, кряхтя, выбираясь из канавы.

– Да, наверное, прорвались, – неожиданно согласился с ними и пьянчуга.

– Да лежи ты там! – беззлобно огрызнулся Бин. – Ну что, пойдём? – обратился он к лирре.

– Постой. А как же этот несчастный? – Мэйлинн заглянула в темноту канавы, но смогла рассмотреть лишь смутные очертания тела, хотя лирры славились отличным ночным зрением. – Нельзя же его так оставить. Он ведь умрёт тут...

– Послушай, девочка! – заворочался Кол, безуспешно пытаясь приподняться. – Да эта канавка – мой дом родной! Если бы ты знала, сколько раз я ночевал в таких вот канавах!.. Да эта, кстати, очень даже ничего... – Кол приподнялся на руках, но они скользнули по чёрной жиже, и бывший паладин его величества плашмя рухнул лицом в грязь.

Лирра ничего не могла разглядеть, но она услышала шлепок и бульканье, поэтому сориентировалась молниеносно:

– Бин! Живо доставай его оттуда!

Бин, кряхтя и проклиная всё на свете, ухватил пьяницу за шиворот и потащил вверх. Тяжёлый, зараза! Фунтов под двести, или около того. Тот же лишь нелепо сучил руками, никак не помогая парню. Но ничего – Арионн, видать, пособил – вытянул. Кол с хрипом стал втягивать в себя воздух.

– Видишь, его нельзя оставлять тут! – яростно шепнула Мэйлинн.

– И куда же нам его девать? – в той ей ответил Бин.

- Ну тут же харчевня под боком. Отведём туда, – предложила лирра.
- В таком виде? Да от него несёт, как из отхожего места!
- Эй, парень, ты сейчас очень меня обидел!.. – отплёвываясь, прохрипел Кол.
- От тебя, боюсь, несёт не лучше! – парировала Мэйлинн.
- И правда, парень... – снова встрял Кол. – Ты ужасно воняешь! Что это с тобой?..
- Значит, надо помыться! – ответил Бин.
- Парень, у тебя золотая голова!.. – растроганно бурчал Кол. – Ты мне всегда нравился, ты знаешь?..
- Да иди ты к Гурру! – Бин начинал по-настоящему злиться.
- Ну отлично! Тогда пойдём к реке, там и помоешься! – решила лирра. – Поднимай этого человека, и пошли!
- Как – поднимай?.. – опешил Бин. – Мы что, возьмём его с собой?
- Куда – с собой?.. Я не хочу с собой... – лепетал Кол, и его голова вновь стала клониться вниз.
- Соberись, Бин, ты, кажется, начинаешь терять нить разговора! – прикрикнула Мэйлинн.
- Мне тоже так кажется... – раздражённо ответил Бин. – Напомни, когда это мы решили, что должны отмывать этого бугая?
- Ну как же! – воскликнула Мэйлинн. – Мы собирались отвести его в харчевню, но ты сказал, что он слишком плохо пахнет. Поэтому мы и решили его помыть!
- Кажется, я ничего такого не решал, – начал было Бин. – Я имел в виду, что это мне надо помыться...
- Прекращай, Бин! *Я сказала*, что мы берём его с собой! – пресекла его Мэйлинн неожиданно жёстким, не допускающим возражений тоном.
- И почему ты не можешь просто взять и уйти? – раздражённо ворчал Бин, пытаясь как-то половчее взять пьянчугу, чтобы поднять на ноги. Тот вроде и не сопротивлялся, просто обвис мешком, что-то бормоча себе под нос.
- Может быть, мне стоило *просто взять и уйти* сегодня в Пыжах? – обернувшись, неожиданно зло ответила Мэйлинн. – Или просто сидеть себе спокойненько под яблонькой и смотреть, как ты весело дрыгаешь ногами?
- Бин замолчал. Видно было, что обиделся. Но зато обида придала ему новых сил, он рванул Кола и, наконец, поставил его на ноги.
- Шагай давай! – зло буркнул Бин Колу и сам подал пример. Лирра шагала рядом.
- Извини, – спустя некоторое время вдруг услышал Бин и поразился: в голосе лирры были слышны слёзы.
- Что ты, Мэйлинн! Это ты меня извини! Я был не прав! – горячо возразил он, пытаясь от натуги, потому что пьяный громила всем своим весом навалился на него.
- Нет, это ты меня извини, парень! – снова подал голос Кол. И Бину почудилось, что в этот раз в голосе пьянчуги было куда меньше хмельной дури. Кажется, он действительно просил прощения!
- В молчании прошло некоторое время. До реки было довольно далеко, так что Кол успел слегка протрезветь. Достаточно, чтобы чувствовать удручённость от всей этой странной ситуации. Кол, к сожалению, уже привык, что его бьют, обманывают, или, в лучшем случае, просто не замечают. А вот пытались помочь ему впервые за много лет.
- Давайте знакомиться, что ли? – предложил он. – Да и отпусти ты меня, парень. Видишь, я уже могу идти сам! – и тут же споткнулся о собственную ногу и, упав, больно ударился коленом.
- Да не дёргайся ты! – досадливо рявкнул Бин. Вот ведь, нашли на свою голову!..

– Я – Мэйлинн. А это – Бин, – тем временем, как ни в чём не бывало, представилась лирра.

– Ну а я Сан. Сан Брос, хотя все зовут меня просто Кол.

– Почему «Кол»? – полюбопытствовала Мэйлинн, причём Бин вдруг понял, что ей это действительно интересно. Нет, ну что за... удивительная лирра!

– Вообще-то у меня есть недурная шутка на этот счёт, – заговорщически снизив тон, сообщил Кол Бину и выразительно кивнул головой в область своего паха. – Но она недостойна общества столь прекрасной дамы... Так что придётся сказать правду, – Кол слегка усмехнулся, с лёгкой ностальгией, как показалось Бину. – Ещё когда мальцом был, как-то забрался в погреб и решил попробовать отцовый браги. Просто из интереса. Но случайно уронил бутылку на пол, даже не успев отпить из неё... Здоровенная такая бутылка, на пару галлонов! Куда её такому мальцу-то удержать!.. Мать услышала, прибежала. А как поняла всё, так схватила хороший кол, и стала гонять меня по всему двору. Ух и досталось же мне тогда! А дружки-то мои это всё увидели, вот и пошли дразнить: Кол, да Кол! Я поначалу злился, а потом как-то привык. После и с фермы родной ушёл, казалось бы – новая жизнь позволяет избавиться от этого имени. А оказалось – прикипел, понравилось. Так и стал по жизни Колом.

– Какая интересная история! – искренне восхитилась Мэйлинн, хотя Бин не мог взять в толк – чего же в ней такого занятного. А вот моя история про Гильдию Теней ей интересной не показалась! – с лёгкой ревностью вдруг подумал он.

– Вы – очень странные люди, Мэйлинн и Бин, – вдруг совершенно серьёзно и совершенно трезво заявил им Кол. – Вам когда-нибудь говорили об этом?

– Мне постоянно об этом говорят, – засмеялась лирра.

– А вот мне до сегодняшнего дня – ни разу! – буркнул Бин.

– Ладно, парень, я серьёзно – можешь меня отпустить. Я дойду, всё в порядке. Пойду домой, отосплюсь, – Кол сделал вполне успешную попытку освободиться, и на этот раз действительно устоял на ногах.

– Никуда ты не пойдёшь, Кол! Точнее, пойдёшь с нами! – отрезала Мэйлинн. – И нет у тебя никакого дома!

– С чего ты это взяла? – опешил Кол. – Есть у меня дом...

– Почему же тогда я слышу фальшь в твоём голосе? – полюбопытствовала лирра. – Идём, и без разговоров! Я обещала тебе таверну, и я тебя туда отведу!

– Не перечь ей, дружище, это бессмысленно, – Бин всё-таки стал придерживать неуверенно бредущего Кола за локоть. – Понимаешь, это у неё такое хобби – спасать людей. Не поверишь – сегодня она вытащила меня из петли. Причём в прямом смысле слова.

– Ну ничего себе! – восхитился Кол и, внезапно остановившись, уставился на тёмную тень, которой сейчас была лирра. – Нет, ты положительно самая странная девушка из всех, которых я видел. А ведь я однажды видел женщину с тремя грудями!

Мэйлинн фыркнула, чуть не подавившись хохотом, к ней тут же присоединился Кол, а спустя мгновение, неожиданно для самого себя, их поддержал и Бин. Так они и хохотали, как сумасшедшие, стоя посреди темной грязной улочки, и этот хохот, казалось, вымывал из них всю усталость и все передрыги минувшего дня. Пару раз смех вроде бы стихал, но то Мэйлинн, то Кол вдруг взрывались новым приступом хохота, моментально заражая остальных.

Отхохотавшись, Кол картинно отёр глаза, и весело воскликнул:

– Ну что, пошли купаться?

Когда они добрались до реки, уже перевалило за полночь. На протяжении пути Кол всё ещё слегка заплетающимся языком сыпал прибаутками, рассказывал всевозможные истории из личной жизни, половина из которых была очевидной для Бина и Мэйлинн выдумкой, но

которые были так утомительны, что Бин то и дело держался за бока, а Мэйлинн тёрла ладонями скулы, которые уже болели от постоянного смеха. Лёд между ними и Колом растаял без следа, и даже Бин сейчас искренне радовался такой отличной компании.

Труон открылся нашей троице, когда они вышли из-за угла последнего прибрежного дома. Весь левый берег, насколько хватало глаз, был застроен деревянным настилом, по сути – длинным полумильным причалом. Днём тут кипела жизнь. Это были так называемые Доки, ещё один район Нового города, получивший название от прибрежных построек, служивших и складами, и ремонтными мастерскими.

Бин глядел на это место с завистливой неприязнью. Между складскими и докерами всегда существовала определённая вражда. Дело в том, что поскольку Труон был наиболее простым и удобным путём в Шинтан, то и основной товарооборот с этой столицей торгового мира происходил именно водным путём. Да и саррассанские товары шли по широкой мощёной дороге лишь до озера Прианон, а оттуда отправлялись дальше на север вплавь. Поэтому в доках были совсем другие объёмы и совсем другие барыши, нежели на складах, которым доставались купцы попроще да попржимистей. На каждый вырученный складами доррин доки отвечали полновесным дором. Соответственно, и плата работникам тут была в два-три раза выше, чем на складах.

Только вот устроиться сюда докером было практически нереально. Это было своеобразное кастовое общество, где отец передавал своё место сыну, а тот – своему. Редкий чужак мог попасть сюда. Нет, конечно чёрной работы хватало, и можно было, как Кол, допустим, вывозить протухшую рыбу, или варить дёготь для просмолки судов... Но за это платили те же гроши, что и везде. И уж подавно заказан был доступ сюда для выходцев Складского квартала. Неприязнь между складскими и докерами распространилась и на их районы, так что на пустырях за Доками, или же за Складами мальчишки этих двух кварталов устраивали побоища. В своё время и Бин был участником этих сражений – не сказать, что особенно активным, скорее просто не мог отказаться.

Здесь, на освещённой набережной Труона, Кола ждало ещё одно поразительное открытие:

– Так ты – лирра??? – возопил он, едва смог получше разглядеть спутников.

– Более того, – усмехнулся Бин. – Ты на шею её глянь!

– Наэлирро?... – поперхнулся Кол. – Что же вы, госпожа, сразу не сказали? Простите мне...

– Прекрати, Кол! – отмахнулась Мэйлинн. – Какая я тебе госпожа?

– Ну как же... Госпожа магиня... – без подобострастия, но с глубоким почтением поясnil Кол. – Я хоть человек и маленький, а с магинями знаком. Ну... Не знаком, конечно, но видел. Когда был паладином при дворе его величества, то знал там и госпожу Балинну, и госпожу Калиэн, и госпожу Дайону. Конечно, вряд ли они замечали простого паладина, особенно госпожа Дайона, у которой совсем не было глаз... – Кол позволил было себе усмешку, но тут же осёкся, с некоторой опаской взглянув на Мэйлинн.

– Успокойся, Кол! – твёрдо проговорила Мэйлинн. – Это были совсем *другие* лирры. Не такие, как я. Я – не магиня...

– Но... Как же знак Наэлирро?... – смешался Кол.

– Это долгая история, и я расскажу её тебе позже. А сейчас – марш в реку, а то от тебя разит, как от мусорной кучи!

– Да, госпожа Мэйлинн! – почти по-армейски гаркнул Кол и трусцой направился к причалу.

– Ещё раз назовёшь меня госпожой, припалю тебе задницу! – бросила вслед лирра, приспособливаясь к языку бывшего легионера. Кол ничего не ответил, но втянул голову в плечи

и, прибавив ходу, с разбегу прыгнул в воды Труона. Секунду спустя из темноты послышалось довольное фыркание, и звук мощных гребков.

– Давай за ним, – кивнула Мэйлинн в сторону воды. В принципе, Бина и не нужно было упрашивать – за время, что прошло с момента его барахтанья в городских стоках, его одежда высохла, покрывшись омерзительной вонючей коркой. Удивительно, но после всех злоключений одежда самой лирры была почти в полном порядке, разве что слегка припылилась.

Спустя четверть часа счастливые Кол и Бин лежали, растянувшись, на дощатом настиле в двух шагах от воды. На обоих не было ничего, кроме портов, а остальная одежда, раскинутая, лежала и сохла рядом. Лирра так и не захотела лезть в воду, которая вблизи оказалась не такой уж чистой – кое-где в ней плавали неприятно пахнущие маслянистые пятна, да и вообще от воды тянуло какой-то тухлятиной. Поэтому она сейчас просто сидела рядом, обняв руками свои согнутые ноги и уткнувшись подбородком в колени, и смотрела на отражение прибрежных огней, пляшущее по волнам. Так, в ленивых разговорах и молчании прошло с полчаса.

– Ну и денёк! – сонно протянул Бин, лёжа на спине, раскинув руки, и глядя на звёзды над головой. – Уж и не думал, что он когда-то закончится! Мне кажется, он был так же долгов, как вся моя предыдущая жизнь... С тобой каждый день будет таким, Мэй? – он приподнялся на локте, и взглянул на лирру.

Мэйлинн усмехнулась, услышав из его уст своё сокращённое имя, каким обычно звала её *бывшая* подруга Олива. Наверное, услышал его во время их с Ли... гм... напряжённого разговора. Мэйлинн не очень пока понимала – нравится ли ей такое обращение от Бина. Она видела, что он сейчас осознанно пытается сломать какой-то очередной барьер, сделать шаг ближе. Неужели влюбился? – с каким-то смешанным приятно-неприятным чувством подумала лирра. В итоге она решила не придавать значения, и ответила как обычно:

– Я бы не стала этого исключать, Бин... Кроме того, наш день ещё не окончен.

Глава 11. Трудный выбор

– Ну конечно, – недовольно проворчал Бин, вновь падая на спину. – Как я мог забыть – кабак...

– Я ещё раз повторяю, что не стоит обо мне больше беспокоиться, – Кол уже полностью протрезвел. – Вы и так много сделали для меня, ребята.

– Может быть Бин и готов ночевать на этих досках, воняющих рыбой и дёгтем, но я бы предпочла более уютное место, – возразила Мэйлинн. – Я и так достаточно наночевалась по лесам и оврагам. Пока есть возможность, хочу спать на чём-то хотя бы отдалённо напоминающем постель.

– Да мне сейчас бы только глаза закрыть... – пробормотал Бин, и было действительно заметно, что он уже вовсю борется со сном.

– И тем не менее, – решительно поднялась на ноги лирра. – Давайте-ка, одевайтесь, и потопали! А ты, Кол, прекращай действовать мне на нервы. Ты идёшь с нами, и точка!

– Погоди немного, она тебе ещё скажет, что наша встреча не была совпадением, – ворчал Бин, натягивая сырую ещё одежду. Надо сказать, что купание не смогло окончательно решить проблему чистоты и запаха, так что Бин, одеваясь, весьма недовольно морщил нос.

– Конечно же не была! – тут же ответила лирра. – Совпадений не бывает. Любое совпадение – непостижимая пока закономерность.

– Увы, подруга, ты сейчас рассказываешь историю всей моей жизни, – вздохнул бывший легионер, также облачаясь в свои довольно жалкие одёжки.

– Ладно, напомни мне, чтобы я пожалела тебя попозже, а пока – ты мог бы подыскать нам небольшую гостиницу? Не шикарную, конечно, но и не так чтобы клоповник. И, желательно, не слишком многолюдную, где не станут задавать лишних вопросов, – обратилась к нему лирра.

– Тебе повезло, красавица! – ответил Кол. – Мы в Доках, а здесь есть несколько гостиниц для приезжающих купцов – как раз то, что тебе нужно. Купцы обычно люди довольно прижимистые, но при этом и требовательные. Так что будет тебе гостиница не слишком дорогая, но при этом всё чин по чину. Вопрос вот только в деньгах... – замылся он.

– Ну немного денег у меня ещё осталось. К сожалению, пополнить кошелек не получилось, но, тем не менее, кое-что в запасе ещё есть, – сказала Мэйлинн, извлекая из своей сумки изящный кожаный кошелек. – Вот.

На широкую ладонь Кола высыпались металлические кругляки. Кол взглянул на них и, хотя света тусклых фонарей едва хватало, глаза его стали такими же круглыми как монеты. На его ладони блистали два латора, пять или шесть доров и кучка дорринов.

– Да за эти деньги я свожу тебя на край мира и обратно, красавица! – воскликнул Кол, ссыпая деньги назад в кошелек.

– Сколько же ты хотела ещё взять в банке? – потрясённо спросил Бин. – И, главное – зачем? Хотела купить замок в пригороде?

– Ну, когда я вышла из Наэлирро, у меня было больше пяти латоров. Как видишь, запасы оскудели. А путешествие предстоит долгое. Думаю, десяток-другой латоров карман бы не утянули. – Бин на это лишь присвистнул. Его воображения не хватало, чтобы представить такое количество денег.

– Я возьму у тебя двенадцать дорринов. Этого хватит и на ночлег, и на обед. Мы ведь будем есть? – жалобно спросил Кол, и его живот, словно из солидарности с хозяином, весьма громко заурчал.

– После всей этой беготни поесть просто необходимо! – ответила лирра. – Так что води нас в своё приличное место!

– Да тут недалеко! – просиял Кол. – Почитай, пять минут ходу.

Действительно, не более, чем через пять минут наша компания стояла у дверей достаточно чистого и приличного с виду дома, над дверью которого висела освещаемая отдельной лампой вывеска с весьма нескромной надписью: «Предел мечтаний» – гостиница для порядочных людей».

– Не люблю я такие названия, – проворчала Мэйлинн. – Обычно чем более громкое и бахвальское название, тем ужасней оказывается дыра.

– Ты как всегда права, подруга, – немедленно ответил Кол. – Помнится, в бытность свою легионером, останавливался я в кабаке с названием «Кухня богов». Более мерзкого жаркого я не пробовал за всю свою жизнь! Я именно так и сказал хозяину, прежде чем разбить ему нос кружкой... Но зато племянница у него была!.. – Кол многозначительно подмигнул, но не Бину, а Мэйлинн. Видно, он уже полностью освоился в компании лирры из Наэлирро. – Однако насчёт этой гостиницы ты ошибаешься. Я-то сам тут не был, но слышал, как сарраассанские купцы друг другу её рекомендовали.

– Ладно, стучи, – согласилась Мэйлинн.

Кол несколько раз ударил по двери раскрытой ладонью. Довольно быстро послышался металлический лязг, и откинулась дверца небольшого зарешёченного оконца на двери. Оттуда смотрели заспанные слезящиеся глаза.

– Кого бесы принесли в такой поздний час? – раздался старческий недовольный голос.

– Открывай, отец! Посетители мы! – ответил Кол.

– Приличные посетители уже давно в номерах своих спят, а в такой час одни разбойники шастают, – продолжалось ворчание. – Учтите, у меня арбалет!

И действительно, из-за двери послышался щелчок курка, снятого с предохранителя.

– Это так-то принимают в этой гостинице! Ничего себе! А мне её так рекомендовали, так хвалили... А уж таких жареных цыплят, говорил мне один весьма почтенный человек, как в «Пределе мечтаний» больше во всём Латионе не предложат... Ну да ладно, друзья, – нарочито громко обращаясь к Бину и Мэйлинн продолжил Кол. – Благодарение богам – деньгами они нас не обидели, а уж гостиниц-то тут полно. Как там, бишь, её, другую-то, что нам называли? – спросил он у Бина, на что тот лишь глупо раскрыл рот и уставился на Кола.

– Погодите, господа, не спешите! – засуетился человек за дверью. – Уж простите великодушно – времена нынче такие...

Дверца захлопнулась, а мгновением позже заскрежетал засов. Затем дверь отворилась, и за ней стоял седовласый хозяин в ночном халате и с лампой в руках. При виде входящих Кола и Бина, сомнения, вероятно, вновь закрались в его голову, поскольку он беспокойно глянул на стоящую рядом тумбочку, где лежал оставленный им взведённый арбалет. Однако Кол, не останавливаясь, сыпанул ему в ладонь пару медяков, и это окончательно вернуло хозяину доброе расположение духа.

– Проходите, уважаемые гости, проходите, – приговаривал он. – Что будет желательно в сей час достопочтенным господам... и даме? – увидев лирру, добавил он. Мэйлинн вновь закрыла шею воротником, так что особого фурора своим появлением не вызвала.

– Нам будет желательно как следует покушать, – отвечивал Кол. – А затем переночевать.

– Конечно же, дама предпочтёт отдельную комнату? – в глазах старика заплясали искорки: мол, знаем мы таких вот полночных посетителей с прекрасными дамами.

– Конечно же, дама предпочтёт отдельную комнату, – ледяным тоном отчеканила Мэйлинн, и старик разом притушил свою смешливость.

– Ну а мы с моим приятелем – люди не гордые, пожалуй, поспим в общей комнате. Две лежанки – нам большего и не нужно, – продолжил Кол.

– У нас очень респектабельная гостиница, господин, для людей небедных, так что у нас не предусмотрена общая комната, – словно даже оскорбился хозяин.

– Ну тогда нам – самую дешёвую комнату на двоих... Хотя нет – дайте просто ещё одну комнату на одного, а я смогу поспать на полу.

– Хозяин, нам нужна одна комната на одного для меня, и одна комната на двоих для этих вот господ, – вмешалась Мэйлинн, и затем прошипела отдельно Колу: – Я, кажется, просила больше не действовать мне на нервы!

– Слушаюсь, моя госпожа! Пожалуйте за мной! – в голове старика наконец-то сложилось понимание происходящего – просто богатая лирра путешествует в обществе двух слуг. Теперь, когда всё стало ясно, он окончательно повеселел.

– Прикажете накрыть ужин в столовой, или отужинаете в своих комнатах? – осведомился хозяин после того, как они подошли к конторке для регистрации и оплаты.

– Я бы предпочла, чтобы еду доставили в комнаты, – ответила лирра.

– Будет исполнено сей же час, – поклонился хозяин. – А пока соблаговолите вписать свои достойные имена в книгу.

Бину совершенно незачем было скрывать своё имя, поэтому он аккуратно накарябал неровными буквами: «Бин Танисти». Кол тоже ничего зазорного в своём имени не углядел, и ниже появилась уверенная и ровная подпись: «Сан Брос». Мэйлинн же, на секунду задумавшись, вывела: «Кандилия Палли». Затем Кол, с достоинством, по одному отсчитал девять дорринов, и, выдержав паузу, положил десятый со словами: «За беспокойство». С учётом двух дорринов, полученных на входе, итого вышло двенадцать. Хозяин несколько сморщился – он надеялся, что удастся получше пожить за счёт новых гостей. Но, привыкнув иметь дело с довольно прижимистыми купцами, он сразу понял, что на большее здесь рассчитывать не придётся. Справедливости ради нужно отметить, что двенадцать дорринов – это была вполне приличная цена. Поэтому, показав гостям их комнаты на третьем этаже, хозяин направился будить прислугу, чтобы те грели ужин.

Не успели Кол и Бин как следует расположиться на довольно мягких и удобных кроватях (куда мягче и куда удобнее любой другой кровати, на которой когда-либо приходилось спать Бину), как раздался лёгкий стук в дверь, а затем в комнату мягко скользнула лирра.

– Подожду ужина у вас, – сказала она и села на кровать Бина. Тот поспешно подтянул ноги под себя.

Теперь, при свете двух ламп (Мэйлинн принесла свою из комнаты) она наконец смогла как следует рассмотреть Кола. Немолодой уже, но и не стар. Ростом, пожалуй, не ниже Бина, но гораздо шире в плечах. Однако про него не скажешь, что он – гора мышц. Обычное телосложение крепкого мужчины за тридцать. Вон и животик приличный заметен. Хотя, конечно, заметно, что он, должно быть, силен как бык. Мощная шея – пожалуй, даже слишком, так что голова кажется немного маловатой. Короткие, по-армейски ёжиком постриженные серые волосы, в которых годы и опыт оставили немало седых волос. Гладко выбритое лицо, что даже как-то удивительно при его образе жизни. Серые, стальные глаза, могли бы казаться весьма жёсткими, если бы не смешливые морщинки вокруг них. Лицо, если не считать ссадин и синяков, очень даже приятное. Из тех, которые запоминаются сразу и которые потом узнаешь где угодно. Скуластое, с мощным, будто высеченным из камня подбородком. В общем, Кол производил своим видом самое благоприятное впечатление.

Тот, в свою очередь, так же цепко и внимательно изучал своих новых друзей. Лирра отметила, что на ней он задерживает свой взгляд куда дольше, чем на Бине.

– Ну и как же вы оказались в моей канаве? – любопытствовал Кол, закончив изучать лирру.

Мэйлинн вкратце рассказала всё, что случилось в доме Оливы и после, до того момента, как они укрылись в канаве, которую Кол называл своей. Кроме того, пришлось дать некоторые сопутствующие объяснения касательно её бегства из Наэлирро. Правда, в отличие от Бина, Кол получил гораздо более урезанную версию.

– Ну ты даёшь, девочка! – воскликнул Кол, когда рассказ был окончен. – Святая простота! Неужели ты всерьёз рассчитывала на помощь этой Оливы? Да никакая дружба не пройдёт испытание высотой. Чем выше запрыгнет один, тем дальше для него станет другой.

– Не суди всех своей меркой! – огрызнулась уязвлённая Мэйлинн.

– Ладно, положим... Пусть твоя Олива бы прыгнула к тебе в объятия и облобызала бы тебя своими сахарными устами. Пусть даже она и согласилась бы тебе помочь... Как только о тебе стало бы известно любой магине, твоя судьба была бы решена. Ты бы сейчас уже лежала, спелёнатая, или обездвиженная магией, в какой-нибудь изящной коробочке, и катила бы в свой Наэлирро, перевязанная розовым бантиком. Разве ты не понимаешь, что любая лирра теперь – твой враг?

Лицо Мэйлинн болезненно исказилось. Видимо, под таким углом она ещё не смотрела на ситуацию.

В дверь постучали. После приглашения в комнату вошёл хозяин.

– Вот вы где, прекрасная госпожа, – с излишним подобоострастием пропел он. – А я стучусь в ваши покои... Ужин готов.

– Вносите весь сюда, – распорядилась лирра.

– Как вам будет угодно. Не взыщите – ничего приготовить сейчас мы не можем, так что вам придётся довольствоваться тем, что осталось на кухне, – старик развёл руками.

– Не беспокойтесь. Нам это вполне подойдёт, – Мэйлинн теперь полностью взяла общение с хозяином на себя, дабы подтвердить сложившийся у него образ.

Вошла молодая служанка с подносом и у всех троих наших героев тут же обильно выступила слюна. Из прямоугольной металлической ёмкости, стоявшей на подносе, доносился божественный запах жареной курицы. Рядом лежал нарезанный ломтями хлеб, на тарелке – крупно нарезанные куски сыра. Также стоял глиняный горшочек, закрытый крышкой.

– Специально для вас, моя госпожа, тушёный кролик под ягодным соусом. Последняя порция осталась, так что уж не взыщите, господа...

Господа поспешили заверить хозяина, что они уж точно не взыщут. Также на подносе стояла бутылка тёмного, почти непрозрачного стекла.

– Пожалуйста, уберите вино, – попросила лирра. – Если можно, я бы попросила взамен молока. И воды.

Она пристально посмотрела на Кола, и тот мотнул головой, мол, да пожалуйста! Хотя взгляд, которым он проводил исчезающую бутылку, был куда красноречивее.

Поставив поднос на стол, пожелав приятного аппетита и осведомившись, не нужно ли чего-то ещё, хозяин и служанка удалились. Последняя, впрочем, вернулась через несколько минут, принеся кувшин с молоком и другой – с водой. После этого наша компания вновь осталась наедине.

На некоторое время разговор естественным образом прекратился. Мужчины отдавали должное жареным цыплятам, которые действительно были превосходны, а Мэйлинн аккуратно ела из горшочка восхитительного кролика. Кол с явной неохотой отхлёбывал воду из красивого стеклянного стакана.

После того, как голод был утолён, Кол решил, что пришла пора возобновить разговор.

– А можно поинтересоваться, что ты планируешь делать дальше? – обратился он к лирре. – Какое-то время можно бежать *от чего-то*, но рано или поздно придётся решить – *к чему* ты бежишь.

– Я прекрасно понимаю тебя, славный мой Сан, – ответила та. – И так уж вышло, что я сразу бежала не от чего-то, а к чему-то.

– Правда? Так я чего-то не знаю? – заинтересовался Кол, засовывая в рот ломоть хлеба с лежащими на нём кусочками сыра.

– Ну да. Дело в том, – Бин при этих словах Мэйлинн пристально уставился на Кола, ожидая его дальнейшей реакции. – Дело в том, что я иду к Белой Башне.

К огромному удивлению Бина, Кол не зашёлся в приступе хохота, не разинул рта и даже не выпучил глаз. Он лишь присвистнул и тихонько проговорил:

– Однако же...

– Да, именно так, – ответила лирра.

– А ты не ищешь простых целей, да, девочка? – неожиданно серьёзно спросил Кол.

– Эй, только не говори, что ты веришь в эти сказки! – не стерпел Бин.

– В этом мире есть много такого, что любому легко покажется сказкой, – несколько меланхолично ответил Кол, откидываясь спиной к стенке. – Я, дружище Бин, изрядно потоптал Паэтту в разных направлениях за эти годы. Приходилось бывать и на севере, и на юге; мёрзнуть в северных палатийских степях и иссыхать в сердце пустыни Туум. Я видел разное, Бин, и понял, что в нашем мире весьма глупо употреблять слово «невозможно».

– Ты, наверное, сейчас скажешь, что тоже видел Белую Башню! – сварливо буркнул Бин.

– Нет, не скажу. Я люблю рассказывать небылицы, но для них есть своё время. Сейчас – не оно. Я никогда не видел Белой Башни, и не знаю ни одного человека, который её видел. Однако же, я ни разу в жизни не видел и драконов, хотя точно знаю, что они живут в горах Эллора. Кроме того, я слышал, что Башня является лишь достойным этого. Ну а я себя к таковым не причисляю.

– Да ну вас, в самом деле! – Бин в сердцах бросил на стол недоеденный хлеб.

– Так ты, Мэйлинн, значит, хотела встретиться со старшей магией, чтобы та натолкнула тебя на какую-то идею о поиске Башни? – как ни в чём не бывало, продолжил разговор Кол.

– Да, именно так, – ответила лирра. – Я видела Башню, клянусь тебе в этом всеми богами, но я не знаю, как мне найти её.

– Я верю тебе, – ответил Кол. – Уж если и есть в этом мире кто-то, достойный увидеть Башню, так это ты. Однако, надеюсь, ты уже поняла, что обращаться к магиям для тебя равносильно тому, что просто поехать и сдаться Наэлирро.

– Поняла, – опустила голову Мэйлинн.

– Но выход есть! – поспешил добавить Кол.

– Правда? – лирра подняла на него свои прекрасные огромные глаза.

– Конечно! – Кол хлопнул себя по коленке. – Или магии-лирры – единственные маги в мире?

– Ты предлагаешь... – начала Мэйлинн.

– Я предлагаю обратиться к какому-нибудь человеческому магу, – воскликнул Кол.

– Но человеческие маги живут не столь долго, как лирры, и, боюсь, накопленные ими знания менее глубоки.

– А ты разве не слышала о Каладиусе? – наклонившись вперёд, спросил Кол.

– Каладиус? Легендарный человеческий маг, живущий уже более тысячи лет? Самый сильный из когда-либо живших человеческих магов? – переспросила лирра.

– Ну вообще здорово! – фыркнул Бин. – Теперь мы ещё заговорили о Каладиусе! Сегодня, похоже, день сказочных историй! Кол, послушай...

– Нет, это ты послушай, мальчик! – неожиданно грянул Кол так, как он, бывало, орал на поле боя сигнал к атаке, будучи командиром когорты. Комната зазвенела, резонируя с этим мощным звуком. За стенкой раздалась раздражённая бормотания других постояльцев, разбуженных посреди ночи. – Так вот, слушай меня, Бин, – Кол вновь продолжал тихим голосом, обращаясь к обмершему парню. – Ты прожил на свете ещё не так много зим, чтобы столь безапелляционно судить всех и вся. Тебе нужно научиться слушать тех, кто видел и знает больше тебя. И так уж получилось, что я – один из них. Ибо я своими глазами видел Каладиуса, когда

служил в Седьмом легионе. Моя когорта была отряжена для охраны его замка от дорийских кочевников.

– Зачем такому великому магу солдаты? – природный скепсис победил робость, и Бин даже решил, что наконец уличил Кола в обмане.

– Вот скажи мне, Мэйлинн, – проговорил Кол. – Когда магиня хочет есть – она просит служанок приготовить обед, или же колдовством вызывает стол, полный яств?

– Надо полагать, просит служанок, – улыбнувшись, ответила лирра.

– Вот тебе ответ, Бин, – повернулся к юноше Кол. – Зачем использовать магию там, где вполне можно обойтись несколькими десятками золотых монет?

– Так ты знаешь, где обитает Каладиус? – воспрянув духом, спросила Мэйлинн.

– Конечно же. Его замок стоит в оазисе на северном краю пустыни Туум, недалеко от дорийских степей.

– И ты думаешь, что он сможет мне помочь?

– Каладиус – легендарный маг. Легендарный настолько, что многие уже считают его сказкой, – насмешливо покосился на насупившегося Бина Кол. – Уж если кто-то из людей знает что-то о Белой Башне, так это он. Опять же, его отношения с магинями-лиррами абсолютно нейтральные, если не сказать – отчуждённые. Ему совершенно плевать, откуда ты сбежала. Скорее даже это сыграет тебе на руку. Убеждён, что Каладиусу до смерти захочется встретиться с лиррой, нарушившей многовековой порядок вещей. Насколько я знаю, его всегда интересовали разные диковины.

– И ты проведёшь нас туда? – с надеждой взглянула на Кола лирра.

Кол задумался, застывшим взглядом глядя на танцующий огонёк пламени в лампе. Может быть, вот он – тот самый шанс, которого он давно ждал? Попробовать снова начать жизнь с чистого листа. Оставить позади этот грязный Латион с его сточными канавами и горбатыми сутенёрами, оставить позади его жалкие попытки подняться на ноги вопреки всему. Он ведь частенько вспоминал кочевую легионерскую жизнь, и вспоминал не без ностальгии. У него есть шанс вновь просыпаться утром у тлеющих углей, умываться в быстрых холодных ручьях и есть перепёлок, сбитых из лука и зажаренных на деревянном прутке.

Но другая часть Кола трусила. Здесь у него была пусть дерьмовая, но устоявшаяся и предсказуемая жизнь. В этом было определённое спокойствие. Даже регулярные избиения казались определённой частью системы. Кроме того, ну ведь не будет же это продолжаться вечно! Однажды всё наладится – он найдёт работу и сумеет рассчитаться с долгами. Да и Тан Горбун ведь может помереть! Все смертны, а особенно те, что днями напролёт курят дурную траву и пьют вино. И у кого столько же недругов, сколько у Горбуна. А не будет Горбуна – некому будет возвращать долг, и про Кола наконец-то забудут. В конце концов, можно на время уехать из города, но зачем же так радикально – в Загорье, в Туум...

Кол сидел и смотрел на огонёк. Мэйлинн и Бин столь же зачарованно смотрели на Кола. По его лицу невозможно было понять, о чём он думает, но лирра, вероятно, умела читать глубже, поскольку её лицо то разглаживалось, то вновь туманилось. Так прошло несколько долгих минут. Наконец Кол как-то устало вздохнул.

– Да, – уронил он одно единственное слово и Мэйлинн тут же, вскочив, обняла его за шею. Это был секундный порыв, после чего она вновь села на кровать Бина, но и этого было достаточно, чтобы ликование Бина сменилось непонятным ему раздражением.

– Я же говорила, что совпадений не бывает! – весело крикнула лирра в лицо Бину. Тот смог лишь криво ухмыльнуться.

– Ну, значит, сейчас – всем спать, а завтра отправимся в дорогу, – долгим взглядом посмотрев на Бина, провозгласил Кол.

– Спокойной ночи, мальчики! – с этими словами враз повеселевшая лирра выпорхнула из комнаты.

Глава 12. Колионская дорога

Минувший день был весьма напряжённым, так что Мэйлинн позволила себе проваляться в постели до глубокого утра. Облав и преследований она не опасалась: Наэлирро – пока – не знает о её нахождении в Латионе, а Олива вряд ли обладает достаточным влиянием в городе, чтобы инициировать тотальные поиски беглянки. Так что, уже проснувшись, лирра какое-то время просто нежилась в мягкой чистой постели, словно пыталась запастись этими ощущениями впрок. Она потягивалась, изгибаясь, словно кошка, затем вновь смеживала веки, чтобы пролежать так несколько минут. Через стенку доносился мощный храп. Значит, Кол ещё спит, подумала Мэйлинн.

Однако, через какое-то время, сделав над собой некоторое усилие, лирра отбросила одеяло и встала. В углу стоял умывальник, и Мэйлинн с наслаждением умылась прохладной водой. Она плескала воду себе в лицо полными пригоршнями, позволяя ей стекать по шее на грудь. Затем, насухо вытершись мягким полотенцем, она быстро переоделась в дорожный костюм. Ночная рубашка, которой лирра весьма редко пользовалась в последние недели, была аккуратно свёрнута и помещена в сумку.

Однако же, сколько можно спать? Лирра вышла в коридор и решительно постучала в дверь своих спутников, из-за которой по-прежнему раздавался богатырский храп Кола.

– Открыто, – Мэйлинн была озадачена, поскольку голос явно принадлежал Колу, однако, храп не прекращался.

Войдя в комнату, лирра увидела обоих друзей уже одетыми. Однако, судя по всему, они просто не раздевались ночью и спали прямо на застланных кроватях. При этом Кол лежал, скрестив руки на груди, и меланхолично глядел в потолок, а Бин, раскинувшись на кровати, блаженно храпел. Сложно было представить, что столь тщедушная грудь способна порождать такой мощный храп.

– Я передумал, – грустно сообщил вошедшей Мэйлинн Кол. – Я с вами не поеду. Не уверен, что выдержу ещё одну ночь рядом с этим парнем!

– Да ну брось ты! – фыркнула лирра, и стала тормошить Бина за плечо.

Предыдущий день, похоже, действительно дорого дался парню, потому что пробудился он далеко не сразу, и вид имел весьма недовольный.

– Вставай давай, соня! – посмеивалась Мэйлинн видя, как Бин мужественно пытается разлепить глаза. – А ты, Кол, сходи к нашему доброму хозяину, и попроси, чтобы нам подали завтрак сюда. Ни к чему лишний раз светиться, – с этими словами она распахнула небольшое окно, впустив в комнату шум давно проснувшегося города пополам с более-менее свежим воздухом (более, чем был в комнате, но менее, чем ей бы хотелось).

Спустя четверть часа наша компания уже завтракала. Кол, искушённый в долгих пеших переходах и путешествиях, не стал брать на завтрак всевозможные кашки, тосты и булочки. По сути, это были всё те же цыплята, сыр и варёные яйца вкрутую, а также хлеб и варёные овощи. Неизвестно, когда придётся поесть в следующий раз, поэтому всегда нужно набивать желудок максимально сытной пищей.

Уже за едой начали обсуждать предстоящее предприятие.

– Во-первых, нам необходимо купить лошадей, – начал Кол. – Быть может, юная лирра и способна неделями топтать пешком без опаски втоптать ноги в задницу, но я – старый больной человек, а путь не близок.

– Я не умею держаться на лошади! – тут же запротестовал Бин. – Я пойду пешком!

– Ну тогда уж не пойдёшь, а побежишь, – возразил Кол. – Причём придётся бежать очень быстро, чтобы нас догнать!

– Мэйлинн путешествует пешком! Она, наверное, тоже не ездит верхом! – попытался ухватиться за соломинку Бин.

– В Наэлирро преподаётся верховая езда, в том числе спортивная и даже боевая. Большинству выпускниц это, конечно, не пригодится – многие из-за полученных увечий и на лошадь-то никогда не сядут, но правила таковы, – ответила Мэйлинн. – Я путешествовала пешком только лишь потому, что мне хотелось, чтобы прошло побольше времени с момента моего побега до того момента, когда я окажусь в Латионе. Ведь очевидно же, что в крупных городах меня стали бы искать прежде всего.

– Решено, парень! – подытожил Кол. – Либо ты учишься ездить верхом, либо отращиваешь себе лошадиные ноги.

– Не волнуйся так, Бин, – полусочувственно, полунасмешливо проговорила Мэйлинн. – Уверена, ты быстро научишься! Вряд ли для тебя станет проблемой то, что легко даётся шестилетним девочкам!

– Так, это решено. Значит, сударыня Мэйлинн, будь добра отсчитать четыре дора. Этого хватит на четырёх лошадей средней паршивости.

– А зачем четыре? – удивился Бин.

– Ну как же – одна пристяжная, на всякий случай. Ну а пока поклажу повезёт, – разъяснил Кол.

– Ну тогда она и не понадобится! – ответил Бин. – Поклажу Мэйлинн повезёт!

– Эй, ты совсем с ума сошёл, дружок? – воскликнул Кол. – За такое ведь можно и по уху получить!

– Скажи ему, Мэй! – с отчаяньем воскликнул Бин, очевидно, восприняв угрозу всерьёз.

– Бин имеет в виду, что у меня есть волшебная сумка, которая внутри гораздо больше, чем снаружи, – пояснила Мэйлинн.

– То есть, туда можно затолкать целого кабана? – полюбопытствовал Кол.

– Наверное, можно. Если разделить на части, – с сомнением произнесла лирра.

– И что – он совсем не будет ничего весить?

– Ну не то, чтобы совсем, но, во всяком случае, значительно меньше, чем должен.

– И как же такое вообще возможно? – недоумевал Кол.

– Ну я плохо в этом всём разбираюсь. Но, насколько я помню из курса естественных наук, пространство – это проявление массы, которая суть проявление силы. Когда мы сворачиваем пространство, происходит эффект антагонизма масс, то есть массивные силы частиц пространства будут как бы направлены друг против друга, как сталактит и сталагмит. В итоге эти силы уравниваются и внутри этого свёртка пространства будет почти полная невесомость. Но не полная, хотя почему – не знаю.

– Здорово! – восхитился Кол. – Однако лошадей нужно четыре. Мы всё-таки отправляемся в весьма дальний поход. Лошадей много не бывает. Как, кстати, и оружия. Мы не можем путешествовать безоружными.

– У меня есть кинжал, – ответила Мэйлинн.

– Ну и отлично! Тогда если на нас нападут, мы с Бином спрячемся в твоей сумке, а ты будешь отбиваться от бандитов кинжалом!

– Да, ты прав. Вам нужно оружие, – согласилась Мэйлинн.

– Значит, придётся докинуть ещё два дора. А лучше – два с половиной. Не стоит экономить на клинках.

– Я поняла. Значит, после завтрака я вручаю тебе семь доров, и ты отправляешься за лошадьми и оружием.

– Кроме того, нам нужно запастись провизией. Приятно, конечно, баловать свой желудок жареными цыплятами, но в дорогу, боюсь, придётся взять побольше солонины, вяленого мяса и сухарей. То, что не испортится как можно дольше. Тем более, по такой жаре, – продолжал Кол.

– На этот счёт также не волнуйся. У моей чудо-сумки есть ещё кой-какие полезные свойства. По крайней мере, в ближайшие три-четыре дня там не испортятся и жареные цыплята, – ответила лирра.

– Всё это, конечно, замечательно, но давайте будем более рачительными. Питаться всё время жареными цыплятами выйдет несколько накладно. Так что дай мне ещё пару-тройку дорринов, чтобы прикупить сухарей и вяленого мяса. Хотя не нужно. Уж три доррина я выкрою из тех семи доров, что ты мне дашь. Надо экономить, а то когда в кармане целая куча денег, легко впасть в соблазн мотовства.

– На этом всё? – осведомилась Мэйлинн.

– Ещё одно. Тебе нужно купить что-то вроде плаща с капюшоном.

– Это ещё зачем? – изумилась лирра. – К чему плащ в такую-то жару?

– Ну, если не считать того, что через неделю тебя начнут искать по всем окрестностям Латиона, есть ещё один, более неприятный момент. Ты до сих пор была только в западном Латионе, где традиционно тысячелетиями проживали лирры, и люди свыклись с их соседством. Но с каждой милей на восток от столицы, ситуация будет меняться всё больше. Понимаешь ли, дорогая, восток нашего славного королевства – места довольно дикие в смысле нравов. И путешествующая лирра может вызвать не только ненужные вопросы, но и ненужные проблемы. Поэтому было бы весьма кстати, если бы никто не заподозрил в тебе лирру.

– Я поняла, – нахмурилась Мэйлинн.

– Вот и замечательно! Хотя, должен признаться, я несколько забежал вперёд. Я уже настроился на путешествие на восток, хотя есть и другой путь. Надеюсь, вы представляете себе расположение Латиона и Туума?..

– Зачем представлять, когда у меня есть карта? – ответила Мэйлинн, и извлекла уже известный нам кусок пергамента.

– Как здорово! – обрадовался Кол. – Ну тогда вот, смотрите. Вот приблизительно здесь, на северной границе пустыни Туум, находится замок Каладиуса. Вот Латион. К цели нашего путешествия ведут два пути. Конечно же, сразу напрашивается южный путь. Действительно, посмотрите, насколько он удобнее: прямо отсюда, с набережной, мы можем отплыть на небольшой лодке на юг. Конечно, придётся погрести против течения, но это мелочи. Дальше нам нужно будет пересечь озеро Прианон. Вот тут, на южном его берегу, находится городок Сеал. От него до Золотого Шатра идёт отличная, вымощенная каменными плитами Великая имперская дорога. Через каждые десять миль – трактиры, постоялые дворы и почтовые станции. По ней денно и ночно идут караваны торговцев в обоих направлениях. Но нам, кстати, даже и не придётся идти до самого Шатра. Вот здесь Великую имперскую дорогу пересекает дорога, ведущая на восток, к Анурским горам, точнее, к Делианскому перевалу. Конечно, эта дорога не чета Великой имперской, но тоже весьма неплоха. Преодолев перевал (это не составит никакого труда даже для беременной коровы), мы окажемся в преддверии пустыни Туум. Да, нам придётся пройти через самое её жерло, но и это будет не так сложно, поскольку мы двинемся по Лоннэйскому торговому тракту. Он проложен таким образом, что проходит через основные оазисы пустыни, а также поселения баиринов – жителей пустыни Туум. Так что мы найдём там и воду, и пищу, и ночлег. Кстати, сразу за Делианским перевалом мы сможем продать лошадей и купить верблюдов – так будет проще путешествовать через пустыню. В общем, этот путь куда как длиннее, но удобнее. Не пройдёт и четырёх недель, как мы окажемся в гостях у старика Каладиуса.

– Но, однако же, как я поняла, ты против этого пути? – лирра вглядывалась в карту, будто пыталась увидеть в ней причину этого отказа.

– Ты очень проницательна, девочка, – кивнул Кол. – И если ты подумаешь, то и сама сможешь сказать – почему.

– Слишком людно, – тут же ответила лирра, взглянув на Кола.

– Точно. Слишком людно для лирры, которую разыскивает Наэлирро. Кроме того, ведь мы будем в относительной близости от Школы, в краях, где проживает много лиррийских семей.

– Это правда, – печально склонилась Мэйлинн. – На западном берегу озера Прианон находятся земли моего отца...

Лирра притихла, и Кол не стал нарушать её мрачного молчания.

– Ты прав. Этот путь нам не подойдёт, – после непродолжительной паузы решительно сказала Мэйлинн.

– Поэтому-то остаётся второй путь. Если смотреть по карте, он выглядит заметно короче. Но на деле мы можем потратить на него почти столько же времени, как и на южный, поскольку кое-где придётся пробираться практически по бездорожью. Значит так. Из Латиона мы двинемся на восток по Колионской дороге. Она малолюдная и вдоль неё не так много трактиров. Если будем двигаться достаточно бодро, то через три дня доберёмся до городка Колиона. Ничего особенного в этом городишке нет, да он нам и ни к чему. Мы обогнём его слева, и по старому тракту направимся к Танийскому перевалу. К сожалению, придётся пройти вдоль Симмерских болот. Местность дикая и почти безлюдная. Но для нас это скорее плюс. Хотя я бы предположил на этот путь порядка двух недель, пусть он и выглядит таким недлинным. Пройдя по Танийскому перевалу, мы окажемся в Пунте. После этого наша дорога станет легка и приятна. Путешествовать по зеленеющим садам Пунта, к тому времени уже изобилующим плодами, попивать местное вино и есть жирных пунтских кроликов – одно удовольствие! Дней за десять доберёмся до Лоннэя, пересечём Дорон по прекрасному мосту и меньше чем за неделю доберёмся до пустыни Туум, только с севера.

– Ну что ж, значит, двигаемся на Колион, – решила Мэйлинн. – А сейчас, не теряя времени, отправляйся за покупками, – обратилась она к Колу.

– Я тоже пойду! – вызвался Бин. Он чувствовал себя весьма уязвлённым тем, что вдруг оказался отодвинут на второй план каким-то пьянчужой.

– Не возражаю, – хлопнул его по плечу Кол.

– Ну а я буду ждать вас здесь, – произнесла лирра.

Уже несколько часов скучающая Мэйлинн осторожно выглядывала в окно. Внизу тёк людской поток, слышались крики, разговоры, из недалёких доков доносились самые разнообразные шумы. Иногда проходили наряды стражи, но всегда – со скучающими лицами. Значит, это плановые обходы, а не методичный поиск. Жара вновь придавила изнывающий город. Однако же, пора бы этой неугомонной парочке и вернуться! Теряем время...

Наконец они появились в конце улицы. Оба – слава богам! – в сёдлах, ведя на поводу каждый ещё по одной лошади. Когда они подъехали к дверям гостиницы, Мэйлинн сбежала вниз:

– Ну что вы так долго-то?

– Да вот, пришлось потратить пару часов на то, чтоб посадить этого парня в седло, – хохотнул Кол. – Зато теперь он в нём держится, будто влитой!

– Да скажешь тоже! – смущённо проговорил Бин, неуклюже слезая с лошади. – Не падаю больше – и то хорошо.

– Я уж боялся, придётся покупать дамское седло для нашего кентавра. Но как только я об этом заикнулся, он вдруг научился сидеть в мужском.

– Какие замечательные лошади! – лирра оглядела всех четверых. Все они оказались кобылками дорийской породы, славящейся не только лёгкостью и быстротой хода, но и красивым караковым цветом шерсти.

– Да, лошади очень даже приличные! Конечно, я не стал брать сарраассанских скакунов, поскольку это вызвало бы к нам ненужное внимание. А дорийки – быстрые и неброские. На таких ездят сотни людей к востоку от Латиона.

– Ну а что с оружием? – осведомилась Мэйлинн.

– Тоже полный порядок, – Кол хлопнул себя по ножнам, болтавшимся на новенькой перевязи. Он выбрал короткий легионерский меч – привычное и безотказное оружие. Бин же гордо вынул наполовину из ножен средних размеров кинжал – чуть длиннее, чем у самой Мэйлинн.

Затем Кол снял со спины одной из лошадей мешок:

– Здесь провизия. Как и обещал. И, кстати, даже сдача осталась. Вот, держи, – и Кол вынул из кармана несколько медных монет.

– Оставь себе, – ответила лирра. – Вдруг пригодятся.

– Если они мне пригодятся, то сегодня мы никуда не выедем, – мрачно проговорил Кол. – Так что – на, держи.

Лирра кивнула и ссыпала монеты в карман.

– Я тут подумал, и мне кажется, что лучше будет выступить вечером, ближе к закату, – проговорил Кол. – И вообще, было бы разумней двигаться ночами, по крайней мере, первое время, до Колиона. Во-первых, не жарко, а во-вторых – меньше любопытных глаз.

– Согласна, – ответила Мэйлинн. – Значит, сейчас идём отдыхать, а выедем на закате.

– Но прежде я хотел бы снова наведаться к оружейнику. Когда я приглядывался к мечу, заметил там весьма интересную вещицу. Небольшой лёгкий двухзарядный арбалет. Как раз для такой хрупкой девушки, как ты. Всё-таки в нашем положении разумней будет не доводить дело до рукопашной в случае чего. И тогда арбалет сможет стать веским доводом оставить нас в покое. А уж об умении лирр бить из луков и арбалетов в подброшенные доррины ходят легенды!

– Признаться, легенды привирают, – улыбнулась Мэйлинн. – Но вообще идея хорошая. И сколько же?

– Ну, недёшево... – признал Кол. – Арбалет и двадцать болтов к нему – два дора... А что ты хотел! – обратился он к присвистнувшему Бину. – Это тебе не какая-то армейская дурында, которую нужно взводить целую минуту, и которая весит все пять фунтов! Игрушка тонкая, но при этом – надёжная и мощная. И зарядить его никакой сложности не составит даже на скаку.

– Убедил, – рассмеялась лирра и полезла за кошелём. – Тогда мы с Бином – наверх, а ты возвращайся, и тоже ложись. Вечером отужинаем, и – в дорогу.

Они выехали, когда солнце уже касалось верхнего края крепостной стены. Неподальёку был мост, ведущий в Заречный квартал, а там можно было выйти через Восточные ворота. Однако Кол настоял на том, чтобы сделать лишний крюк и проехать вдоль реки на юг до Висельных ворот. В кварталах Нового города они привлекали куда меньше внимания.

Выехав через Висельные ворота (когда-то давно здесь вдоль стены стояли виселицы, на которых развешивали особо опасных преступников в назидание остальным), друзья проехали ещё с полмили вдоль реки, и добрались до паромной переправы. За пятёрку немолодой паромщик тут же перевёз их на другой берег. Двигаясь дальше по просёлку, они вскоре выехали на Колионскую дорогу. Здесь они пустили лошадей лёгкой рысью и двинулись на восток.

Уже начинало смеркаться. Мэйлинн скакала впереди, к ней присоединился Кол, к седлу которого были приторочены поводья четвертой лошади. У неё всё-таки висели дополнительные седельные сумки с провизией (чтоб другим лошадям не обидно было – как сказал Кол лирре). Бин, который до сих пор весьма плохо держался в седле, и уже страдал от болей в своей филейной части, держался позади, болезненно морщась.

Однако, вскоре стало заметно, что куда больше физических его одолевают душевные муки. Кол и Мэйлинн, скачущие в двадцати шагах впереди, вели оживлённую беседу. Бывший легионер, не переставая, засыпал лирру всевозможными баснями о своих армейских похождениях, о всех историях, случающихся с ним (либо выдуманных только что) во время привалов и ночёвок. Мэйлинн смеялась, почти не переставая. Иногда она делала разные замечания, чаще всего – ловя Кола на какой-нибудь несуровице. Кол легко и серьёзно тут же признавал свой «прибрёх», как он выражался, и от этого лирра смеялась ещё звонче. Однако Бину все эти побасёнки смешными вовсе не казались. Точнее, он понимал, что в другое время и при других обстоятельствах он бы по земле катался от хохота, но сейчас ему смеяться совершенно не хотелось. Он со всё возрастающим раздражением смотрел на скачущую впереди парочку, отмалчивался, либо отвечал невпопад, когда те обращались к нему. Спустя некоторое время он стал намеренно осаживать лошадь, так что расстояние между ними увеличилось до пятидесяти шагов. Он словно давал понять: вы хотите уединиться, вот вам уединение!

Но более всего задевало, рвало душу то, что Мэйлинн словно бы и не замечала ничего. Несколько раз она обернулась, чтобы подогнать Бина, но когда тот хмуро мотал головой, она вновь возвращалась к оживлённому разговору с Колом. А уж эта скотина-Кол и вовсе не обернулся ни разу. Хорохорился как петух, только что не гарцевал вокруг юной лирры. Со всей неотвратимой ясностью Бин вдруг осознал, что он по уши влюбился в свою вчерашнюю знакомую, да так, словно знал её уже много-много лет.

Хвала Арионну, скоро стало совсем темно. Нет, света растущей луны и звёзд хватало, чтобы видеть белеющее полотно дороги, но вот сладкая парочка, наконец, исчезла из виду. Хотя ночной воздух ещё более предательски разносил окрест бесконечный трёп Кола и нежные переливы смеха Мэйлинн. Ну, по крайней мере, теперь можно было дать волю чувствам не боясь, что кто-то увидит его лицо.

Лето двигалось к окончанию, на дворе был увиллий¹⁰, и до месяца жатвы оставалось не более трёх недель. Поэтому ночи становились всё длиннее и прохладнее. К концу этой ночи Бину хотелось выть от боли физической и моральной. Казалось, что никакая сила не удержит его в седле ещё хотя бы секунду, однако ярды плавно перетекали в мили, мили – в лиги, а Бин всё сидел. Спина и задница одеревенели, и теперь вместо острой боли он ощущал лишь сводящую с ума ноющую тяжесть. Однако в этом была и хорошая сторона – боль принесла благодатное отупение, и любовные переживания пока отошли на задний план.

Когда небо уже заметно посветлело, Кол, оглядев местность, скомандовал привал. Вокруг были довольно густые леса, за всю ночь компания не встретила ни одного путника (редкие деревушки, которые они проезжали, казались совершенно пустыми), так что теперь было самое время углубиться в лес, найти уютную полянку, и как следует отдохнуть.

Искомая полянка нашлась ярдах в пятистах от дороги. Небольшая, опрятная, укрытая лапами сосен от палящих лучей – то, что нужно! Бин мешком свалился с лошади и понял, что не встанет больше никогда и ни за какие богатства мира. Лирра соскользнула с седла и принялась готовить завтрак – из её чудесной сумки были извлечены хлеб и цыплята, закупленные ею в «Пределах мечтаний». Кол же стреножил лошадей и обтёр их ветошью. Затем он разжёг небольшой костёр, потому что сейчас, на рассвете, воздух был уже весьма прохладным.

Кое-как втолкнув в себя пару кусков цыплёнка и запив водой, Бин провалился в тяжёлый сон.

¹⁰ Увиллий – название месяца в Латиионе. Назван в честь короля Латииона Увилла Великого. Соответствует нашему августу.

И проснулся оттого, что кто-то бесцеремонно толкал его в бок. Кое-как приподнявшись, Бин увидел, что Мэйлинн спит недалеко от костра, уютно свернувшись клубочком, а рядом с ним сидит Кол, тормоша его за плечо.

– Вставай-ка, дружище. Пойдём, поможешь набрать сушняка для костра.

– Какой сушняк? – Бин со сна очень плохо соображал, но нелогичность предложения оценил сразу. – Костёр уже, вон, погас, а хворосту и здесь предостаточно.

– Всё равно. Много – не мало. Вдруг пригодится. Поднимайся, пошли, – и, не ожидая очередной порции возражений, Кол встал и пошёл к краю поляны.

Кряхтя, охая и вздыхая, Бин кое-как встал на ноги. Голова была тяжёлой, мышцы всего тела стонали от боли. Не до конца понимая, что вообще происходит, Бин уныло побрёл вслед за Колом. Неподальёку стреноженные лошади пощипывали травку, гораздо более зелёную, нежели на открытых местах.

Он догнал Кола ярдах в ста пятидесяти от лагеря. Тот сидел на замшелом стволе поваленного дерева спиной к нему.

– Присядь-ка, – не оборачиваясь, похлопал по стволу рядом с собой Кол. Бин всё так же отупело и послушно плюхнулся на тёплое мягкое сидение.

– Мне показалось, или у тебя возникли какие-то проблемы? – без обиняков начал Кол.

Всё ещё не понимая, Бин уставился на него.

– Всё дело в ней? – прямо, в упор спросил Кол, глядя в глаза юноше.

По голове словно ударили чем-то мягким и тяжёлым. Муть, колыхающаяся в мозгу, словно выплеснулась от этого удара. Бин ясно и зло смотрел на собеседника.

– Угадал? – всё так же спокойно спросил Кол.

– Угадал. Всё дело в ней, – резко ответил Бин, пытаясь встать.

– Сядь! – мягко, с ленцой проговорил Кол и, ухватив Бина за плечо, вновь придавил к столу. – Давай поговорим как мужчины.

– Хочешь как мужчины? Давай! – выпалил Бин. – Ты слишком стар для неё!

– А ты – слишком молод, – без малейших признаков волнения или недовольства пожал плечами Кол.

– Оставь её в покое!

– А разве я её беспокою? Мы просто дружески общаемся. Ты, кстати, мог бы общаться с нами, вместо того чтобы уныло тащиться позади и жечь мне спину своим безумным взглядом.

– Я смотрю на тебя так, как ты того заслуживаешь! И зачем я только спас тебя вчера? – злобно воскликнул Бин. – Просто оставь её, слышишь? Она – не твоя!

С этими словами Бин вскочил и направился назад в лагерь.

– Постой, парень, – Кол двумя шагами догнал его и положил руку на плечо.

И тут Бин вдруг резко повернулся и его кулак врезался в покрывшуюся уже лёгкой щетиной скулу Кола. Однако Кол лишь мотнул головой.

– Ах ты, щенок! – от ответного удара Бин отлетел и стукнулся спиной о ствол дерева.

Его глаза заволокла красная горячая пелена, с губ сорвалось хриплое рычание, и Бин ринулся на врага. Кол, как видно, старался щадить юнца, поэтому его движения были крайне скупы, и он скорее лишь отталкивал Бина. Тот же, в свою очередь, молотил руками и ногами без каких-либо правил, просто с горячим желанием задеть ненавистного пьянчугу. Два-три раза ему это удалось. Но за эти попадания он и сам заплатил весьма болезненными затрещинами.

Споткнувшись о какую-то корягу, Кол завалился на спину, и Бин, вскочив ему на грудь, сомкнул руки на горле бывшего паладина. Ненависть душила Бина, и тот, в свою очередь, душил Кола. Кол поначалу пытался просто отжать стискивающие горло пальцы, но те держались намертво. Кол начал хрипеть, его лицо налилось кровью. И тогда он нанёс полноценный удар, который пришёлся Бину в ухо. Бин тут же отлетел вверх тормашками и застыл, потеряв сознание.

Очнулся он от того, что кто-то смачивал его лицо холодной мокрой тряпкой. Этот кто-то, конечно же, был Кол. Резко оттолкнув его руку, Бин уселся на землю и молча уставился на носки своих ботинок. Вздыхнув, Кол сел рядом. Какое-то время оба молчали.

– Как же всё-таки кстати нас с тобой поколотили вчера, – произнёс наконец Кол, потирая щеку. – Надеюсь, на этом фоне новых ссадин Мэйлинн не заметит.

Бин лишь хмыкнул в ответ, продолжая изучать свою обувь.

– Послушай, друг, мне очень жаль, но у тебя ничего с ней не получится, – тихо проговорил Кол.

– А у тебя что – получится? – снова взвился Бин.

– И у меня не получится, – мягко и немного грустно ответил Кол. – Понимаешь, Бин, она – лирра, а мы – всего лишь люди. Мы слишком разные. Несочетаемые...

– И что делать? – всхлипнув, спросил Бин.

– А что тут сделаешь? Нужно просто принять это как данность.

– Я люблю её... – пробормотал Бин. Казалось, он вот-вот заплачет.

– В твоих же интересах поскорее избавиться от этого чувства. Смотри на неё, любуйся ей, восхищайся... Но люби человеческих девушек. Так будет лучше.

– А ты сам? – наконец-то Бин оторвал взгляд от ботинок и взглянул на Кола.

– Знаешь, Бин, я уже слишком стар для любви с первого взгляда, – не отводя глаз, ответил Кол. – Она мне нравится. Чертовски нравится. Она – самая необычная девушка, которую я встречал...

– Знаю, несмотря на то что ты видел женщину с тремя грудями! – неожиданно для себя фыркнул Бин.

– Разве я сказал, что их было три? – делано удивился Кол. – Да нет же, у неё было целых четыре огромные сиськи! – Кол даже руками показал, насколько они были велики.

И тут Бин захохотал. Не только и не столько над этой незамысловатой шуткой, сколько над всей нелепостью своих недавних поступков. Он плакал и смеялся одновременно, и на душе вдруг стало спокойно-спокойно. Кол, по-доброму посмеиваясь, глядел на Бина.

– Прости меня, Кол, – проговорил Бин, чуть успокоившись.

– Да что ты! Никаких обид! – тут же возразил Кол. – Будь я лет на пятнадцать моложе, я и не таких бы дров ещё наломал! Уж я бы не забыл о кинжале, висящем на моём поясе!

Второй раз за два дня он забывает об оружии, имеющемся у него – подумал Бин. И эта мысль ему неожиданно очень понравилась. Он вспомнил, как отреагировала Мэйлинн, как встревожилась, что он мог бы зарезать того конюха. Нет, он умрёт, но не разочарует её! Ах, Мэйлинн...

– Как же мне её разлюбить? – грустно и растерянно спросил Бин.

– А ты подумай вот о чём, друг, – помолчав какое-то время, откликнулся Кол. – Подумай о том, о чём думаю и я сам. Да, такая девушка как Мэйлинн могла бы дать мне очень много, могла бы превратить мою жизнь в один сплошной праздник... Но вот что я мог бы дать ей? И я понимаю, что обмен бы у нас вышел неравноценный: она мне – всё, а я ей – ничего. А ведь это не по-мужски, согласишься? Так что не нужно быть эгоистом, Бин.

– Почему же я ничего не могу ей дать? Я могу ей дать свою любовь! – пылко возразил Бин.

– Хорошо. Допустим. Предположим даже на мгновение, что ты бы любил её так, как никто и никогда не смог бы её любить. Но что дальше? Пройдёт двадцать пять – тридцать лет, – совсем немного по лиррийским меркам! – и ты превратишься в дряхлеющего старца. Из свежего яблока можно получить много сока, но из засушенного не получишь ни капли. А Мэйлинн едва-едва подойдёт к своему расцвету. И что прикажешь ей делать? Кормить тебя с ложечки и выносить судно по утрам? Ты готов обречь свою любимую на это?

Бин вновь уткнулся лицом в колени. Было видно, что каждое слово Кола доставляет ему невыносимую муку.

– Кроме того, подумай ещё вот о чём. За всю историю нашего мира не было ни одного случая союза лирры и человека. Ты можешь себе представить, как отнесутся к нему люди, и, особенно, как отнесутся к нему лирры? Вы станете изгоями, чужими для всех. А ваши дети?.. Жалкие полукровки, у которых не будет друзей, у которых не будет дедушки и бабушки, которые бы нянчили их на коленях... У этих детей не будет будущего...

– Хватит, я понял... – глухо прорыдал Бин.

– Вот и славно. Держи это в своей голове, как я держу в своей – и всё будет в порядке! В отличие от меня, у тебя ещё вся жизнь впереди, друг мой Бин! Радуйся хотя бы этому!

Снова воцарилось молчание, нарушаемое лишь редкими всхлипываниями Бина. Кол же сидел, тяжело и сурово глядя куда-то вдаль. Близкие друзья, возможно, заметили бы, как ему сейчас больно, но Бин пока ещё не был таковым, поэтому он лишь в очередной раз дивился этому ледяному спокойствию.

– Спасибо, друг, – проникновенно произнёс Бин, утирая лицо. – И прости меня ещё раз!

– Я не держу на тебя сердца, друг! И я очень рад, что мы всё выяснили сейчас, а не затаили ненависть друг к другу. Ну что – пойдём обмоемся, что ли? Надеюсь, Мэйлинн ничего не заметит.

Когда они вернулись в лагерь, лирра спала так же сладко, как и при их уходе. Бин и Кол легли на траву неподалёку от неё.

– А ты заметил, что на этой поляне совсем нет комаров? – спросил Кол, не открывая глаз.

– Я заметил, что в лесу их навалом! – проворчал, почёсываясь, Бин.

– Не иначе – опять наша подружка постаралась! – усмехнулся Кол.

– Не иначе, – засыпая, пробормотал Бин.

Глава 13. «Два петуха»

Бин проснулся. Его разбудили странные звуки. Рядом кто-то возился и стонал. Причём стонала однозначно Мэйлинн. Резко повернув голову, Бин увидел лежащую на земле извивающуюся лирру и навалившегося на неё Кола. Мгновение – и Бин уже оказался на ногах. Вжикнула сталь, высвобождаемая из ножен – в третий раз он о кинжале не забудет! Нет, только не в этот раз!

– Ах ты, животное! – взревел Бин, кидаясь к Колу.

Он уже замахнулся кинжалом, готовый бить без жалости и промедления, как вдруг Кол повернул к нему искажённое от боли и напряжение лицо, и выдавил:

– Помоги!..

На секунду Бин опешил, и этой секунды хватило, чтобы увидеть ситуацию более трезво. То, что он принял за изнасилование, на поверку оказалось экстренной помощью. Хрупкое тело лирры били и ломали жестокие судороги. Её гнуло дугой, било о землю всеми конечностями. Из горла неслись сдавленные стоны. И Кол, как мог, старался помочь. Навалившись своими двумя сотнями фунтов, он пытался, хотя не всегда успешно, удерживать лирру более-менее неподвижно, не давая ей калечить себя. Более того, Бин увидел, что лирра впилась зубами в левое предплечье Кола, причём кожаный нарукавник не спас руку от острых зубов.

Отбросив в сторону кинжал, Бин кинулся к Мэйлинн и прижал колотящиеся ноги к земле. Прошло несколько томительно долгих минут, пока судороги постепенно прекратились. Лирра как-то обмякла и впала в глубокое забытие. Кол и Бин тяжело поднялись на ноги. Осторожно сняв нарукавник, Кол оглядел рану. Укус был весьма глубокий, кожа вокруг посинела и опухла, из ран лилась кровь.

– Ассова задница! – только и выговорил Кол.

– Что это было? – тяжело дыша, спросил Бин.

– А я почём знаю? – ответил Кол. – Я проснулся, услышав, как она бьётся в судорогах. Бросился помочь. Вот, побоялся, что прикусит язык, а под руками ничего подходящего не было. Решил сунуть в рот хотя бы предплечье. Надеюсь, что кожа нарукавника выдержит. Но у неё челюсти, как у калуянского крокодила!

– Надо промыть рану! – Бин кинулся к фляге с водой.

– Надо, – согласился Кол. – И желательно – не только водой.

Специально для таких целей Мэйлинн наполнила одну из фляг ржаной водкой. Сейчас эта фляга была извлечена. Кол открутил крышку, и первым делом сделал хороший глоток.

– Обезболивающее, – прохрипел он Бину. Затем, оторвав кусочек ветоши, Кол смочил его водкой и приложил к ране. Шумно втянул воздух сквозь крепко стиснутые зубы. – Забинтуй, а?.. – попросил он Бина.

Бин коротко кивнул, взял ветошь, и стал отрывать от неё длинные полосы. Затем кое-как забинтовал руку товарища.

– Ещё туже! Туже давай! Не хочу, чтобы туда что-то попало, – приговаривал Кол.

Наконец перевязка была закончена, и приятели сели недалеко от потухшего кострища. Солнце давно перевалило за полдень, но до вечера было ещё несколько часов. С тревогой они ожидали, когда очнётся Мэйлинн.

Спустя менее получаса лирра вышла из обморока. Она застонала, и пошевелилась. Кол при этом просто повернулся к ней, Бин же подскочил стрелой, держа в руках открытую флягу с водой.

– Это опять случилось... – не спрашивая, а утверждая, слабо пробормотала лирра.

– Тише! Выпей вот воды! – заботливо ответил Бин. Он приподнял голову Мэйлинн, и та сделала пару глотков.

– Ничего, не пройдёт и часа, как я буду вновь на ногах. Я знаю... – прошептала лирра и вновь отключилась.

Но, действительно, прошло не более трёх четвертей часа, как она открыла глаза и села. Никаких особых признаков слабости уже не было. Мэйлинн несколько виновато улыбнулась своим спутникам:

– Прошу прощения, что вам пришлось это увидеть.

– Что это вообще было, во имя Асса? – вскричал Кол.

– Я толком сама не знаю. Это началось у меня после неудачного *пробуждения*. Первый приступ случился почти сразу после него. Было ещё несколько. Правда, в последние недели они стали чаще. Это – пятый приступ за последние три недели. Мои преподаватели не смогли объяснить причины моей болезни, и не смогли найти лекарства. Сказать по правде, я не знаю, что будет дальше. Боюсь, что со временем будет только хуже. Именно поэтому мне необходимо как можно скорее найти Белую Башню.

– Ты сможешь продолжить путь сегодня вечером? – тревожно спросил Бин.

– Конечно смогу. Эти приступы начинаются внезапно, бывают очень жестокими, но очень скоро они проходят почти бесследно. В принципе, я уже и сейчас могла бы держаться в седле. Не забывайте, что я ведь добралась как-то из Наэлирро в Латион, и у меня не было под боком таких верных помощников! – Мэйлинн тепло улыбнулась обоим, и Бин почувствовал, как глупо расплывается его рот в широченной улыбке.

– Ну тогда отдохнём ещё часа три, и – в путь! – подытожил Кол.

Следующая ночь выдалась особо ничем не примечательной. Неожиданно для себя Бин вполне смог усестись в седло. Конечно, его зад болел, но не так сильно, как он ожидал. Так что путешествие продолжилось.

Теперь все трое ехали рядышком. Более того, Бин и Кол образовали своеобразную коалицию и постоянно подтрунивали над Мэйлинн по любому поводу. Мэйлинн не очень догадывалась (а, может, и догадывалась) о причинах таких перемен, но они её однозначно очень радовали. Так что она с удовольствием служила объектом незлобивых насмешек друзей. По общему молчаливому согласию, о недавнем происшествии не говорилось ни слова.

Как и в прошлую ночь, путешественники не встретили ни одной живой души. Под утро они так же нашли удобное место для ночёвки в небольшом уютном овражке.

Следующий день принёс перемены в погоде. С востока подул резкий сильный ветер, и на небе впервые за долгие недели появились кучевые облака. Сначала их было немного, но затем они почти целиком закрыли небо, так что солнце, которое ещё совсем недавно безраздельно царило на небосклоне, теперь лишь изредка показывалось из-за бегущих облаков, которые, кстати, приобретали всё более тёмный оттенок и скоро уже вполне стали смахивать на тучи. Как только исчезло солнце и появился ветер, стало довольно прохладно, так что путники разожгли большой костёр, накидав туда несколько толстых веток, которые должны были гореть несколько часов, пока все будут спать.

В этот раз разбудил наших друзей дождь. Крупные, кажушиеся белыми капли тяжело падали с неба. Сначала их было немного, но уже спустя пару минут путников, едва укрытых ветвями деревьев, хлестал настоящий ливень. Троица жалась друг к другу и дрожала под холодными струями воды, лошади ржали. Вокруг было темно, почти как ночью. Ливень разметал костёр, и теперь он только едва дымил.

– Эх, вот тёплой одеждой мы не запаслись! – орал в ухо Бину Кол, стараясь перекричать рёв дождя. Только Мэйлинн куталась в плащ, купленный ей, правда, совсем для других целей. Ведь ещё два дня назад совершенно ничего не предвещало такой перемены в погоде.

Вскоре овраг пришлось покинуть – сбегаящие вниз потоки дождя, смешанные с грязью, стали угрожать путникам. Выбрались на тракт – решили поскорее добраться до Колиона, чтобы разжиться одеждой по сезону. Однако и дорога сейчас вся набухла от воды, так что лошади иногда оскальзывались на жирной грязи.

Слава Арионну, довольно скоро разрушительный ливень пошёл на спад и вскоре сменился дождём – довольно сильным, но всё же вполне терпимым. Промокшие до нитки, замёрзшие друзья уныло пробирались вперёд. Наконец сквозь серую пелену дождя впереди проступили крыши хат.

– Отлично, мы сможем переждать дождь у селян, если тут не найдётся постоянного двора! – воспрянул духом Кол.

Постоялый двор, однако, нашёлся. Он стоял примерно в полумиле от окраины деревни. Большой и, вероятно, когда-то знавший лучшие времена. Он похож на меня – внезапно подумалось Колу, – такой же опустившийся пьяница. Постоялый двор был огорожен небольшим тыном, а над аркой ворот, вероятно, не закрывавшихся уже много лет и полусгнивших, поскрипывая на цепях, мокла деревянная доска, на которой с трудом можно было прочесть название: «Два петуха». С каждой стороны надписи было изображено по петуху – когда-то, должно быть, очень ярких и красочных, а теперь серых и едва различимых.

Наверное, этот постоялый двор нечасто видел путешественников, но внутри горел свет, из волокового окна под крышей шёл дым, а это всё, что сейчас было нужно нашим промокшим друзьям. Они въехали во двор, завели лошадей в большой сарай, который сейчас весь протекал из десятков дыр в крыше, но всё же давал хоть какую-то защиту. Затем они направились к дому. Кол толкнул дверь, и она отворилась. Путники вошли внутрь.

Они оказались в большой зале, освещённой, в основном, очагом, который находился в центре, а также несколькими лампами, которые чадили отвратительным запахом горелого жира. Очаг топился по-чёрному, поэтому в помещении было полно дыма. Длинные столы стояли в два ряда, так же несколько гораздо меньших столов были приставлены к стенам. Стойка у дальней стены, за которой стоит сам хозяин – разбойничьего вида дородный малый с бритой налысо головой и серьгой в ухе. За одним из общих столов сидела компания – человек шесть-семь, вероятно, местные жители. Скучно накрытый стол состоял большей частью из кружек, и лишь пары больших тарелок с жареной рыбой.

При появлении нашей компании шумный разговор стих. Все уставились на вновь прибывших. Не обращая внимания ни на это, ни на потоки воды, стекавшие с одежды прямо на грязный пол, друзья направились к стойке.

– Приветствуем честную компанию, – громко заговорил Кол. – Мы – хорошие путники, застигнутые непогодой по пути в Колион. Нам нужен огонь, чтобы обсушиться, еда и комнаты, чтобы переждать непогоду. Кроме того, в вашей конюшне стоят наши лошади, о которых нужно позаботиться и задать им овса.

– А есть ли деньги у почтенных путников? – осведомился хозяин, облачиваясь о стойку.

– А как же! – ответил Кол, кивая Мэйлинн. Та достала кошелек и прежде, чем Кол успел хоть что-то сделать или сказать, высыпала часть его содержимого себе на ладонь. Глаза хозяина по-волчьи сверкнули, когда он увидел такое богатство.

Заметив это, Кол немедленно накрыл монеты своей ладонью, и, забрав их у лирры, сыпал обратно в кошелек. Затем он убрал его в свой карман, причём именно в тот, который был под висящим мечом, довольно красноречиво приподняв ножны, дабы удобней было сунуть кошелек.

– Хорошо, почтенные господа, – чуть изменившимся голосом проговорил хозяин. – Вас рады приветствовать в «Двух петухах» – лучшей гостинице к востоку от Латиона! Все ваши пожелания будут исполнены! Эй, Жмых, Щербатый! Ну-ка живо в конюшню, позаботьтесь о господских лошадаках!

Двое из сидевшей за столом компании нехотя поднялись и направились к двери. Перечить хозяину, видно, тут было не принято.

– Марушка! Тащи окорок из погребца! И забей пару кур! – продолжал распоряжаться хозяин.

Из соседней комнатки выскочила неопрятного вида полная женщина лет тридцати и, не поднимая глаз, прошла в другую комнату, где, вероятно, был вход в погреб.

– Не взыщите, господа, изысканных яств у нас тут не найдётся, – усмехнулся хозяин. – Сами видите – мы сейчас не в лучшем положении.

– Не беспокойтесь, почтенный хозяин, – слегка поклонился Кол. – Мы – люди привычные. Нам бы, главным образом, обсушиться да обогреться. Есть ли у вас комната с очагом?

– Ну что вы, что вы, господа? – всплеснул руками здоровяк. – Я подготовлю вам каждому по отдельной комнате, и каждую – с очагом!

– Не нужно утруждать себя, добрый хозяин, уж простите, что не называю вас по имени. Мы с удобством расположимся в *одной* комнате, – вежливо, но с нажимом возразил Кол.

– Зовут меня Иануш, господин, хотя люди привыкли кликать Кабаном. Извольте, воля ваша. Одна комната, так одна. Сейчас Марушка освободится, и подготовит её вам. А пока – милости прошу поближе к очагу, обсыхайте! А ну-ка, отбросы, взяли стол и лавки, да подтащили ближе к огню! – гаркнул он на оставшихся в комнате выпивох. Те послушно подскочили, взяли небольшой стол у стены и перетащили его к очагу. Туда же поставили лавку, на которую усадились наши друзья.

– Извольте вина? – осведомился Кабан.

– Нет, спасибо, господин Иануш! Довольно будет воды, – ответила Мэйлинн. Она до сих пор плотно куталась в плащ и не снимала капюшона. Напротив, она надвинула его ещё сильнее на глаза, так что её лицо полностью скрывала тень.

– У нас есть клюквенный морс! – предложил хозяин.

– Да, это было бы весьма кстати, хозяин! – обрадовался Кол. – Принесите-ка нам лучше морсу!

– Будет исполнено! – на этот раз Кабан лично зашёл в какую-то каморку прямо за стойкой, и вскоре вернулся с большим глиняным кувшином и тремя кружками.

Путники, блаженно подставив спины жаркому огню, начали потягивать морс из кружек. Вернулась Марушка, неся большой подкопчённый свиной окорок и каравай чёрного хлеба.

– Сейчас пойду забью куриц, – буркнула она. – Через час будут готовы.

– Не утруждайте себя, почтенная Марушка, – ответил Кол. – Этой пищи нам вполне достаточно. Будьте добры подготовить комнату.

Даже не кивнув, Марушка удалилась. Разговор за соседним столом в это время как-то подпритих. Колоны изредка перебрасывались фразами и периодически зыркали на приезжих. Через несколько минут с улицы вернулись промокшие Жмых со Щербатым.

– Всё сделано! – бодро крикнул один из них.

– Добро! – ответил хозяин. – Не желают ли ещё чего гости?

– Спасибо, не желаем, – ответил Кол, прожёвывая кусок ветчины.

– Как ты можешь есть? – тихонько спросил Бин. Он положил кинжал в ножнах на столешницу рядом с собой, и постоянно опасливо косился на компанию неподалёку. – Ты только посмотри на них – это ж отъявленные разбойники!

– Угу, а атаманом у них знаешь кто? – с набитым ртом спросил Кол и стрельнул глазами в сторону Кабана.

– Хозяин?... – глаза Бина расширились, а пальцы лирры так сильно сжали кружку, что даже побелели. – И что делать? – прошептал Бин.

– А что тут сделаешь? Конкретно сейчас надо есть, пока есть такая возможность. Может быть, они и не нападут. Всё-таки нас трое, и мы вооружены.

– Трое, из которых одна – девушка, – в отчаянии прошептала Мэйлинн.

– Девушка, которая стоит любых троих из этих недоумков, – усмехаясь, ответил Кол. – Не волнуйтесь прежде времени. Просто держитесь наготове.

– И что – мы останемся тут ночевать? – с тихим ужасом спросила Мэйлинн.

– Да вот даже и не знаю... – признался Кол. – С одной стороны – страшно не хочется мокнуть под дождём. С другой – глупо искать себе лишние неприятности.

– Давай уедем! – взмолилась Мэйлинн. – Я уж лучше помокну немного.

– Я тоже! – поддержал Бин.

– Ну хорошо, тогда сейчас поедим, подсохнем немного, и – в путь, – решил Кол.

Повеселевший враз Бин тут же схватил кусок окорока, положил его на ломоть хлеба, и принялся жевать, запивая морсом. Они уже почти закончили с едой, когда вновь появилась Марушка и объявила, что комната готова.

– Спасибо вам, любезная хозяйюшка, но мы, к своему сожалению, вынуждены отказаться от вашего гостеприимства. Неотложные дела ждут нас в Колионе, – поднимаясь, сказал Кол.

– Ну что же вы, гости дорогие! В такую непогоду, так внезапно! Разве не вы заказывали комнату? – кивнув головой своим товарищам, громко спросил Кабан. Шестеро разбойников встали и направились к двери. Только теперь Кол обратил внимание, что у дверей стоял ещё один стол, погруженный в темноту, и теперь выяснилось, что на этом столе лежали длинные мясницкие ножи и дубинки – оружие головорезов. Марушка мгновенно исчезла за одной из дверей.

– Мне очень жаль, любезный хозяин, но мы всё же будем вынуждены вас покинуть, – всё так же нарочито спокойно ответил Кол, одновременно с этим вынимая легионерский меч из ножен. Бин вскочил и вынул свой кинжал. Мэйлинн тоже встала, но за оружие не бралась.

– Ну а как же заплатить, драгоценные гости? – с издёвкой осведомился Кабан.

– Мы и не думали уйти, не заплатив, – ответил Кол. – Мы очень благодарны вам, любезный господин Иануш, за стол и очаг, а также за наших лошадей. Мы щедро заплатим, вы не останетесь в накладе.

– Да уж надеюсь, – рассмеялся Кабан. – Думаю, пара латоров меня вполне устроит. Платите – и можете уходить.

– При всём моём уважении, любезный хозяин, но таких денег я бы не заплатил, даже если бы мне прислуживал за обедом лично его величество Матониус Второй, – уже не скрывая враждебности, отвечал Кол. – И я надеюсь, что древние законы гостеприимства не позволят тебе и твоим людям напасть на гостей в собственном доме.

– А вот это мы сейчас и проверим, – проговорил Кабан, доставая из-под стойки топор, причём сразу видно, что не плотницкий и не колун.

– Вы выпустите нас отсюда по-хорошему, или же эта жалкая хибара рассыплется в прах! – неожиданно воскликнула Мэйлинн, срывая с себя капюшон.

– Вы только гляньте-ка! – насмешливо протянул Кабан. – Да, никак, это лиррка! Ну вообще, братцы, здорово! А вы всё гадали – откель такой ураган пришёл. Ясно теперь? Лиррка на хвосте принесла!

– Не какая-нибудь там «лиррка», а магиня из Наэлирро! – воскликнула Мэйлинн, резким движением обнажая шею так, чтобы открылся ошейник.

Было видно, что разбойники оторопели. Слухи и сказки о ведьмах Наэлирро были популярными страшилками в этих краях. Стоявшие у двери переминались с ноги на ногу, не зная, как поступить. Даже Кабан стёр с лица самодовольную ухмылку и растерянно смотрел на лирру.

– В ней нет магии, – неожиданно раздался женский голос и в комнату вновь вошла Марушка. В руках её был нож с широким лезвием. – Я не чувствую в ней магии лирр.

– Ай, да Марушка! Ай, молодец! – воскликнул Кабан, видя, как смешалась Мэйлинн. – Значит, говоришь, магиня? – издевательски переспросил он у лирры. – А по мне – ты обычная лиррская шлюха!

– Заткни пасть! – взорвался Бин.

– Ишь ты, защитник выискался! – захохотал Кабан. – Иди-ка молоко оботри с губ, сосунок! Что, жаришь лиррку-то? Или тебе она ещё не даёт?

– Ты наговорил сегодня слишком много пустых и ненужных слов, Кабан, – спокойно проговорил Кол, тогда как Бин, казалось, сейчас взорвётся от ярости. – Боюсь, как бы Асс не покарал тебя за них.

– Что – правда? – хохотнул Кабан. – А ну, ребята, хватай их! Лиррку постарайтесь не убить – ещё пригодится нам сегодня!

– Стоять! – резанул воздух голос Мэйлинн. В её руках был арбалет, направленный в приближающихся бандитов. – Ещё шаг, и двое из вас проглотят по болту.

Они и впрямь остановились, глядя на арбалет и ту, что его держала. Рука лирры не дрожала, оружие смотрело прямо и твёрдо.

– Вы что, пёсьи потроха, испугались этой мелкой ведьмы? – взвизгнула Марушка. Она сейчас по полукругу пыталась зайти за спину попавшей в беду троицы. Следом подходил и вооружённый топором Кабан. – Да она ни за что не выстрелит, идиоты!

Бандиты ломанулись вперёд, коротко тренькнул арбалет и то ли Жмых, то ли Щербатый рухнул, прижимая руки к окровавленному животу. Остальные нерешительно остановились.

– Бежим! – кратко крикнул Кол, и они, быстро добежав до ближайшей комнатухи, захлопнули за собой дверь. В крошечной тьме Кол и Бин нащупали засов и закрыли за собой дверь. И вовремя – в неё уже ломались озверевшие бандиты.

– Вам некуда бежать, идиоты! – прокричал Кабан из-за двери. – Вы в кладовой!

– И что же нам делать? – спросил Бин.

– Дверь долго не выдержит, – отвечал Кол. – Я, пожалуй, справлюсь с тремя, но вот остальные... Особенно меня беспокоит баба. Она что – колдунья? – спросил он у Мэйлинн.

– Наверное, какая-нибудь ведьма-самоучка. От поноса лечить, да мужей привораживать. Магию мою не учуяла, дура!

– А что бы ты могла сейчас сделать? – спросил Кол. – Есть что-то в арсенале?

– Сейчас – только бежать... Ну и стрелять из арбалета... Кстати говоря... – лирра зашуршала полами плаща, и через некоторое время раздался щелчок взводимого арбалета. – И впрямь хорошую игрушку ты прикупил, Кол! Спасибо!

– Потом поблагодаришь, – отмахнулся Кол. – Итак, что мы имеем. Семеро нападающих. Двух ты можешь убрать из арбалета. Остаются пятеро. Трое – моих, и по одному на каждого из вас. Да уж, неприятно... Не говоря о том, что там ещё и ведьма...

– За неё не беспокойся, – ответила лирра. – Если бы она что-нибудь могла, то уже сделала бы. Так что либо она слишком слаба, либо ей требуются долгие ритуалы и вспомогательные предметы. В общем, я бы больше беспокоилась о том, насколько ловко она владеет тесаком.

Судя по щелям вокруг двери, которые при каждом ударе светились всё ярче, было очевидно, что дверь поддаётся натиску.

– Так, Мэйлинн, ты отходи вглубь кладовки. Когда дверь распахнётся, стреляй, и старайся не промазать. Ты должна мне двух мёртвых бандитов. Я встану слева от двери. Так мне будет сподручней бить мечом. Бин, ты становись справа. Постарайся не попасть мне под замах. Ну и вообще – особенно не рискуй. Все всё поняли?

– Всё поняли, – ответил Бин, занимая своё место.

– Ближний ко мне – мой, – предупредил Кол лирру. Та угукнула в ответ и навела арбалет на дверь. Все трое затаили дыхание.

Между тем дверь уже ходила ходуном. Видно, бандиты использовали лавку в качестве тарана. И вот при очередном ударе скоба, удерживающая засов, отлетела и дверь резко распахнулась. Для привыкших уже к темноте друзей дверной проём казался ярко освещённым, бандиты же, напротив, видели лишь тёмный провал.

Щёлк! Щёлк! Два выстрела почти слились в один, и двое бандитов, всё ещё державшие лавку, свалились. У одного болт застрял под ключицей, у другого – навывлет пробил шею. Однако больше у двери никого не было – остальные бандиты держались в стороне. В том числе, не видно было и Кабана с Марушкой. Однако слышался голос Кабана:

– Вам конец! Я растяну вас на ваших же кишках!

Однако ситуация для разбойников была патовой – ломиться в тёмный провал кладовой им не хотелось – путники оказались бы в преимуществе. Но и ждать, пока лиррийская ведьма перезарядит арбалет, не хотелось. Кол, было, уже начал думать, что всё складывается не так уж и плохо, как вдруг в кладовую влетела небольшая скляница и разбилась, ударившись о пол. Не было ни дыма, ни огня – вообще ничего, но Кол отреагировал мгновенно:

– Наружу, живо! – и сам бросился первым.

Кол не дослужился бы до командира когорты, и даже не дожил бы до этого дня, если бы не был отличным бойцом. Годы пьянства и гражданской жизни, конечно, притупили его навыки, но сейчас тело само всё вспомнило. Выбегая из комнаты, он инстинктивно наклонился, будто подныривая под невидимое препятствие. И не напрасно – над его головой просвистела дубина. Сделав полный разворот на триста шестьдесят градусов, Кол веерным движением подрубил бившему колено. Тот с воем рухнул на пол. А Кол уже двигался в сторону размахивающего топором Кабана, которого он счёл самым опасным соперником.

Сзади следовал Бин. Сейчас он размашистыми движениями махал кинжалом перед ещё одним бандитом, также вооружённым ножом. Однако было видно, что парень совершенно не владеет холодным оружием, в отличие от его соперника. Но на помощь Бину уже спешила Мэйлинн. В одной руке у неё был кинжал, другую она обмотала плащом. Арбалет, вероятно, остался в кладовке. Жаль. Хотя, конечно, толку от него, разряженного, было чуть.

Оказавшись перед лицом двух противников, бандит слегка запаниковал. Его движения стали более резкими и необдуманными. И он недооценил Мэйлинн, похожую на пятнадцатилетнюю девчонку. За то и поплатился – гибкая и сильная лирра проскользнула прямо рядом с лезвием и, подобно Колу, совершила разворот с одновременным ударом кинжала. Лезвие распороло бандиту всё лицо слева-направо от нижней челюсти до виска. Схватившись за окровавленную голову, разбойник упал навзничь.

Отлично, отметил Кол, их осталось всего трое. Нет, даже двое, поскольку последний из подручных Кабана бросился бежать. Марушка же, после того как бросила свою скляницу в кладовую, отбежала к столу, и сейчас что-то исступлённо и хрипло шептала, закатив глаза. Ладонь её правой руки обильно кровила, разрезанная тесаком, и своей кровью ведьма чертила какие-то знаки на грязной липкой столешнице.

Бин, увидев это, метнул свой кинжал в Марушку. Только оказалось, что метал он ещё хуже, чем бился, поэтому кинжал пролетел в футе от ведьмы и плашмя стукнулся о стенку. Однако это на секунду отвлекло Марушку от ритуала. Понимая, что всё равно не успеет, она прекратила наговор, и снова ухватилась за тесак. Но скользкая от крови ладонь сослужила ей плохую службу – рукоять ножа неудобно скользнула в руке. Марушка перехватила рукоять, и повернулась от стола, чтобы напасть на Бина, но перед ней серой тенью уже стояла лирра. Её кинжал на все десять дюймов¹¹ его длины погрузился в жирный живот ведьмы. А затем – ещё и ещё раз, пока тесак не выпал из обезволенной руки.

¹¹ Дюйм – мера длины, примерно равная 2,5 см.

В это время Кол, подняв на уровень глаз руку с мечом, кружил вокруг Кабана. Тот выписывал круги своим топором, щеря гнилые зубы и рыча, словно зверь. Он видел, какая судьба постигла его соратников, и понимал, что теперь он оказался в весьма невыигрышном положении. Видел это и Кол.

– Тебе конец, Кабан, – рычал он. – Надеюсь, ты это понимаешь. Ты ещё можешь спасти свою жалкую жизнь, если бросишь топор. Обещаю – мы сразу же уйдём, и ты сможешь оказать помощь своим раненым и похоронить мёртвых.

– Поменьше болтай, – посоветовал Кабан, перехватывая топор поудобней. – Или я вгоню свой топор в твой разинутый рот.

– Что ж, – ухмыльнулся Кол. – К счастью для меня, в своё время в северном Палатие я порубил немало засранцев, вооружённых топорами. А там были ребята и посерьёзнее тебя, – Кол сделал обманный выпад, но Кабан на него не повёлся.

– Ты был в северном Палатие? Воевал? Какой легион? – Кабан медленно, по-кошачьи, переступал с ноги на ногу, плавно обходя Кола.

– Седьмой Коррэйский.

– Ничего себе – Седьмой?! А я был в Пятом! Под Скабеем.

– Ха! Вас тогда славно прижало, да?

– И не говори, друг, – Кабан неожиданно махнул топором, но Кол ловко отпрыгнул назад. – Спасибо вам, вовремя подошли. Ещё денёк, и нас бы растёрли в порошок.

После выпада Кабана Бин было дёрнулся на помощь Колу, но тот сделал резкий жест остановиться, так что Бин застыл на месте.

– Я тоже был под Скабеем. Жаркое было дельце! – смертельный танец продолжался. Если бы не направленное друг на друга оружие, и периодические обмены ударами, могло бы показаться, что беседуют два бывших сослуживца, случайно встретившиеся в трактире.

– Ещё бы! Мне тогда какой-то ублюдок разрубил печёнку. Коновалы вообще сказали, не жилец. Списали. Я полгода провалялся в каком-то борделе – одна шлюха меня выхаживала. Потом пытался вернуться – не взяли. Так и остался без гроша в кармане.

– Ладно, твою историю я понял, сейчас заплачу от жалости, – Кол подумал про себя, что его история, вообще-то, ничуть не радостней. – Плохие ребята заманили тебя в плохую компанию. Бросай топор, легионер, и разойдёмся миром. Я, центурион второго ранга Сан Брос, приказываю тебе.

– Да видишь ли какая штука, – ответил Кабан. – Вы ведь вроде как порешили жёнку мою и ребят моих. Так что не будет мне покоя в Ассовых чертогах, если сейчас топор сложу.

– Понимаю, – проговорил Кол. – Мне жаль.

Кол внезапно поднырнул под топор и попытался нанести удар снизу, но Кабан каким-то невероятном образом парировал выпад, и меч, звякнув, отлетел на несколько шагов в сторону. Доводящим ударом разбойник пытался достать Кола, но это ему не удалось. Кол перекатился по полу в сторону меча, и Кабан, занося топор, последовал за ним.

Щёлк! – и между лопаток Кабана с глухим стуком врезался болт. Вероятно, были раздроблены позвонки, потому что здоровяк упал, как подкошенный. Бин ошарашенно обернулся. Неподалёку стояла Мэйлинн. Нижняя половина её лица была обмотана плащом, а в руках был разряженный арбалет. Пока все были увлечены поединком, лирра, предварительно обмотав лицо, нырнула в кладовую и нашла там брошенный самострел.

Кол тяжело поднялся на ноги, утирая пот с лица.

– Ну ты даёшь, девочка! – выдохнул он. – Никогда бы не подумал, что ты такая... беспощадная... Мне-то казалось, что ты и мухи не обидишь.

– Как видишь, ты ошибался, – Мэйлинн была бледна, как смерть, но смотрела твёрдо. – Когда надо, я могу быть беспощадной. Сегодня было *надо*.

Кол оглядел поле боя. До сих пор подвывал, держась за рассечённое колено, его первый соперник. Побулькивая, всхлипывал тот, кому Мэйлинн рассекла лицо. Да стонал то ли Жмых, то ли Щербатый, получивший болт в живот.

– Надо осмотреть раненых, – сказал он.

– Конечно же, нужно оказать им помощь! – согласилась лирра, снова став похожей на прежнюю Мэйлинн.

– Да к Гурру их! Добить! Они бы с нами не церемонились! – зло прошипел Бин.

– Тише, тише, вояка! – хохотнул Кол. – После драки машут кулаками только слабаки и трусы. А мы – не те и не другие.

Кол подошёл к двери, где лежали трое – его первый соперник и двое, уложенные Мэйлинн.

– Ну-ка, парень, дай взглянуть, – сказал он, подходя к первому. Разжал руки, держащиеся за кровоточащую рану. – Дааа, дело, конечно, дрянь. Ты извини, приятель, но я, кажется, разбил тебе коленный сустав. Если у вас здесь найдётся приличный лекарь, то ногу можно будет спасти. Но ходить уже, опираясь на неё, – извини! – не сможешь.

Бандит вновь обхватил раздробленное колено руками и завыл ещё сильнее. Тем временем Кол подошёл к двум другим.

– Ну этого и смотреть нечего, – сказал он о том, которому болт попал в шею. – Мёртв как сушёная рыба. Так, а этот? – пощупал шею. – Вроде ещё дышит, но, похоже, не жилец. Да... Лёгкое пробито, ребро раздроблено. Да он уже и не в сознании...

Кол перешёл дальше, к бандиту, раненому Мэйлинн.

– Ну-ка, что там у нас? Приятель, отними руки-то от лица, дай взглянуть! Да отними, кому говорю! Вот ведь, Ассова задница... Здорово ты его, – повернувшись, обратился он к Мэйлинн. – Давай-ка попробуем перевязать – авось не истечёт кровью. Хотя я бы поставил дор против десятки, что он не увидит завтрашнего утра.

Мэйлинн, всхлипнув, бросилась к раненому:

– Потерпи немного, слышишь? Бин, да не стой столбом! Тащи тряпья, да побольше! Посмотри – может простыню или скатерть найдёшь!

Сама же она, сунув руку за корсаж, достала небольшой тёмный флакончик, висящий на бечёвке. Осмотревшись по сторонам, она схватила кружку с недопитым морсом и, открыв флакон, капнула в морс три янтарных капли. Взболтав кружку, она стала тонкой струйкой лить её содержимое на лицо раненого, стараясь попадать на зияющую рану. Удивительное дело – кровь остановилась прямо на глазах! Кажется, раненому даже полегчало, поскольку он задышал ровнее, и глаза (точнее, глаз, так как второй сейчас больше был похож на кровавое месиво) стали смотреть более осмысленно. Тут подоспел Бин, неся довольно грязную простыню. Лирра кинжалом распорол её на полосы и стала бинтовать раненого врага.

– Теперь с ним всё будет хорошо! – уверенно проговорила она.

– Вот теперь ты снова стала моей недавней знакомицей Мэйлинн! – воскликнул Кол. В то время, пока лирра возилась с раненым, он оглядел Марушку и Кабана. Оба, как он и ожидал, были мертвы.

Мэйлинн взглянула на Кола и улыбнулась.

– Эй, а этот, кажись, помер, – Бин кивнул на Жмыха-Щербатого, который действительно перестал стонать.

Кол подошёл к нему, наклонился:

– Да, точно. Готов. Итак, выходит, у нас тут пятеро мертвецов, двое раненых и один сбежавший. А мы сами как?

– У меня ни царапины, – ответил Бин.

– У меня тоже, – добавила лирра, закончив перевязку.

– Как ни странно, но у меня – тоже. Вот это счёт! Даже не верится!

– Ага, не верится, – подтвердил Бин.

– Но во что я вообще никак не могу поверить, так это в то, что всех пятерых уложила наша святая Мэйлинн, не считая ещё этого красавца в бинтах, который ещё неизвестно, выживет ли...

– Этот выживет! – вновь твёрдо ответила лирра. – Может быть, даже и шрама почти видно не будет. Только что глаз, конечно, уже не вернуть.

– Ничего себе! Так ты потратила такой ценный эликсир на этого подонка? – вскричал Бин. – Ну ты точно...

– Ты точно – самая удивительная девушка в мире! – перебил его Кол, сердито сверкнув глазами. – Да и не весь же эликсир она потратила! Так что нечего ныть!

Бин сердито замолчал. Особенно болезненно он ощущал свою почти полную бесполезность во всей этой заварухе и то, что эта хрупкая лирра, которую он мысленно клялся себе защищать до самой смерти, взяла и спасла их всех, причём даже не прибегая к волшебству. Это было унижительно.

– Теперь нужно решить, что делать дальше, – продолжил Кол.

– Как – что? – удивился Бин. – Нужно уезжать, пока не поздно. А то сейчас прибежит тот беглец, да приведёт с собой ещё десяток товарищей.

– А я думаю, что стоит остаться здесь до утра, – возразил Кол. – Во-первых, есть шанс переждать непогоду. Во-вторых, нужно отдохнуть лошадям – им сложно будет пробираться через такое месиво. А что касается подмоги – то её я не опасаюсь. Ты же видишь, места здесь малолюдные, небогатые. Откуда взяться большим разбойничьим шайкам? Они и эти-то – разбойники поневоле. Небось, урожай погиб от жары, вот и одичали людишки. А тот, что сбежал, наверняка сейчас сидит где-нибудь в подвале и трясётся от ужаса. Вряд ли он сунется сюда в ближайшее время.

– Кроме того, нужно похоронить мёртвых и позаботиться о раненых, – ввязалась в спор Мэйлинн.

– Это что – мне ещё и могилы теперь копать придётся? – возмутился Бин.

– Ну если не хочешь ночевать среди мертвецов – то придётся, – отрезал Кол и пошёл искать заступ или лопату.

Глава 14. Симмерские болота

Взрывать дёрн под проливным дождём – занятие то ещё. Поэтому Бин, не переставая, в голос ругался, втыкая заступ в неподатливую почву. Рядом кряхтел Кол, выбрасывая землю лопатой. Ещё до того, как были закончены четыре могилы, подошла Мэйлинн и сообщила, что нужно копать пятую – как и предсказывал Кол, малый с болтом в рёбрах умер. Изначально Кол заикнулся было о том, чтобы сжечь Кабана по обычаю ассианцев, но при таком дожде об этом не могло быть и речи.

Через несколько часов всё было кончено. Трупы свалили в неглубокие, около трёх футов, ямы, предварительно вынув из тел болты, которые ещё могли пригодиться. Лирра со слезами на глазах прочла отходную молитву по обычаю протокреаторианцев – ведь вера мертвецов осталась неизвестной.

В одной из комнат лежали раненные бандиты. Лирра пожертвовала ещё каплю эликсира на второго разбойника, так что оба теперь тихо спали. Наши же друзья весьма плохо провели ночь – практически не смыкая глаз, но хоть в сухости и тепле. К сожалению, надежды Кола не оправдались – утром дождь шёл всё с той же силой, что и накануне. Однако оставаться дольше в этом месте никто не хотел. Поэтому хмурые и усталые путники двинулись дальше по Колионскому тракту.

Дальнейшая дорога до Колиона превратилась в одну сплошную тягомотину, смешанную из грязи, дождя, холода и мерзкого настроения. Все трое уже громко шмыгали носами, а у Мэйлинн, кроме того, начался кашель. Хорошо ещё, что её таинственные приступы больше не повторялись. Друзья почти не разговаривали. Они ехали, понуриив головы и глядя на шеи своих лошадей, погружённые в печальные мысли. Бин, имея много времени для размышлений, заметил, что острая фаза его влюблённости в Мэйлинн вдруг прошла, чему, наверное, немало способствовало чувство стыда, которое поселилось в нём после схватки в «Двух петухах». Нет, он всё ещё любил её, но, по крайней мере, горячее желание нести её на руках, падать на колени и целовать ей ноги прошло.

На ночлег остановились в придорожном селе, заплатив молодому колону пятёрку за возможность переночевать в сенном сарае – благо тот был почти пуст из-за многодневной жары, спалившей травы на корню.

Увы, но на следующий день с неба всё ещё сеяло, варьируясь от хорошего ливня до мелкого дождичка. Тучи, которые так долго томились по ту сторону гор, не хотели так просто отступать. Можно было бы, конечно, сказать им, этим тучам, что они уже опоздали недель этак на пять и что сейчас от них уже больше вреда, нежели пользы, да только разве им было до этого хоть какое-то дело?

Лишь на пятый день пути отчаявшиеся путники достигли Колиона. Если в первоначальных планах было обогнуть город, не заезжая, то сейчас они направились напрямик к первому же постоялому двору в черте города (хватит с них вертепов!). Кол сказал, что непогода не сможет продлиться долго – дождь, льющий целую неделю без перерывов, не могли припомнить даже старожилы. Кроме того, если Колионская дорога стала почти непроходимой от дождей, то старый Танийский тракт сейчас наверняка и вовсе будет непролазным. Никто, даже Мэйлинн, не возразили ему ни полусловом. Всем хотелось лишь одного – напиться горячего, обжигающего отвара и залечь в постель, желательно неподалёку от огня.

Цены в Колионе, в отличие от столичного Латиона были куда более демократичными, так что день проживания в гостинице «Надежда путника», вкупе со столом, обходился друзьям всего в шесть с половиной дорринов. В этот раз они не стали привередничать, и взяли одну комнату на троих. Хозяин гостиницы посмотрел неодобрительно – несмотря на то, что Мэйлинн была укутана в плащ, а на лицо был натянут капюшон, изящные женские формы лирры

скрыть было нельзя. Однако, нравы тут были несколько проще, чем на западе, деньги постоянно заплатили как положено, поэтому – кому какое дело?

Здесь же, впервые за несколько дней, Кол, рыча, снял повязку со своего левого предплечья. Увы, промокшая грязная тряпица, которой была завязана рана, плохо способствовала заживлению. Рука вокруг укуса опухла весьма заметно и приобрела какой-то лилово-красный оттенок.

– Это что ещё? – тревожно спросила Мэйлинн. Пришлось рассказать ей историю происхождения раны.

– Ах ты идиот! – вскипела лирра. – Почему ты сразу ничего не сказал? Ты посмотри, у тебя же, наверное, уже заражение началось! – Колу оставалось лишь мямлить в ответ какие-то бессвязные фразы.

Лирра схватила флягу с водой, и, несмотря на шипение и богохульства Кола обмыла рану от сукровицы и гноя. Затем достала свой заветный флакончик и капнула одну каплю прямо во фляжку, а затем стала поливать укус, как она ранее делала в «Двух петухах».

– Надо же, на меня ты потратила всего одну каплю, – не преминул съёрничать Кол. – А тому деревенщине отлила аж целых три.

– Во-первых, мне лучше знать, как этим пользоваться, – отрезала Мэйлинн. – А во-вторых, эти капли на идиотов вообще не действуют! Это надо же было додуматься – совать руку мне в рот!

– А что мне было делать? – возразил Кол. – Позволить тебе откусить язык?

– Вот! – лирра широко открыла свой рот и, вынув язык, повертела им. – Ну что? Много укусов ты видишь? Как же я жила-то до тебя?

– Ну я же не знал, – смешался Кол. – Ой, да ну тебя! В следующий раз и пальцем не шевельну, хоть голову сама себе отгрызи!

– Ладно, извини, – Мэйлинн неожиданно погладила его по раненой руке. – Это просто нервы. Конечно же, я должна тебя благодарить. До сих пор ещё никто не жертвовал ради меня своей рукой! – лукаво улыбнувшись, добавила она. Бин, наблюдавший за всей этой картиной, хмыкнул и отвернулся.

– Так это ещё один подарочек, заимствованный тобой в Наэлирро? – поспешил сменить тему Кол.

– Ну да, вроде того, – усмехнулась Мэйлинн.

– И много там ещё осталось? А то такими темпами скоро ведь и кончится! – забеспокоился Бин.

– А вы постарайтесь не влипать в истории, и всё будет в порядке. Не поверите – он у меня уже около двух месяцев, а воспользовалась им я в первый раз лишь пару дней назад.

– Ага, чтобы вылечить этих никчёмных бандюг, – проворчал Бин.

– Неужели ты бы бросил их без помощи? – изумилась Мэйлинн. – Я в это не верю. Не так тебя воспитывала твоя мать!

Бин осёкся, и только лишь хмыкнул ещё выразительней, чем в прошлый раз. Лирра откинулась спиной к стене и вдруг снова закашлялась.

– Кстати, – тут же заговорил Кол. – Я бы просил тебя прилечь, предварительно выпив какого-нибудь согревающего отвара. Тебе никак нельзя болеть.

– Да ты и сам, вон, постоянно шмыгаешь носом! – парировала Мэйлинн. – Нам всем нужно отлежаться!

– Это точно. Этим мы и займёмся. Но вообще, пока мы тут застряли, я бы хотел немного позаниматься с тобой, парень, – обратился Кол к Бину. – То, как ты владеешь кинжалом – никуда не годится. Машешь им, как деревенская девчонка!

Бин покраснел, но проглотил обиду, поскольку не мог не признать, что товарищ абсолютно прав.

– А ты, подруга, где так научилась-то владеть кинжалом? – обратился Кол к Мэйлинн.

– Где же, как не в Школе? – пожала плечами лирра, не очень-то стремясь развивать тему.

– И зачем же будущих магинь, часть из которых потом не сможет даже самостоятельно передвигаться, обучать фехтованию? – удивился Кол.

– Всё очень просто. Девочек берут в Наэлирро в шесть лет – и ни годом позже. Говорят, это нужно, чтобы тело приспособилось к эликсирам *пробуждения* до... созревания... – смущённо запнулась лирра и это сразу было отмечено Бином: со мной она не столь смущённо говорила на эти темы. – Ну так вот, в среднем обучение длится четырнадцать лет. Как ты думаешь, Кол, чему можно учить девочек четырнадцать лет? Конечно, с нами несколько раз в неделю проводили беседы о предстоящем *пробуждении* – с каждой по отдельности, и иногда – со всеми вместе. Конечно, каждый день мы занимались *сосредоточением* – учили какие-то пассы, заклинания, которые позволяют сосредоточиться на *возмущении*. Но всё равно оставалась целая уйма времени. Так что мы изучали множество наук, а кроме того – и фехтование, и верховую езду, и геральдику всех государств Паэтты, и – Арионн знает, что ещё. Мы изучали даже рукопашный бой. Причём не для того, чтобы драться в будущем, «ибо пошло использовать грубую силу, когда владеешь магией», – явно передразнивая кого-то из своих преподавателей, прогнусавила Мэйлинн. – А просто для того, чтобы держать своё тело и свой дух в бодрости и силе.

– У тебя были отличные преподаватели, Мэйлинн! – ответил Кол. – Должен сказать, ты поступила несколько неблагодарно, покинув их таким способом!

– Ничего страшного! Не думаю, что они там рыдают обо мне! – отрезала лирра.

– Ну ладно, тогда, значит, сегодняшний остаток дня и ночь мы отдыхаем, греемся и пьём побольше жидкости, а завтра я начну делать из тебя бойца! – и почему последнее слово всегда остаётся за Колом? – Тебе страшно повезло, дружище! Твоим учителем станет бывший паладин его королевского величества, он же бывший центурион второго ранга Седьмого легиона Сан Брос!

Куда бежать от свалившегося на меня счастья? – подумал Бин и упал на подушку. Не прошло и десяти минут, как в комнате все крепко спали. Даже храп Бина, на удивление усилившийся ещё больше из-за насморка, не в состоянии был пробудить измученную троицу.

– Крепче держи рукоять! Расслабь кисть, она должна плавать! Будь крепким и гибким! Ноги подогни! Да не подсаживайся ты, дубина стоеросовая! Просто преврати ноги в пружины, – уже битый час Кол надсаживал горло на заднем дворе гостиницы, а вспотевший и красный Бин, как мог, старался выполнять жёсткие команды товарища. Кол снова был центурионом Бросом, и горе было тому новобранцу, что пытался отлынивать от его уроков.

Однако, надо отдать должное Бину – он и не пытался. Он с невероятной упёртостью раз за разом повторял одни и те же движения, наносил удары и парировал, кидался в атаку и уходил от невидимого клинка. Рука ныла, ныли плечи и даже ноги, но когда становилось совсем тяжело, Бин вновь вспоминал, каким скользким, текучим ударом Мэйлинн спасла его от неминуемой, в общем-то, смерти в трактире, и он с удвоенной силой продолжал колоть и резать воздух.

Ещё через час Кол подвёл его к столбу и приказал бить изо всех сил. Однако от первого же удара кинжал выскочил из потной ладони.

– Вот так вот на моих глазах полегло немало молодых ослов! – распинался Кол. – Мало держать кинжал, его нужно ещё и удержать в момент удара. Особенно, если твой удар парирует сильный соперник. Давай! Почувствуй дрожь кинжала, приноровись к ней! Пускай удар перетекает во всю руку, а не в одни пальцы!

Что ж, так прошло ещё немало времени. Столб был изрезан, расщеплен, исколот тысячами ударов, пока Кол не счёл, что это стало выглядеть вполне терпимо.

Потом были и спарринги на обструганных палках, после которых болью пульсировали отбитые пальцы, ныли истыканные рёбра и болело от напряжения всё тело. Однако, уже к вечеру первого дня тренировок Кол впервые похвалил своего ученика. Причём, что особенно отрадно, похвалил при Мэйлинн. Но у Бина хватило сил лишь на то, чтобы наскоро, даже не замечая вкуса, проглотить ужин и завалиться спать.

Ночью – хвала богам! – дождь перестал. Не пошёл он и на следующее утро, и днём. Небо всё ещё было затянуто плотными облаками, но чувствовалось, что погода налаживается.

– Ещё пара дней без дождя – и можно попробовать двигаться дальше, – сказал Кол во время завтрака.

Все чувствовали себя лучше – Мэйлинн, благодарение Арионну, не заболела серьёзно, и дело ограничилось лишь кашлем, уже отступавшим, и насморком. Предплечье Кола после капли лиррийского эликсира заживало просто с непостижимой скоростью. Уже в тот же день спала опухоль, и кожные покровы почти вернули свой естественный цвет. Укус больше не гноился и выглядел так, как выглядит любая заживающая рана. У Бина снова ныло всё тело после целого дня тренировок, но он был полон решимости продолжать.

Так прошли отведённые Колом два дня. За это время небо почти расчистилось, вернулось солнце, уже не такое яростное, как прежде, но всё ещё горячее. Ранними утрами стояли плотные туманы – земля спешила избавиться от пресытивших её вод. В конце концов, на четвёртый день пребывания в Колионе троица наконец смогла продолжить свой путь.

Старый Танийский тракт, как и ожидалось, был размыт дождями. Он блестел от множества глубоких и не очень луж. Будь у наших путешественников фургон, надежду на проезд тут можно было бы оставить. В конце концов, друзья направили своих лошадей по обочине вдоль тракта – дёрн, скреплённый тысячами корешков, плыл под ногами куда меньше.

– Я вот думаю о том, – промолвила лирра, – Что с момента нашего отъезда прошло уже семь дней. За это время почтовый голубь почти наверняка долетел до Наэлирро и вернулся обратно. Интересно, погоня уже пущена?

– Я тоже думал об этом, – признался Кол. – Однако, надеюсь, что если погоню и пустили, то вряд ли она двинется в нашу сторону. Мы, я надеюсь, были вполне осторожны, особых следов после себя не оставляли...

– Да уж, особенно в «Двух петухах», – проворчал Бин.

– Да, там, конечно, мы наследили... – мрачно согласился Кол. – И если дело дойдёт до властей, то, пожалуй, они свяжут два и два, узнав, что там была лирра. Мэйлинн, наверное, первая лирра за десятилетия, побывавшая в этих местах. Догадаться будет несложно...

– Говорил же – надо было добить!.. – воскликнул Бин.

– Мы поступили совершенно правильно, – немедленно ответила Мэйлинн. – Тот, кто проявляет жестокость сверх необходимости, рано или поздно ответит за это перед богами. А те несчастные, я думаю, вряд ли побегут куда-то докладывать. Иначе им придётся ответить на много неудобных вопросов.

– Думаю, что Мэйлинн права, – согласился Кол. – Будем стараться меньше попадаться на глаза, тем более что сейчас это не будет проблемой. Тут и деревень-то – раз-два и обчёлся. А уж городов с магистратами и вовсе нет. Я вообще сомневаюсь, что здесь бывают какие-то другие чиновники, кроме сборщиков налогов. Но всё же я предлагаю по возможности не останавливаться ни на постоянных дворах, ни в деревнях.

За время пребывания в Колионе Кол закупился тёплыми плащами для всех троих, а также купил два куса парусины примерно десять на десять футов каждый, чтобы в случае непогоды можно было соорудить что-то вроде навеса. Так что все согласились с его предложением.

– А я вот никак не могу понять, – спустя какое-то время вернулся к этому разговору Кол. – Почему это магини Наэлирро не могут найти тебя при помощи заклятий поиска?

– Ну, это довольно сложно сделать, – ответила лирра. – Во-первых, для этого необходим слепок ментальных эманаций искомого. Проще всего его взять, если магиня непосредственно сделает это при общении. Но в Наэлирро никогда не было беглянок, поэтому никому не приходило в голову делать слепок будущей магини. Ведь это бы означало возможность контроля в будущем...

– Но ведь ты захватила с собой несколько весьма мощных, как я понимаю, артефактов, – заметил Кол. – Неужели нельзя отследить их?

– Неодушевлённые предметы отследить гораздо сложнее, даже если они магические. Для этого необходим направленный поиск, то есть нужно довольно точно представлять направление, в котором ищешь. Кроме того, радиус таких поисков ограничен всего несколькими милями. Так что пока рядом с нами нет других магинь, мы можем быть спокойны.

– Но всё же как-то можно отследить человека? Или лирру. По тем вещам, которыми она пользовалась... Я ведь знаю, что многие маги этим занимаются и даже зарабатывают на этом. Пусть даже они не сделали этого самого слепка, но ведь в их руках осталась куча вещей, которыми ты пользовалась почти всю свою жизнь... – продолжал Кол.

– Ну вот если бы ты дал договорить мне в прошлый раз, то я как раз собиралась сказать «во-вторых», – ехидно заметила Мэйлинн. – Так вот, во-вторых, отследить меня практически невозможно благодаря вот этому, – лирра вновь сунула руку за воротник, и извлекла небольшой слегка розоватый кристалл, висящий на металлической цепочке с характерным тёмно-фиолетовым отливом.

– Это что – мангил? – присвистнул Кол. Бин вытянул шею – он ни разу в жизни не видел мангила, хотя и слышал о нём.

– Да, потому что только мангиловая цепь способна удержать этот кристалл. Так вот он полностью блокирует меня от заклятий поиска, по крайней мере, от всех известных на сегодняшний день. А иначе – как, ты думал, я за всё это время не попалась? – самодовольно спросила Мэйлинн.

– Да уж, хотел бы я посмотреть, что ты ещё там прячешь! – пробормотал Бин, и вдруг зарделся, осознав определённую двусмысленность своей фразы. Кол тоже её заметил, но, на удивление, смолчал. Мэйлинн же, как ни в чём не бывало, ответила:

– Да вы уже почти все мои секреты увидели. А остальное увидите в свой час, хотя я от души надеюсь, что этого не случится, – и она вновь спрятала кристалл.

Так наши путешественники двигались дальше на восток, коротая время разговорами. Кола очень интересовало всё связанное с Наэлирро. В свою очередь, он и сам служил неисчерпаемым источником всевозможных историй, из которых, если их как следует очистить от шелухи прикрас и откровенной выдумки, можно было узнать много интересного о местах, где в своё время бывал легионер Брос. Бину же, к его досаде, почти нечем было удивить друзей. Все его истории, которые ещё недавно казались ему такими захватывающими и удивительными, сейчас виделись мелкими и скучными на фоне того, что повидали на своём веку лирра и бывший паладин.

И вот так вот в течение недели искатели Белой Башни двигались почти без остановок – лишь перекусить, переночевать, да дать короткий отдых лошадям. Кол задавал такой темп, чтобы и лошади не слишком-то уставали, и их наездникам хватало сил целый день проводить в седле. Бин вполне свыкся с седлом, и ему вообще стало казаться, что той, другой жизни, жизни до невероятной встречи в деревне Пыжи, вовсе не существовало. Что Мэйлинн всегда была рядом, а он всегда был в седле. И они всегда искали. Белую Башню. В которую он, похоже, теперь тоже верил.

Каждую стоянку он использовал для того, чтобы совершенствоваться во владении кинжалом. Теперь он уже вполне сносно попадал в дерево с десяти шагов и всегда – с пяти. В

рукопашной он, конечно, не мог бы составить достойной конкуренции Колу, но, окажись он сейчас на улицах Нового города, то наверняка бы прослыл одним из самых опасных парней.

Спустя неделю пути местность стала довольно заметно меняться. Леса сменялись редколесьем, деревья стали заметно ниже и корявее. Земля под ногами то и дело хлюпала, хотя сильных дождей не было уже больше недели. Но главное – вдаль виднелась уже не ломаная синеватая полоска. Теперь было видно, что это – горный хребет. Кол указал на него спутникам:

– Анурские горы. А мы, друзья мои, достигли Симмерских болот.

Симмерские болота длились на многие-многие лиги с юга на север, окаймляя широким гнилым кругом чёрное озеро Симмер. Не все они представляли собой непроходимые топи. Кое-где вдоль Алийи стояли деревушки, жители которых умудрялись даже возделывать землю. Хотя они располагались в достаточной удалённости от озера. Да и здесь, на южной оконечности болот, было достаточно вполне пригодных для жизни участков.

Однако, редкие поселенцы селились в этих краях. Разве что охотники, что добывали шкуры бобров и нутрий на продажу, да и те обычно жили не в постоянных поселениях, а в охотничьих лагерях, которые оставляли, набрав достаточно добычи. И дело было не только в сонмищах гоблинов, населяющих эти болота. Эту-то напасть, как раз можно было бы побороть отловом и прочными заграждениями.

Было в этих землях нечто, что заставляло самых твёрдых сердцем, прожжённых трапперов возвращаться, так и не закрепившись. Что-то недоброе витало над озером Симмер и его болотами. Словно какое-то Зло свило гнездо под гнилыми корягами в глубине его чёрных вод.

Через какое-то время Бин заметил, что с каждой пройденной милей Мэйлинн становилась всё бледнее и печальней. Она постоянно скидывала голову, будто слышала что-то, но не могла понять – что. Кроме того, она всё чаще тёрла виски, будто у неё болела голова.

– В чём дело? – тревожно спросил он лирру.

– Я точно не знаю. Но здесь очень плохое место. Что-то давит на меня, и давит всё сильнее. Словно мы приближаемся к чему-то очень страшному, – отрывисто проговорила Мэйлинн, и глаза её были полны боли. – Кол, скажи, неужели нет другой дороги?

– Другая дорога есть, – медленно проговорил Кол. – Но она, увы, лежит через Латион. Это имперская дорога. Мне кажется, будет весьма недальновидно повернуть назад. Я не думаю, что у нас есть реальная причина волноваться. Что ни говори, а здесь всё-таки проходит тракт, ведущий к Танийскому перевалу. Хоть и нечасто, но здесь проходят торговые караваны. Да и люди живут. И ничего.

– Просто люди в большинстве своём не способны чувствовать *возмущение*. Поэтому и не могут ощутить опасности этих мест...

– Как же – не могут! – проворчал Бин. – Да у меня все волосы на теле дыбом стоят!

– Мне тоже не по себе, – признался Кол. – Но другой дороги всё равно нет.

– Весьма странно, что единственная дорога в Пунт находится в таком запустении! – с робкой надеждой проговорил Бин. – Может, всё-таки есть более удобный и людный тракт?

– Основная часть товаров из Пунта попадает к нам через Палатий. Палатийцы ведут бойкую морскую торговлю с Пунтом и затем распродают купленное по всей Паэтте, – ответил Кол. – Увы, неудачное взаимное расположение Танийского перевала и Симмерских болот делает весьма непривлекательным сухопутное сообщение между нашими странами. Давайте надеяться на лучшее. Если не произойдёт... ничего неприятного, меньше чем через три дня мы будем у перевала.

– Да охранит нас Арионн, – шепнула Мэйлинн, низко склонив голову.

Глава 15. Варан

– Итак, для вас есть дело, мастер Варан, – прошелестел тщедушный старик, тонувший в роскошном чёрном кресле.

– Я весь внимание, Командор, – изящно, с уважением, но без подобострастия поклонился Варан.

– Должен вам сообщить, что не далее, как два часа назад у меня был разговор с госпожой Дайоной, – неспешно, и как-то даже с натугой проговорил старик.

Вообще было похоже, что он тяжело болен и скончается прямо во время этого разговора. Но только не для Варана – сколько он помнил Командора, он всегда был точно в таком же здравии – не лучше и не хуже. За минувших шесть лет он, кажется, не постарел ни на волос. Варан бы не слишком удивился, даже если бы ему сказали, что Командор всегда был таким, и таким и родился. Варан усмехнулся про себя, но лицо его продолжало сохранять всю ту же почтительность.

– Вы говорите о госпоже Дайоне – придворной лиррийской магине? – мягким голосом осведомился Варан. В его речи слышался лёгкий сарраассанский акцент, от которого так и не удалось избавиться полностью.

– Я говорю именно о ней, мастер Варан, – в голосе Командора не слышалось ни сарказма, ни даже нетерпения. Варан слегка склонил голову, чтобы дать понять, что он осознает всю важность разговора. – Госпожа Дайона попросила нас об одном деле, и Гильдия не сочла возможным отказать. В награду мы *получили*, – Командор надавил на это слово. – Мы получили две тысячи латоров. Естественно, вы, как мастер шестого круга, получите десять процентов этой суммы в случае выполнения задания.

Варан вновь поклонился. Это уже интереснее. Нечасто его труд оценивался столь высоко.

– Дело несколько щекотливое, – продолжал Командор. В Гильдии все знали, что он иногда часами мог вводить в курс дела, цедя слово за словом. – Некоторое время назад из замка Наэлирро сбежала воспитанница, – Брови Варана при всей его выдержке поползли вверх. – Должен ли я напоминать, что вся услышанная вами информация строго конфиденциальна? – булавочные глазки уставились на Варана и тот, как всегда при этом, поёжился. Казалось бы – этого старикашку можно раздавить двумя пальцами. В нём уж и крови, поди, не осталось – один песок в жилах. Но при этом вся могущественная Гильдия Теней уже почти тридцать лет трепетала перед нынешним Командором.

– Я прекрасно помню это, Командор, – вновь поклонился Варан.

– Хорошо. Сегодня утром госпожа Дайона получила информацию, что беглянка находилась в Латионе восемь дней назад. Где она сейчас – неизвестно, но пожелание Лорда-ректора Наэлирро, переданное через госпожу Дайону, заключается в том, что мы должны найти эту юную лирру и препроводить в Замок. Вы слышите, мастер Варан? – старик слегка подался вперёд. – Найти и препроводить. Ни единого волоска не должно упасть с её головы. При том, что она может оказать серьёзное сопротивление. Она прошла обряд *пробуждения*, примите это к сведению!

– Но, позвольте спросить, Командор, – растерялся Варан. – Для чего бежать из замка лирре, которая уже *пробудилась*? Они ведь и так его покидают практически тут же.

– Я говорю лишь то, что передала мне госпожа Дайона. Вероятно, у Наэлирро какие-то свои тайны и секреты, которыми они не спешат делиться. Они сообщили нам лишь то, что нам требуется знать.

– То есть мне нужно схватить лиррийскую магину и доставить в Наэлирро? – несколько ошеломлённо переспросил Варан.

– Всё именно так, как вы сказали, мастер Варан, – кивнул старик. – Именно потому я и обратился к вам, а не к кому-то ещё. Все знают вас, как лучшего охотника за головами на Паэтте.

Конечно, Варан был польщён, хотя эти слова полностью соответствовали истине, и он это знал. Тем не менее, сейчас его слава играла против него. Неожиданно двести латоров уже не показались такой уж справедливой наградой, хотя Варан прекрасно знал, что в Гильдии не принято торговаться насчёт вознаграждения.

– А вам не сообщили, насколько сильные способности приобрела магиня? – спросил он.

– Сообщили, что весьма невеликие. Но, – добавил Командор, видя, как облегчение промелькнуло в глазах подчинённого. – Но ситуация осложняется тем, что при побеге она похитила несколько весьма мощных артефактов, из которых есть парочка боевых. Опять же, к сожалению, госпожа Дайона не сочла возможным распространяться на эту тему, однако предупредила, чтобы мы были весьма и весьма осторожны. Ещё она сказала, что, увидев голубое свечение, нужно бежать как можно дальше.

– Приму к сведению, – холодно поклонился Варан. – Какие ресурсы мне разрешено задействовать?

– Вы получите мандат на использование любых ресурсов, которые вам потребуются. В разумных пределах, разумеется, – добавил Командор.

– Разумеется, – в очередной раз поклонился Варан.

– Итак, вы можете приступать к поискам, мастер Варан, – Командор ещё глубже ушёл в кресло. – Искомую зовут Мэйлинн из рода Айрига. Последняя, кто её видел, была её бывшая подруга по Школе Олива из рода Нуаль. Именно от неё пришёл сигнал, так что советую начать свои поиски там. Госпожа Олива живёт в Верхнем квартале, по улице Каштанов. Можете идти.

Варан, отвесив очередной неглубокий поклон, вышел.

Варан попал в Гильдию Теней пятнадцатилетним мальчишкой. Его, жителя северной Саррассы, продали в рабство проходящему мимо торговому каравану собственные родители, пытаясь спасти от голодной смерти девятерых его братьев и сестёр. Надо сказать, что Варан (тогда его звали иначе, но сейчас он уже не мог вспомнить этого имени) не был в обиде на родителей. В их поступке не было ничего личного. Более того, они сперва предлагали купцам его старшую сестру, затем одну из младших. Но купцы, трое довольно пожилых уже людей, вероятно, не искали плотских утех. Зато им был нужен носильщик взамен одного из умерших накануне. Рослый и сильный Варан подходил как нельзя лучше. И родители без колебаний обменяли его на две серебряные короны¹². Это были хорошие деньги и поэтому Варан вполне их понимал. Кроме того, именно благодаря этому он и оказался в королевстве Латион, а позднее – в Гильдии.

Уже во время сплава по Труону пришлось убить своих хозяев. Всех троих. И ещё двух рабов из числа охранников. Оказалось, что один из купцов, не позарившийся на его красавиц-сестёр, весьма заинтересовался смуглым стройным юношей. Он приказал привести его в свою каюту. Жить ему с этого момента оставалось всего около трёх минут. Варан просто свернул ему шею. Затем он убил стоящего у дверей на страже раба красивым позолоченным кинжалом, который убитый купец носил больше для красоты. Сняв перстни и украшения с купца, Варан решил, что ему пригодятся ещё кой-какие средства для начала новой жизни. Так была решена участь двух других.

¹² Серебряная корона – имперская монета достоинством в 100 медных корон. В Доках Латиона одну медную корону меняют приблизительно на 5 с небольшим дорринов.

Последний из купцов успел поднять тревогу перед смертью. На палубу высыпали люди. Варан на бегу рассёк ближайшему врагу горло и затем прыгнул в воды Труона. По нему стреляли из арбалетов, но, к счастью, не попали. С ладьи были спущены шлюпки и около полутора десятков вооружённых людей устремились в погоню.

Варан плохо плавал, но был силен и ловок, поэтому сумел добраться до берега раньше преследователей и рванулся в прибрежный кустарник. Началась охота, травля дикого зверя. Больше суток измотанный, голодный мальчишка плутал по незнакомой стране, пытаясь запутать следы. Но сил становилось всё меньше, и погоня настигала. И тогда появился он.

Он скакал на вороном саррассанце, весь в чёрном. Куда и зачем он тогда направлялся – так и осталось для Варана тайной. Важно было другое. Увидев изодранного, валящегося с ног от усталости мальчишку с нелепым позолоченным кинжалом в руке, он придержал коня, и протянул руку. Взлетев, Варан оказался позади своего спасителя, и чёрный как ночь жеребец помчался стрелой.

Проскакав около трёх лиг, и при этом не сказав ни слова, спаситель остановился в придорожном трактире. Купив себе жареную щуку, а Варану – целую кучу всевозможной снеди, он, наконец, заговорил. Мастер Чёрный – так он себя назвал. Причём он говорил по-саррассански, хоть и не очень хорошо.

Затем они говорили, долго говорили – и пока Варан ел, и после, когда он уже сидел с туго набитым животом. Варан рассказал свою историю, и мастер Чёрный был впечатлён. Он предложил отправиться с ним в Латион. Конечно же, Варан согласился. Мастер Чёрный рассказал о Гильдии Теней. Конечно же Варан захотел к ней присоединиться. Кроме рекомендаций мастера четвёртого круга (как оказалось впоследствии), у парня был приличный вступительный взнос, тянувший на пару десятков латоров.

Так Варан стал учеником мастера Чёрного – одного из охотников за головами Гильдии Теней. Кстати, имя своё юноша назвал лишь однажды, когда его специальным шифром, известным лишь избранным, занесли в специальную книгу. Теперь у тебя нет имени, парень, – сказал ему тогда мастер Чёрный. Никто из Гильдии не будет его знать. Возьми себе имя, какое захочешь. Так отныне и будут тебя окликать.

Недолго думал юноша. Он взял себе имя Варан в честь больших ящериц, проживавших на его родине. Они были настолько опасны, что даже хищники старались обходить их стороной. Укус варана был смертелен из-за гнилостного яда, который попадал в кровь, и при всей своей кажущейся неуклюжести варан мог быть быстрым, как сама смерть.

Так он стал Вараном. Пока ещё – просто Вараном. Но в учениках он походил недолго – уже через полгода мастер Чёрный официально объявил Варана своим подмастерьем. У парня было невероятное чутьё, острый ум и сильное, безотказное тело. Было очевидно, что недалёк тот день, когда Варан войдёт в Круг мастеров.

И действительно, это произошло всего через три года – раньше, чем кто бы то ни было до него. Во время посвящения Варану было предложено выбрать, к какому из Цехов Гильдии он хотел бы примкнуть – Ворам, Телохранителям, Охотникам за головами или Наёмным убийцам. Причём сам мастер Чёрный, хоть и был охотником за головами, но признавал, что из Варана выйдет именно непревзойдённый убийца. Казалось бы – чего решать? Наёмные убийцы были элитой Гильдии Теней, отбор туда был жесточайшим, поскольку убийца должен был обладать поистине уникальными качествами. Однако Варан сделал свой выбор уже давно – ещё на той самой дороге, когда держался, стараясь не упасть, за чёрные одежды. Он избрал для себя именно путь охотника за головами. Кстати, в подражание ли своему учителю и кумиру, или же в силу личных предпочтений, Варан также всегда носил только чёрное и для передвижения выбирал исключительно вороных как ночь саррассанских жеребцов.

Ещё в бытность Варана мастером первого круга о нём уже заговорили и в Гильдии, и даже за её пределами (конечно же, в весьма узких и специфических кругах). Ему пророчили, что

когда-нибудь он станет Командором Гильдии Теней, хотя эта перспектива юношу совершенно не прельщала. Ему нравилось проводить месяцы в дороге, выискивая тех, кого ему приказывали разыскать; нравилось устраивать хитроумные ловушки, обставляя похищения так, что даже самые дотошные друзья и родные жертв до самой смерти жили в убеждении, что их близкие пропали по каким-либо естественным причинам.

Конечно же, Варан быстрыми прыжками проскочил с первого до шестого круга, на некоторых не задерживаясь и пары месяцев. И вот шесть лет назад он стал мастером шестого круга, получив возможность вживую увидеть Командора. Именно Командор, и только Командор имел право приобщить мастера к седьмому кругу. Но это был случай исключительный – в Гильдии обычно было не больше четырёх мастеров седьмого круга – по числу Цехов, и, как правило, в седьмой круг кого-то вводили лишь после того, как там освобождалось место. Это был своеобразный генералитет Гильдии, и Варан туда не особо стремился, понимая, что тогда о работе «в полях» придётся забыть. Сейчас Варану было только двадцать шесть, и он считался самым перспективным мастером всей Гильдии Теней.

Не обделили его боги не только талантами, но и внешностью. Смуглый тонкокостный красавец с горящими чёрными глазами и чёрными же, чуть выющимися волосами средней длины. По меркам Паэтты он был среднего роста – пять футов и восемь дюймов. Крупные ровные зубы казались идеально белыми на фоне смуглой кожи. Он не выглядел крупным, скорее наоборот, но его сила, ещё более опасная, поскольку ничто в его фигуре её не предвещало, была хорошо известна слишком многим.

И вот сейчас именно этот человек должен был разыскать Мэйлинн и вернуть её в *alma mater*. Самый опасный человек не только всего Латиона, но и, может быть, всего мира Паэтты. Охотник за головами, до сих пор не знавший поражений и провалов.

Варан задумчиво стоял на пороге дома Оливы. Рядом был его верный подмастерье Окорок. Окорок был уникальным малым – здоровый словно медведь, и такой же сильный, он мог быть гибким и ловким как леопард. Но что более всего радовало в нём Варана – это то, что Окорок был нем с тех самых пор, как слуги одного весьма знатного сеньора вырвали ему язык раскалёнными щипцами.

Тогда Окорок был куда моложе и несколько горячее. Однажды он возвращался в свою деревню, сидя на возу с сеном, когда сзади его догнал экипаж. Кучер стал кричать, чтобы Окорок свернул с дороги, но тот, весьма флегматичный и спокойный малый, продолжал ехать, будто ничего не случилось. Тогда из кареты выскочил какой-то хлыщ, который стал размахивать коротким хлыстом и кричать, брызжа слюной. И Окорок ответил. Что уж он там сказал – мы точно не знаем, но сеньор просто рассвирепел. Он подскочил к телеге и хлестнул Окорока по необъятной ляжке (за что тот и получил своё прозвище). Обиженный Окорок вырвал хлыст и ударил им обидчика по лицу. Что бы он с ним сделал дальше – так и останется загадкой, потому что на него, словно свора на медведя, налетело с полдюжины слуг, вооружённых дубинками. Сумятица вышла знатная, но силы были неравны. Окорока отделали так, что долгое время деревенский знахарь вообще весьма сомневался по поводу его выздоровления. Сначала сеньор хотел просто прибить дерзкого колона, но не захотел иметь лишние неприятности. Однако же за предрезостные слова, коими презренный смерд смертельно оскорбил благородного дворянина, тут же на месте, не поленившись распалить костёр, его лишили языка.

Отлежавшись, Окорок направился на испытания в Гильдию Теней. Без малейшего труда справился с первым. Гильдия оценила потенциал парня, и вторым заданием было убийство. Причём того самого хлыща. Задание было с двойным дном. Мастера хотели посмотреть, как поведёт себя испытуемый. И Окорок справился блестяще. Он не оставил после себя изувеченного тела, моря крови и тому подобных проявлений своей мести. Нет – сеньор просто неудачно

вылезал из большой бадьи, в которой принимал ванну, поскользнулся, ударился головой о край и захлебнулся. Ни у кого не возникло даже тени сомнения относительно этой версии.

Варан употребил всё своё влияние, но сумел добиться того, что Окорок стал именно его учеником и не попал в Цех наёмных убийц. И с тех пор ни разу об этом не пожалел. Весьма скоро Окорок дослужился до подмастерья. Сказать по правде, его уже хоть сейчас можно было вводить в Круг мастеров, но нынешнее положение удивительным образом устраивало обоих – Окорок был лишён каких бы то ни было карьерных амбиций, а Варану было крайне жаль терять такого бесценного помощника.

Особенно Варану нравилось, что Окорок никогда его не перебивал, не докучал вопросами, не выдвигал идиотских гипотез. Он просто молчал и слушал. Многие люди в минуты раздумий любят разговаривать с собой. Варан делал точно так же, пока у него не было Окорока.

– Итак, вопрос номер один – кто этот простолюдин, который был с лиррой у госпожи магини, – обратился Варан к Окороку, но тот даже ухом не повёл, хорошо зная привычки мастера. Он понимал, что Варан сейчас, по сути, просто рассуждает вслух. – И это – очень хороший вопрос, хотя кто-то мог бы не придать этому факту никакого значения. Но мы-то с тобой знаем, приятель, что мелочей не бывает. Откуда он взялся, и кто он – вот мой первый вопрос.

Варан потёр подбородок и стал медленно сходить с крыльца. Окорок тенью направился за ним.

– Второй вопрос. Куда направилась лирра после того, как оторвалась от погони. Надо бы найти стражников, которые принимали в этом участие и расспросить их, – Варан достал небольшой потёртый блокнотик и сделал пометку на первой странице. На первой, поскольку всякий раз, закончив задание, он вырывал исписанные листки. Причём не из соображений секретности. Для него это был своего рода ритуал освобождения памяти. Он не просто выбрасывал исписанные листки – он выбрасывал предыдущее дело из своей головы, чтобы в следующий раз начать новое буквально с чистого листа.

– Если она была с простолюдином, то логично предположить, что они постарались выбраться из Старого города. Возможно, направились к нему домой. Госпожа Нуаль сказала, что беглянка искала встречи со старшими магинями. Значит, ей что-то нужно в городе. Однако, логично предположить, что после такого приёма, который она получила в этом доме, к другим магиням она не сунется. Что она будет делать дальше? И кто, во имя всех джиннов пустыни, этот простолюдин?

Поиски надо с чего-то начинать. Сейчас в блокноте Варана, кроме имени беглянки, кое-каких примет и ещё нескольких одному ему понятных закорючек, было лишь два слова. «Простолюдин», обведённое жирным кругом и с восклицательным знаком рядом, а также «стражники». Что ж, второе было значительно проще, поэтому он отправился в одну из штаб-квартир, принадлежавших Цеху охотников за головами.

– Позовите мастера Тесака, – бросил Варан, входя в залу, где находилось несколько учеников, таких мальчиков на посылках. Один из них тут же сорвался с места и взбежал по лестнице на второй этаж.

– Я вам нужен, мастер Варан? – вскоре раздался оттуда хриплый простуженный голос.

– Как и всегда, мастер Тесак, – проговорил Варан. – Я попрошу вас отправиться в кордегардию городской стражи и разузнать, кто из стражников участвовал в облаве на лирру в Старом городе девятого увиллия. Затем нужно поговорить с каждым из них и выяснить любые подробности. Где их потеряли, куда они могли бы двигаться. Были ли они по-прежнему вдвоём, или лирра оставалась одна. Ну, не мне вас учить.

Мастер Тесак молча поклонился и вышел.

– Кто этот простолюдин? Откуда он взялся? – Варан вновь обратился якобы к Окороку. Он сел в кресло, закинув ногу на ногу, и подпер голову рукой. В таком положении он собирался

провести довольно длительное время, поскольку заметил, что для плодотворной работы его мозга необходим полный покой его тела.

– Если уважаемый мастер позволит обратиться... – робко начал один из учеников.

– Если по делу, то позволит, – кратко ответил Варан.

– В тот день, девятого увиллия, произошло ещё одно несколько странное событие. Возможно, оно как-то связано с вашим делом.

– Ближе к делу, любезный, – подстегнул Варан.

– В этот же день один из соискателей в Гильдию провалил вступительное испытание недалеко от города. Он был схвачен, и селяне уже собирались его повесить, как вдруг на них налетел целый рой шершней, отчего они были вынуждены спастись бегством. А парнишка исчез.

– Где это было? – Варан стал похож на гончую, взявшую след.

– Деревня Пыжи, милях в пяти-шести от Латиона.

– Значит, на людей ни с того ни с сего напал целый *рой* шершней? – уже больше для самого себя повторил Варан. – А разве шершни роятся?

– В том-то и дело, уважаемый мастер. Как я уже докладывал, это довольно странное событие. Похоже, что была задействована магия.

– Готов заложить своё месячное жалование, что этот растяпа – и есть наш простолюдин! – с лёгким возбуждением обратился Варан к Окороку. Тот, как обычно, невозмутимо промолчал, хотя ни он сам, ни его мастер никогда не получали никакого месячного жалования в привычном смысле этого слова. – Наверняка ведь о нём предварительно собрали сведения? – обратился мастер Теней уже к ученику.

– Думаю, да, – ответил тот. – Но если сведения и сохранились, то они будут только в канцелярии.

Канцелярия Гильдии располагалась в Деловом квартале под прикрытием небольшой нотариальной конторы. Варан не видел никакой проблемы, чтобы прогуляться туда. Ему нравилось ходить пешком.

– Пошли, – кратко сказал он Окороку.

Сама канцелярия представляла собой довольно небольшую тёмную комнатку. Попасть в неё можно было только через контору, если, конечно, посетителя знали в лицо охранники и парочка... ну, в том числе и нотариусов тоже. В самой комнатке всё ещё было жарко и душно, хотя в последние дни погода резко изменилась.

– Да, у нас есть такая информация, – ответил Варану самого благодушного и респектабельного вида человек. – Мы собираем информацию о каждом соискателе. Вон в том шкафу, второй ящик сверху – это дела провалившихся соискание. Дело того чудика будет лежать на самом верху.

Варан вынул то, что канцлер громко именовал делом. Обычный, сложенный вчетверо лист бумаги. Внутри – кое-какие сведения типа адреса, состава семьи и иных пометок. А снаружи большими буквами выведено: «Бин Танисти».

Варан бегло пробежал глазами содержимое:

– Ага... Складской квартал... Мать, отец, две сестры и брат... Не женат... Грузчик... Спасибо, господин канцлер, вы мне очень помогли, – поклонившись, Варан вышел, не забыв вернуть листок на место.

Вернувшись назад в штаб-квартиру, Варан обратился к тому самому ученику, который с ним заговорил:

– Спасибо, ваша информация мне очень помогла. Будьте уверены, я не забуду сообщить об этом вашему наставнику, – ученик покраснел от удовольствия: шутка ли, сам Варан хвалит! – Но я попросил бы вас ещё об одной услуге. Отправляйтесь в Складской квартал, найдите там кого-нибудь из наших осведомителей, кто хорошо знаком с семейством Танисти. Пусть наведаются к ним в гости и постараются ненавязчиво выведать – не видели ли они какой-нибудь

лирры в последнее время, и где сейчас находится их сын Бин. Желательно, чтобы это была какая-нибудь женщина. Причём результат мне нужен как можно скорее.

Ученик вскочил, всем своим видом источая усердие, и, резко кивнув головой, рванул наружу. Роем землю, рвётся вверх, – подумал Варан. Вряд ли из него получится хороший охотник. Хотя... В голове не пусто, может, ещё не всё потеряно.

Сейчас Варан позволил себе слегка надеяться на то, что лирра каким-то чудом окажется довольно глупа, и будет до сих пор скрываться в городе. Тогда есть шанс, что она может быть у этого недоумка Танисти. Правда, эту вероятность Варан всё же отметал. Ну не может лирра из одного из величайших родов Айрига, всю свою жизнь сладко евшая и мягко спавшая, поселиться в каких-то городских трущобах. Неясно, правда, пока ещё – что связывает лирру из Наэлирро и посредственность вроде этого грузчика Танисти. Но скорее, всё-таки, если лирра и скрывается в городе, то искать её нужно в гостиницах.

Понятное дело, это не будут гостиницы высшего уровня. Огласка лирре ни к чему. Вообще маловероятно, что она поселится в черте Старого города, где умудрилась так нашуметь. Но и селиться в занюханных кабаках на соломенном тюфяке она тоже не станет.

– Господа, – обратился Варан к притихшим ученикам, старающимся ничем не помешать столь именитому мастеру. – У меня будет задание для вас. Соберите пару десятков учеников – можно даже из других Цехов, благо мой мандат мне это позволяет, – и прочешите все мало-мальски приличные гостиницы в черте города. Только без лишнего шума, чтобы никто ничего не заподозрил. Ищите, не проживает ли в одной из них юная лирра, или не проживала ли в последние восемь дней. Скорее всего, она будет не одна. С ней будет молодой парень – длинный и светловолосый, зовут Бин Танисти. Саму лирру зовут Мэйлинн Айрига. Если что-то накопаете – во имя всех богов не поднимайте шум! Просто как можно скорее уведомите меня. Я останусь здесь и не покину этого здания до тех пор, пока что-то не найдётся, либо пока не будет проверен последний постоялый двор. Не жалейте денег – все ваши издержки возмещу лично я сам.

Уже через несколько секунд в комнате остались лишь Варан и Окорок.

Глава 16. Погоня

Ученик, посланный в Склады, вернулся даже раньше, чем ожидал Варан. Действительно, благодаря тщеславию Бина, половина грузчиков видела его в обществе лирры. Более того, уже несколько дней Складской квартал гудел, обсуждая новость, которую младшая сестрёнка Бина Нара по смертельному секрету рассказала своей лучшей подруге. Естественно, вскоре этот секрет был известен самой последней шелудивой собаке квартала.

Люди горячо обсуждали, что Бин Танисти собирается жениться на лирре. Конечно, подавляющее большинство только посмеивалось над этой нелепостью. Остальные же разделились на три неравных лагеря. Большая часть (в основном, мужчины) говорили, что это – его личное дело, что он – мужик, и сам разберётся, что к чему. Вторая по численности группа, состоявшая в основном из подружек Нары и других девочек примерно её возраста, с придыханием и закатыванием глаз щебетали о любви до гроба, о романтике и непреодолимых препятствиях, которые разобьёт вдребезги юный рыцарь. И небольшая, но весьма шумная третья группа, преимущественно состоящая из старых кумушек и всевозможных ханжей, громко и с надрывом вздыхала, восклицая: «Куда катится этот мир?». Наиболее оригинально выразилась одна прачка, известная всему кварталу своей склочностью: «Если бы Арионн хотел этого брака, он создал бы лирр людьми!».

От той же Нары стало известно, что Бин и Мэйлинн отправились в какое-то путешествие, «но, вернувшись, уж точно поженятся!». Так что всю нужную информацию удалось получить от первого же опрошенного осведомителя, не прибегая ни к каким сложностям. Счастливый ученик вернулся в штаб-квартиру и обо всём подробно рассказал мастеру Варану.

Надо сказать, Варан был настолько уверен в своей правоте, что не испытал даже особой радости от того, что его выводы подтвердились. Если «логично предполагать», по любимому выражению самого Варана, то всегда можно думать на шаг, а то и два вперёд. Так что теперь он, подобно рыбаку, раскинувшему сразу несколько сетей, терпеливо ждал, что же в них попадётся. И почти не сомневался, что что-то попадётся наверняка.

Так и есть. На следующий день (как и обещал, Варан по-прежнему пребывал в штаб-квартире, и даже почти не сходил со своего кресла) один из учеников, принадлежащих Цеху воров, появился на пороге и сообщил, что зацепка найдена.

– Это в районе Доков, мастер, – почтительно, даже немного робко сообщил немолодой уже мужчина, либо лишь недавно решивший начать новую жизнь, либо совсем бесперспективный. – Гостиница под названием «Предел мечтаний».

– За мной, – кинул Варан Окороку, незаметно и недвижимо стоящему в углу. Мимоходом мастер даже подумал: а что было бы, если бы ожидание затянулось на несколько дней? Успел бы Окорок покрыться пылью, или нет? – Вы тоже, – добавил он стоящему навытяжку ученику.

До района Доков было недалеко, и уже через четверть часа быстрой ходьбы Варан добрался до нужной гостиницы. Окорок и ученик-вор остались у входа, а Варан под видом постояльца (ни к чему лишний шум поднимать) приобрёл самый дорогой номер на целую неделю вперёд. Естественно, обезумевший от радости хозяин лично сопровождал столь дорогого – в прямом смысле – гостя.

– Присядьте, любезный хозяин, – попросил Варан, указывая хозяину на кровать. Сам же он остался стоять.

Хозяин растерянно посмотрел на странного постояльца.

– Прошу, садитесь, – повторил Варан. – Я не отниму у вас много времени. Более того, сразу после нашего разговора я покину гостиницу, оставив вам как плату за номер, так и право сдавать его по вашему усмотрению.

Тут хозяин, вероятно, смекнул, кто перед ним, связав появление странного щедрого господина с недавним разговором с человеком из Гильдии. С выражением готовности выполнить любую прихоть постояльца, хозяин плюхнулся на кровать.

– Скажите, любезный хозяин, – начал Варан. – Останавливалась ли в вашей гостинице восемь дней назад некая юная лирра в компании молодого человека?

– Да, так и есть, милостивый государь, – закивал хозяин. – Я так и сказал вашему человеку. Только юная лирра была в компании *двух* людей. Один действительно ещё молод, очень худой и длинный. А второй – другое дело. Во-первых, он гораздо старше их обоих – лет около сорока. Во-вторых, он весьма велик телом и, наверное, очень силен. И он показался мне весьма опасным человеком.

– Не затруднит ли вас, любезнейший, принести книгу регистрации? Я хотел бы взглянуть на их имена.

Хозяин буквально растворился в воздухе, и спустя короткое время возник вновь, держа в руках большой гроссбух.

– Вот, милостивый государь, извольте видеть, – старик судорожно перелистнул пару страниц и ткнул в бумагу искривлённым артритом пальцем.

Варан взял гроссбух и посмотрел туда, куда указывал хозяин. Первое, что бросилось ему в глаза, было имя «Бин Танисти», выведенное большими, корявыми, словно ребёнком написанными буквами. Имени «Мэйлинн Айрига» он не нашёл, да и не рассчитывал на это. Там была зарегистрирована некая Кандилия Палли, но у Варана даже тени сомнения не возникло в том, кто скрывается под этим именем на самом деле. А между этими двумя именами сильной уверенной рукой было выведено «Сан Брос». Неспешно вынув из кармана блокнот, Варан на всякий случай записал себе это имя, хотя оно уже впечаталось в его память... ровно до окончания этого дела.

– Как долго пробыли у вас эти люди? – Варан не знал, как по-другому обозначить группу из двух людей и одной лирры. – И куда они отправились?

– Пробыли они один день, – с готовностью ответил старик. – Ввалились ко мне уже поздно ночью, часа через два после полуночи. А уехали незадолго до заката.

– Уехали? – переспросил Варан.

– Днём здоровяк и тощий надолго отлучились, и вернулись с четырьмя лошадьми, а также при оружии.

– Четыре лошади на троих, и оружие... – пробормотал Варан. – Стало быть, они собирались в долгое путешествие? Они не говорили, куда направляются?

– Нет, они об этом не распространялись, милостивый государь, – с сожалением произнёс хозяин.

– А в какую сторону отъехали?

– О, этот вопрос куда проще! – просиял хозяин от того, что в чём-то мог оказаться полезным. – Они направились вдоль по улице туда, – махнул он в южном направлении. – Прямо вдоль набережной.

– Спасибо, любезный хозяин, – в руках Варана сверкнула серебряная монета. – Вот, примите за то, что я оторвал вас от работы. Кроме того, ещё раз напоминаю, что вы вольны распоряжаться этой комнатой как посчитаете нужным – мне она без надобности.

Старик рассыпался в благодарностях. Он гнул свою негнущуюся спину, прижимал к груди руки и только что не валился на колени. Непрестанно уверяя Варана в своей безграничной преданности, он семенил за охотником до самой входной двери, которую же и открыл сам перед мастером Гильдии Теней.

– Я попрошу вас, сударь, взять нескольких человек и пройти по набережной вдоль Труона, расспрашивая, не видел ли кто неделю тому назад трёх всадников на четырёх лошадях, –

обратился Варан к ожидавшему его ученику. – Насколько я помню, в этом направлении можно попасть к Висельным воротам?

– Собственно говоря, можно попасть и к Весёлым, и к воротам Браха Победителя, да и ко всем остальным, если покрутиться, но вы правы – ближе всех будут Висельные ворота, – ответил ученик.

– Опросите стражников у Висельных ворот, не видели ли они нашу лирру. Куда можно направиться через Висельные ворота?

– Опять же – куда угодно, мастер. Особенно ежели запутываешь следы. Там идёт южный тракт, но он пересекается множеством дорог, так что можно оказаться и на востоке, и на западе, и на юге. Да и на север попасть не мудрено.

– Что-то я сомневаюсь, что они станут запутывать следы, – покачал головой Варан. – Мне кажется, они не ожидали погони.

– Тогда они направились либо на юг, что вероятнее всего, либо на восток, – пожал плечами ученик.

– Вы слишком много разговариваете, любезный, – с некоторой неприязнью процедил Варан. Всё-таки ему больше нравилось общаться с Окороком. – Выполняйте задание. Двигайтесь по ближайшему пути к Висельным воротам, опрашивая стражников, торговцев, в общем – всех, кто много времени проводит на улице. Выйдя из Висельных ворот, не поленитесь проехать несколько миль, а лучше – лиг, расспрашивая хозяев постоянных дворов и трактиров. Уверен, что следы разыщутся. А размышления оставьте мне. Где меня найти – вы знаете. Ах, да! И ещё одно... – окликнул он уже повернувшегося мужчину. – Попросите, пусть кто-то узнает всё, что возможно, о человеке по имени Сан Брос.

Ученик поклонился и поспешил исчезнуть.

– Ну что, дружище Окорок, – парочка двинулась назад к штаб-квартире. – Неужели ты тоже считаешь, что они запутывают следы? Нет-нет, друг мой, по моему опыту люди, путающие следы, ведут себя не так... гм... вызывающе. Значит, они действительно собирались ехать именно через Висельные ворота, и именно туда, куда ведёт дорога от Висельных ворот. А куда она ведёт? На юг? Ты прав, этот ответ напрашивается просто сам собой, – хотя Окорок, естественно, не проронил ни звука и даже не реагировал на речи мастера, просто двигаясь рядом с абсолютно каменным лицом. – Но я думаю, что ты ошибаешься – при всём моём к тебе уважении. Потому что если бы им было нужно на юг, они просто наняли бы лодку и поплыли бы по Труону. Это было бы куда проще и дешевле, чем покупать четырёх лошадей. Да и вряд ли лирра захочет опять объявиться вблизи Наэлирро, а юго-запад Латиона – их зона влияния. Так что – нет, любезный мой Окорок, что бы ты мне не говорил, но юг – это неверное направление.

Окорок слегка улыбнулся и кивнул.

– Тогда, скорее всего, остаётся только восток. Через Заречный квартал они ехать не решились – хоть на это хватило их благоразумия. Ближайший мост выше по течению будет лигах в пяти, но не думаю, что они будут делать такой крюк. Скорее всего, переправятся на каком-нибудь из ближайших паромов. Уверен, что этот умник вскоре мне об этом и сообщит. Хотя... Зачем нам ждать их, любезный мой подмастерье? Пока они обрышут все улицы до ворот, может миновать день. Не хочешь совершить небольшую поездку за город?

Окорок лишь немного наклонил голову в знак согласия.

– Ну и отлично. Тогда пойдём, возьмём себе лошадей. Обещаю, что поездка не будет долгой.

Лошади для одного из самых влиятельных членов Гильдии нашлись быстро – не пришлось даже возвращаться в штаб-квартиру. И не прошло и четверти часа, как охотники увидели хижину паромщика. Тот, приняв из рук Варана доррин (более мелких монет у мастера просто не было), охотно подтвердил, что недавно (да-да, сударь, ровно как седмица тому!) перевёз на другой берег трёх путешественников, в числе которых была лирра.

– И куда ведёт дорога на том берегу? – осведомился Варан.

– Дак она идёт только до Колионской дороги, – отвечал паромщик.

Варан слегка покачал головой. Значит, Колионская дорога... Пора собираться в путь.

Варан тщательно упаковал свой небольшой мешок. Ещё тщательнее он подошёл к выбору оружия. Длинный, полторафутовый кинжал, шесть метательных ножей и полторный меч, который Варан носил за спиной по обычаю воинов его родины. Также молча и сосредоточенно собирался в дорогу Окорок. Кроме того, Варан решил взять с собой ещё четверых охотников за головами, причём все – мастера, пусть и первого-второго круга. Выходило шестеро опытных воинов – по два человека на каждого беглеца. Не то чтобы Варан так всерьёз воспринимал своих противников, но всё же среди них была магиня, которую, к тому же, требовалось захватить живьём и провезти почти через всю страну.

– Мастер Варан, – прервал его сборы вошедший ученик. – Тут человек, у которого есть информация о Сане Бросе.

– Я сейчас спущусь, – кинул через плечо Варан. Сборы практически завершены – незачем прерывать их из-за какого-то оборванца.

Однако, внизу оказался не оборванец. Вполне прилично одетый, подёрнутый жирком благополучия, разве что одно плечо выше другого. Варан знал этого человека. Его считали (и он сам себя считал) довольно крупной рыбой в городских трущобах. На самом деле, конечно, он целиком и полностью контролировался Гильдией, точнее, работал в жёстко отведённых ему рамках, за которые не мог бы выйти безнаказанно, кем бы он там себя не считал.

– Тан Горбун, – не спрашивая, а утверждая обратился к нему Варан.

– Так точно, мастер Варан, – согнулся в почтительном поклоне посетитель.

– Вы знаете меня? – удивление было лёгким, но всё же несколько неприятным.

– Ваша слава идёт впереди вас, милостивый государь, – лстиво улыбнувшись, ответил Горбун. – Каждый уважающий себя человек знает имя мастера Варана.

– Значит, мне пора на пенсию, – процедил сквозь зубы Варан и улыбка Горбуна вдруг потухла. – Вы хотели что-то сообщить мне о человеке, именуемом Саном Бросом?

– Именно так, хотя я не совсем понимаю, как такой отброс может заинтересовать...

– А вот об этом уже позвольте судить мне! – резко осадил Горбуна Варан. – Ваше дело – изложить информацию, получить награду и уйти.

Варан нарочно говорил с Горбуном самым презрительным тоном, который он никогда не позволял себе в отношении даже самого последнего ученика Гильдии. Но Горбун был ему инстинктивно неприятен. Даже отвратителен. И поэтому Варан решил включить строгого и недостижимого для простых смертных мастера на полную катушку. Надо сказать, Тан Горбун сразу почуял, что в данном случае ему нужно держаться тише воды и ниже травы. У него было обострённое чувство самосохранения, без которого, наверное, и невозможно было бы дожить до его положения.

– Я понял вас, мастер, – низко склонил голову Горбун. – Прошу прощения за мою несдержанность, и готов отвечать на любые вопросы.

– Мой первый вопрос – кто такой этот Сан Брос? – ледяным тоном осведомился Варан.

– С вашего позволения он – никто, – с нескрываемым презрением ответил Горбун, но видя, что лицо Варана вновь темнеет, поспешно продолжил. – Кол... Простите, милостивый государь, я хотел сказать – Сан Брос... Просто его так никто не зовёт, с вашего позволения. Все называют его Колом. Так вот, Сан Брос – самый обычный пьянчуга, которых тьма в нищих кварталах. Он должен мне около трёх доров, но отдать их не может, поскольку его дело прогорело. В прямом смысле слова, – хихикнул было Горбун, но тут же принял самый строгий вид, едва взглянув на хмурого Варана. – Вообще-то он из бывших военных, и я как-то брал

его работать на меня. Силы и ума у него не отнять, кабы он не глушил их вином. В общем, мы с ним не сработались...

– Из бывших военных? – Варан не давал Горбуну отклониться от намеченной линии разговора.

– Точно так, милостивый государь. Видите ли, он даже был одно время паладином королевской гвардии, но был уволен за дебоши и пьянство. Хотя он не особенно любил распространяться на эту тему.

– Паладин... – задумчиво протянул Варан. – Видишь, друг Окорок, у нас появился ещё один достойный соперник. А ты ещё сомневался – стоит ли брать целых четверых мастеров...

Окорок, который даже если в чём-то и сомневался, то никогда об этом не говорил, лишь слегка искривил губы, дав понять, что слышал, что к нему обратились.

– Паладин, – с готовностью подтвердил Горбун. – А до того он служил в Седьмом Коррэйском. Дослужился до командира когорты. Об этом он как раз очень любил поговорить, когда перебирал, то есть почти каждый день, – на этот раз сутенёр позволил себе лишь улыбку.

– Седьмой Коррэйский... Славный легион! Дослужиться в нём до центуриона – дорогого стоит, а, Окорок? Может, ещё парочку мастеров возьмём на всякий случай?

Окорок молчал, уставившись в одну точку.

– Ты прав, пожалуй... Я тоже думаю, что шестером мы вполне справимся. Один ты, друг мой, стоишь трёх центурионов! Но вообще сведения эти будут нелишними. Будем считать, что у нас два весьма серьёзных противника...

– Это Кол-то – серьёзный противник? – хохотнул, не сдержавшись, Горбун. – Да мои ребята чуть не каждый день отделывали его как котлету. Конечно, пару раз не обошлось без разбитых носов и сломанных рук, но в последнее время он почти и не сопротивлялся.

– Ты плохо разбираешься в людях, Горбун! – голос Варана вновь налился металлом. – Я вообще весьма удивлён, что при такой некомпетентности ты до сих пор не плаваешь кверху брюхом где-нибудь ниже по течению Труона, – Горбун побледнел как смерть и даже пошатнулся, едва устояв на ногах. – Даже из твоего глупого клёкота я уже понял, что за человек этот Сан Брос. Он – человек чести. И если он позволял себя бить твоим отморозкам, то лишь только потому, что считал их *вправе* это делать.

– Да, вы совершенно правы, мастер Варан, – посиневшими губами пролепетал Горбун.

– Ну что ж, господин Горбун, – резко меняя тон, продолжил Варан, но почему-то от этой медоточивости в его голосе Горбуна затрясло. – Спасибо вам за оказанное содействие. Примите эту награду, – Варан швырнул под ноги шестёрки серебряный дор, хотя не так давно он из рук в руки передал монету простому паромщику. – И оставьте нас. Если мы вами *заинтересуемся*, вы об этом узнаете, – с леденящей улыбкой закончил он.

Горбун чисто автоматически подобрал монету и на негнущихся ногах выскочил на улицу.

Они выехали в тот же день, под вечер. Все шестеро – на саррассанских скакунах. Варан, естественно, на чёрном.

– Я думаю, господа мастера, что наша цель стремится попасть в Пунт, – перед отъездом объявил Варан. При этом обращении никто из присутствующих не изъявил ни малейшего неудовольствия, хотя Окорок не был мастером. Однако все знали, что он давно заслужил это звание, и мастера низших кругов давно относились к нему как к равному. – Зачем ей это нужно, я сказать не могу, да это и не важно. Важно другое – не дать ей пересечь Анурские горы. Будет лучше всего, если мы захватим её на территории нашего славного королевства. Слава всем богам – местность для этого будет более чем подходящая. В нашу пользу играет тот факт, что из Латиона к Танийскому перевалу лежит лишь одна дорога, так что нам нужно всего лишь

двигаться быстрее нашей цели и перехватить её без лишнего шума. Сколько, по-вашему, времени нужно, чтобы добраться до перевала?

– При хорошей погоде и имея сменных лошадей – неделя, – ответил мастер второго круга Дор. – Не имея смены лошадей – не менее десяти дней. По такой погоде, учитывая, что дороги размыты дождями – минимум две недели.

– Сменных лошадей нам взять будет негде. Во всяком случае, приличных лошадей, – ответил Варан. – Но наша цель находится в таком же положении. Кроме того, она, судя по всему, не слишком опасается погони, поэтому будет двигаться достаточно медленно. Так что, я думаю, что им для достижения перевала понадобятся все пятнадцать, а то и двадцать дней. Не будем забывать, что они попали в самую грозу, и неизвестно сколько дней потеряли из-за этого. Так что будем спешить не торопясь. Нужно беречь наших лошадей и беречь силы для операции. Среди этой троицы двое, на мой взгляд, весьма опасны – сама лирра и старший, по имени Сан Брос. Он – бывший паладин, а до того – центурион Седьмого легиона. Имейте это в виду. Третий, скорее всего, совершенно не опасен. Однако не нужно недооценивать никого из них.

Коротко кивнув, мастера вскочили в сёдла и отправились в путь. Им не было нужды прятаться, поэтому кавалькада пронеслась по улицам Заречного квартала и через Восточные ворота сразу вышла на Колионскую дорогу. Таким образом, им не пришлось делать крюк, который до того были вынуждены сделать наши герои.

Преследователи двигались более ходко, чем их жертвы. Они проскакали почти всю ночь, затем остановились на несколько часов отдохнуть и поспать, и снова продолжили путь. Таким образом, уже во второй половине следующего дня они достигли печально известного нам постоянного двора.

– Мастер Двенадцатый, – осаживая коня, обратился Варан к одному из спутников, на несколько лет моложе его мастеру первого круга, который всегда всем рассказывал о своей маменьке, которая родила и подняла на ноги шестнадцать детей. «Я у неё был двенадцатым сыном!» – выпив, стучал себя в грудь мастер Двенадцатый. В итоге и мудрствовать над прозвищем он тоже не стал. – Пожалуйста, справьтесь у хозяина этого постоянного двора о нашей цели.

Мастер соскочил с лошади и направился внутрь. Прошло больше минуты, но его всё не было.

– Господа, наверное, нам стоит проверить, куда пропал наш коллега, – спрыгивая с лошади, сказал Варан. Все последовали его примеру.

Они уже почти подошли к дверям, когда из них вышел мастер Двенадцатый.

– Трактир пуст, мастер Варан, – растерянно разведя руками, пробормотал он. – Видимо, несколько дней назад тут была хорошая драчка.

Мастера Теней вошли в тёмное помещение. Их встретил неприятный и хорошо знакомый запах: запах застарелой, плохо замытой крови.

– Зажгите лампы, – распорядился Варан, мягко ступая в сторону стойки. Его меч бесшумно выскользнул из ножен.

Загорелись несколько ламп и из мрака выступили следы прошедшей битвы. Поваленная мебель, валяющиеся на полу тарелки и кувшины, куски окровавленных тряпок. В нескольких местах опытный глаз Варана разглядел тёмные пятна на полу, не оставляющие сомнений в их происхождении.

– Что-то мне подсказывает, что здесь побывали наши друзья, – бормотал Варан скорее самому себе. – Должно быть, они нарвались на неприятности. И немудрено – места тут дикие, лирр здесь явно недолюбливают. Неужели они были так беспечны?.. Или это было ограбление?.. Собственно, неважно. Важно другое – чья это кровь и что случилось с лиррой. Господа, –

обратился Варан к остальным. – Я прошу вас обыскать сверху донизу этот трактир и отыскать любые следы, которые помогли бы нам чётче установить картину случившегося.

Пять безмолвных теней исчезли в полумраке. И почти сразу же откуда-то раздался голос: – Есть! Сюда!

Варан отправился на голос, и оказался в одной из комнат для постояльцев. На пороге стоял звавший их мастер, рядом уже сосредоточились несколько подоспевших людей. Варан вошёл в комнату. Запах там стоял самый отвратительный – запах перегара, грязного тела и человеческих испражнений. А на грязной, испачканной кровью, смятой постели лежал человек с ногой, перевязанной кровавой тряпкой. Он был смертельно пьян – повсюду валялись пустые бутылки.

– А вот ещё один, – проговорил подходящий мастер Дор, толкая перед собой ещё одного, не менее пьяного субъекта. У этого малого был знатный шрам через всё лицо. Странно, подумал Варан, при таком ранении он должен был бы валяться в горячке, а ещё скорее – умереть. Однако, шрам выглядел так, будто рана была нанесена уже довольно давно, и уже заживала. Должно быть, хватанул её в какой-то другой стычке месяцем раньше.

– Давайте обоих в общую залу, – распорядился Варан. – И приведите их в чувство. Мне нужно задать им пару вопросов.

Парня с рубцом усадили на лавку – он хотя бы был в сознании. Второго, калеку, уложили на стол и окатили водой из бадьи. Помогло – тот открыл глаза и весьма недовольно стал кричать о том, что он думает по этому поводу.

– Что здесь произошло? – спросил Варан тихим ровным голосом, не обращаясь конкретно ни к одному из раненых.

– А ты вообще кто такой тут? – приподнявшись на локтях, выкрикнул тот, что с перебинтованным коленом.

– Господин Окорок, прошу вас, – тихонько сказал Варан.

Окорок, постояв секунду и окинув лежащего перед ним человека взглядом, каким художник оценивает объём предстоящей работы, вдруг стремительным движением схватил и крепко сжал окровавленное колено наглеца. Нечеловеческий вопль коротко метнулся по тёмной зале, и одноногий, как его про себя называл Варан, потерял сознание. Однако второй, со шрамом, словно бы внезапно протрезвел, вскинув голову и тревожно глядя на неожиданных гостей.

– Мне повторить вопрос? – мягким, кошачьим голосом спросил его Варан.

– Н... Не надо, в-ваша честь... – заикаясь то ли от страха, то ли от опьянения пролепетал парень. – Я в-всё ск... кажу...

– Тогда тебе лучше бы уже начинать, – не меняя тона, проговорил Варан, а Окорок одним плавным движением вдруг оказался за спиной Шрама (для простоты Варан решил называть его так).

– Несколько дней назад... сколько точно – не скажу... гроза ещё была... здесь появились трое... два парня... и лирра... – сбивчиво, задыхаясь, начал Шрам. Варан переглянулся с остальными. – Они... хотели переждать... грозу... комнату заказали... но Кабан... решил их пощипать... они при деньгах были...

– Кабан – это?... – начал мастер Двенадцатый.

– Хозяин притона, он же вожак, – оборвал Варан. – Это не имеет отношения к делу. Продолжай, друг мой.

– М-мы... напали... лиррка пригрозила колдовством... но Марушка... сказала... что лиррка – не магичка...

– И сколько вас было? – поинтересовался Варан.

– Нас было... восемь человек, ваша честь... ежели с Марушкой считать.

– Что случилось с лиррой?

– А что с ней... станется... она – дьяволица... уложила троих наших... прежде чем нам удалось с ними... переведаться...

– Магией уложила?

– Зачем – магией?.. Из самострела... Потом они спрятались... в кладовке... Марушка их выкурила... каким-то своим снадобьем... ну и понеслось... Меня вон лиррка ножиком по морде чиркнула... и я больше ничего не помню... А только Змареку потом рассказывал, – кивнул Шрам в сторону распластанного Одноногого. – Что лиррка и Марушку порешила... а потом и Кабана завалила... из самострела...

– Ты хочешь сказать, что одна лирра убила пятерых ваших? – Варан ещё более выразительно посмотрел на окружающих.

– Так и было... ваша честь...

– А что же мужчины?..

– Да мелкий-то... он вообще не знает, каким концом нож-то держать... я б его порешил в момент, кабы не лиррка проклятая... А здоровый... Он-то Змареку коленку развалил... Потом с Кабаном рубиться стал, да только без лиррки-то не одолел бы Кабана...

Варан слегка пожал плечами. Он был, признаться, весьма удивлён. Если бы ему сказали, что Брос порезал всю эту шайку, он бы не удивился нисколько. Паладинами просто так не становятся, и Варан не сомневался, что Брос смог бы справиться и с вдвое большим отрядом подобного отребья. Но то, что он услышал, очень удивляло. А Варан не любил удивляться.

– А где же ваш восьмой? Вас же было восемь, как ты сказал?

– Да Корж, скотина, сбежал... как жареным запахло... Так больше тут и не показывался... сидит, небось, под юбкой жёнки своей прячется...

– Мне кажется, ты что-то темнишь, друг мой, – неожиданно надвинувшись на сжавшегося в комок Шрама прошипел Варан. – Твоему шраму – месяц самое меньшее, а то и больше! Так зачем ты говоришь, что это лиррка тебя порезала?

– Да подавиться мне своим языком, если вру! – заныл Шрам. – Как есть – лиррка меня и распорола... Уж потом, после заварухи, здоровый тот вообще сказал... что я не жилец... Тогда лиррка рожу мою чем-то полила, и боль прошла... И рана стала заживать быстро... Она и Змареку коленку мазала...

Варан быстрым движением сорвал кровавую тряпку с колена лежащего Змарека. Да уж, нехорошая рана... Колено раздроблено, наверняка, куча осколков осталось... Военный лекарь уже давно ногу отнял бы, не думая... Но здесь было что-то странное. Да, рана выглядела плохо, но *должна была* выглядеть ужасно. За прошедшее время, без ухода, она уже должна была начать гнить. Здесь же всё выглядело так, словно за ней постоянно ухаживали. Никаких следов гангрены, даже гноя не так, чтобы много.

– Какой замечательный эликсир! – прокомментировал Варан. – Прямо-таки – бесценный эликсир. Удивительно, что она потратила его на двух таких никчёмных людишек...

– Да... я тоже не ожидал такого от лиррской ведьмы... – прошептал Шрам. Было видно, что против своей воли он всё-таки чувствует благодарность к ней.

– Ну и что было дальше? – вернулся к допросу Варан.

– Дальше они похоронили... наших мертвяков, переночевали...

– Здесь переночевали? – изумился Варан.

– Ну да... На улице лило как из ведра, и здоровяк сказал, что лучше остаться тут. Они переночевали в одной из комнат. Нас положили в другую, и лиррка... ухаживала за нами... весь вечер... – по лицу Шрама прошла очередная судорога.

– Беспечны до идиотизма... – прошептал Варан. – Значит, на следующий день они уехали?

– Точно так... Ливень всё не прекращался, но утром они сели на лошадей и поехали дальше.

– Куда? – на всякий случай спросил Варан, хотя наверняка знал ответ.

– Они говорили, что едут в Колион.

– Ну что ж, – Варан встряхнулся, и его подчинённые тотчас же встрепенулись тоже. – Не будем больше отнимать ваше драгоценное время. Упивайтесь до смерти дальше. Удивительно, друг Окорок, как люди совершенно не ценят такой бесценный дар как жизнь... Вот эти два недоумка получили второй шанс, которого они не заслуживают. И как они употребили его? Целую неделю беспробудно пьют. Даже почти не едят. Бьюсь об заклад, что ещё через неделю здесь останутся только два гниющих трупа. А местные жители, кажется, сюда давненько не заходят... Ну да не будем философствовать на пустом месте, – одёрнул он сам себя. – На коней, господа! Охота становится всё интересней.

Глава 17. Симмер

Прошедшая с момента выезда из Колиона неделя протекала вполне благоприятно. Несколько раз накрапывали небольшие дожди, но в целом погода была благосклонна к путникам. Неприятных встреч, подобных той, что произошла в «Двух петухах», больше не случилось, да и в целом край выглядел практически безлюдным. Последняя деревня встретилась около трёх дней пути назад. В общем, наши друзья неплохо проводили время в разговорах.

За это небольшое, казалось бы, время они стали друзьями не разлей вода. Каждый из них уже смутно вспоминал, как жилось раньше, без остальных. Конечно, дорога была плохой, есть приходилось предусмотрительно запасённую солонину, но это мелочи. Так что путешествие вполне могло бы сойти за увеселительную прогулку, если бы не одно «но». За эту неделю у Мэйлинн случилось два припадка. Причём оба произошли в последние три дня. И каждый был пусть ненамного, но продолжительнее предыдущего. Мэйлинн всё больше мрачнела, хотя друзья, как могли, поддерживали её, пытались развеять тёмные мысли.

Сейчас же, с началом Симмерских болот, вблизи от самого озера Симмер, самочувствие лирры ещё больше ухудшалось. Вернёмся в тот самый день, когда мы оставили нашу троицу в непосредственной близости от Симмерских болот.

Мэйлинн сегодня тревожилась куда больше обычного. Время от времени она резко поворачивала голову то в одну, то в другую сторону (но чаще – на север, туда, где милях в двадцати отсюда раскинулось озеро Симмер), словно ей постоянно слышались какие-то звуки. Однако ни Кол, ни Бин ничего не слышали. На виски давила тяжесть, словно их стиснул в огромных тисках пыточных дел мастер. Глаза от этого слезились, а лоб стал горячим.

То Кол, то Бин, видя неважное состояние Мэйлинн, предлагали сделать привал и отдохнуть. Но лирра лишь молча мотала головой, ещё сильнее стискивая зубы. Бин от этого страдал едва ли не так же, как сама Мэйлинн. В его глазах стояло такое горе, что лирра, глядя на него, старалась превозмочь свою боль и улыбнуться. Но за то небольшое время, которое Бин знал Мэйлинн, он немного уже научился видеть глубже маски, поэтому лишь криво улыбался в ответ, но тоска из взгляда так и не уходила.

Конечно же, Кол тревожился не меньше. Страшнее всего было то, что никто не знал, что будет дальше. Когда человек болен, пусть даже жуткой синивицей, он всё же не мучается неопределённостью. Он знает, как будет протекать его болезнь и чем она закончится. Да, можно возразить, что синивица – это лотерея, где шестеро из десяти умрут. Но каждого больного грела надежда, что он окажется в числе тех четырёх счастливчиков. Что же касается болезни Мэйлинн, то здесь вообще невозможно было даже просто гадать о вероятных исходах, и это угнетало более всего. Что будет дальше? Что будет завтра? Или через час? Встанет ли она после очередного припадка? Станет ли магией? Или умрёт? Или излечится и останется обычной лирийской девушкой? Десятки вопросов, и ни одного ответа...

Так бо́льшую часть дня проехали в тяжёлом молчании. Лишь под вечер завязался разговор, который хотя и был не из приятных, но хоть как-то отвлек всех от состояния Мэйлинн.

– Скоро начнёт темнеть, – проговорил Кол. – Предлагаю найти участок земли посуше и располагаться.

– Как ужасно не хочется ночевать в таком месте, – с некоторым усилием проговорила лирра.

– Согласен. Но ехать всю ночь мы тоже не можем. Хотя бы из-за лошадей – им нужен отдых. Нам придётся потерпеть. До Танийского перевала осталась пара переходов. Увы, но завтра мы всё ещё будем двигаться по южной границе Симмерских болот. Так что нет смысла долго продолжать путь. А главное – тебе необходимо отдохнуть, – с глубокой нежностью добавил Кол.

– Я не уверена, что для меня это станет отдыхом, – вздохнула Мэйлинн.

– А как же гоблины? – тревожно поинтересовался Бин. – Ведь говорят, что Симмерские болота ими кишмя кишат! Что если они нападут на нас сегодня ночью?

– Ну, этого я боюсь меньше всего, – отмахнулся Кол. – Гоблины не так опасны, как о них обычно рассказывают. Да и что в них может быть страшного – обычные лягушки-переростки!

– Мне кажется, ты слегка утрируешь, – Мэйлинн ввязалась в разговор просто для того, чтобы опять не окунуться в тяжёлое молчание.

– Да видел я их! Ещё в бытность легионером. Как раз, когда мою когарту отрядили в помощь Каладиусу. Вот и познакомился я с этими жабоголовыми. Обычные зверюшки, совершенно неразумные. Да, укусить могут, но это если их подпустить близко. А справиться с ними проще простого. Видел бы ты их, дружище: маленькие, тщедушные, росточку в них – во! – Кол раздвинул руки примерно на три фута. – Да их простой палкой можно отогнать. Да и огня они боятся. Конечно, нападают они оравами по пятьдесят-сто штук за раз, но... В общем, ничего страшного. Всё равно, что драться с пятилетними детишками.

– А чем они вооружены? – поинтересовался Бин.

– Да ничем они не вооружены! – отмахнулся Кол. – Ну камень кинут в тебя, если рядом будет валяться. Да силёнок у них маловато, так что разве что шишку лишнюю поставят. Хотя говорят, что вблизи озера проживают какие-то другие гоблины. Те, якобы, вооружаются дубинками и более разумны. Но таких я не видал.

– Кстати, многие учёные считают, – вновь вступила в разговор Мэйлинн. – Что нет никаких двух видов гоблинов. Возможно, это всё – один и тот же вид гоблинов, только вот некоторые из них словно управляются какой-то могущественной силой, которая и внедряет нестандартные модели поведения. То есть, те гоблины так же неразумны как и их собратья, а лишь находятся под влиянием чьей-то воли.

– Это вроде как ты в Пыжах натравила шершней на селян? – усмехнулся воспоминанию Бин.

– Вроде того, – Мэйлинн тоже слегка улыбнулась. – Только эта магия более высшего порядка.

– И кто же этот кто-то? – поинтересовался Кол.

– Ну точно этого никто не знает, – ответила Мэйлинн. Оседлав любимого конька, она даже несколько ожила. – Возможно, неподалёку от озера живёт какой-то очень сильный маг-отшельник. Но скорее всего, в озере или его окрестностях обитает какая-то более древняя и сильная сущность, которая и повелевает гоблинами. Я склоняюсь именно к этому, поскольку я каждой клеточкой своего тела ощущаю что-то древнее, невероятно сильное и весьма недоброе. Причём всего пару тысяч лет назад этого либо не было, либо оно не было враждебно. Ведь ещё в прошлую эпоху здесь проходил настоящий торговый тракт. Тогда Латион мог торговать с Пунтом напрямую, без посредников. И местность была куда более оживлённой. Скорее всего, когда сгорела предшествующая Руна, высвободившийся Хаос как-то повлиял на то, что живёт у озера Симмер. И вот теперь некогда важный торговый путь захирел и почти исчез. И кто знает, что будет в следующие эпохи. Вполне возможно, Симмерские болота будут всё разрастаться, подминая под себя обжитые земли.

– Слава Ассу, я до этого не доживу! – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Кол.

– И всё-таки, хотелось бы вернуться к гоблинам, – напомнил Бин. – Как нам сегодня ночевать-то?

– Так же, как ночуют все охотники и путешественники в этих местах – окружив стоянку кольцом костров. И – да, придётся по очереди нести караул. Но это всего пару дней! Зато, как только начнутся земли Пунта, можно будет расслабиться и наслаждаться жизнью!

– Уж поскорей бы! – мечтательно закатил глаза Бин.

На этом разговор как-то сам собой затих. Все ехали, понутив голову, придавленные тяжестью этого места. Солнце уже коснулось вершшек деревьев на горизонте за спиной путешественников.

– А вот скажи-ка, Мэйлинн... – Кол повернул голову к лирре, и лицо его вдруг побледнело. – Мэйлинн!

Мэйлинн ехала, уронив голову на грудь. Причём, было видно, что это – не простая задумчивость. Голова её вяло тряслась в такт шагам лошади, а тело медленно кренилось в сторону.

– Мэйлинн! – Кол птицей слетел с лошади, чуть ли не прыжком преодолел те несколько шагов, что отделяли его от лирры, схватил её за одежду и, потянув на себя, подхватил на руки недвижимое тело.

– Что с ней? – рядом уже был Бин, отбросивший поводья и тянувший руки к безвольному телу. – Снова припадок?

– Не похоже, – озадаченно ответил Кол, бережно укладывая бесчувственную лирру на сырой дёрн. – Судорог нет...

– Может, просто уснула? – с надеждой спросил Бин.

– Не знаю, – раздражённо ответил Кол, расшнуровывая верхние шнурки блузы. Нашупал сонную артерию – пульс редкий и слабый, но ровный. Дыхание тоже очень слабое, почти не видно, как вздымается грудь.

– Попробуем разбудить? – предложил Бин.

– А ты знаешь, что с ней? – обернулся Кол. – Можно ли её будить вообще? Больше похоже на какой-то транс. Одно могу сказать – дальше мы сегодня не едем. Останься с ней, а я соберу хвороста для костров. Сегодня понадобится очень много хвороста...

Много эпох назад, когда Асс и Арионн создавали разумных существ, они придавали им самые различные формы. Но также они наполняли их и самым разным содержанием, причём не материальным, а духовным. Разные существа несли в себе разную искру творения. Поэтому, когда боги разошлись по полюсам сферы, не все разумные расы смогли чувствовать *возмущение*. Кому-то это давалось лучше, кому-то хуже. Кому-то, наверное, не давалось вовсе. Усиление проявлений Хаоса внесло фактор случайности, так, что даже представители одной расы частью имели эту способность, а частью – нет.

Но ещё более удивительные процессы начались чуть позже, когда в мощном поле *возмущения* стали возникать завихрения силы. Были ли они порождены Хаосом, или же это был непреложный закон Неведомого – кто знает? Но эти завихрения уплотнялись, и стали плотными настолько, что неосоздаемое *возмущение* в этих местах приобрело свойства материи. Они не стали материальным в полном смысле слова, но их стало можно увидеть, услышать и даже коснуться. Более всего эти аномалии возникали в мирах, в которых сильна магия.

Так возникли новые сущности Сферы Создания, которые не были непосредственно созданы братьями-богами. Эти сущности не просто ощущали *возмущение* – они сами были им. И это давало им огромные возможности. Не будучи частью процесса создания, сущности-аномалии не вполне соответствовали логике и порядку остального сущего – им были чужды многие понятия, известные иным разумным расам. Но наблюдая за ними, сущности учились. И многие из них переняли чувства и стремления других разумных существ. Иногда – лучшие, но гораздо чаще – худшие. И так во многих мирах возникли новые божества – жестокие, кровавые, требующие жертв и почитания. Своим магическим влиянием они создавали вокруг себя собственный мирок, который подчинялся их прихотям. Они посылали дожди или засухи, насылали болезни и моры, могли вытолкнуть из земных недр богатства для верных адептов...

Усиливающийся Хаос делал эти аномалии более нестабильными, что в свою очередь выражалось в ещё более крайних формах проявления «божественности». Во многих мирах

сущности-аномалии стали настолько сильны, что населяющие их разумные расы забыли Арионна и Асса, и стали поклоняться новым богам. Эти божества были столь велики и сильны, что вбирали в себя всё целиком, приобретая полный контроль над миром. Однако же, по сути своей они оставались всего лишь паразитами, тянувшими свою силу из *возмущения*.

Слава Арионну и Ассу, в мире Паэтты ничего подобного не произошло. Сущности, населяющие мир, были не настолько сильны, чтобы назваться богами. Однако они были, и ждали своего часа.

Мэйлинн открыла глаза. Удивительно – ещё секунду назад она ехала по дороге со своими друзьями, а заходящее солнце освещало им спины, делая тени длинными и причудливыми. Затем она почувствовала внезапную дурноту, и вот уже вокруг неё глубокая ночь с неестественно чёрным небом, неестественно яркими звёздами и луной. Но, что самое страшное, она была одна. Исчезли Бин и Кол, исчезли лошади. Мэйлинн стояла одна на дороге и слышала шёпот. Невнятный, словно слепленный из тысячи шёпотов, он пугал и манил одновременно. И лирра понимала, что доносится он со стороны озера Симмер.

Мэйлинн не знала, что ей делать. Она страшилась шёпота, она страшилась того, кто её призывал, но вместе с тем она и ждала встречи с ним, желала его, испытывая почти физическое возбуждение. Перед лиррой будто бы возникли две дороги, и она, стоя на распутье, никак не могла решиться сделать шаг по одной из них.

Мэйлинн мыслила достаточно трезво для того, чтобы осознать, что всё, что она сейчас видит – какое-то колдовство и наваждение. Она осознавала, что находится сейчас, скорее всего, не совсем в своём мире, а, возможно, в какой-то его проекции. Поэтому она постаралась мыслить более холодно и расчётливо. Как ни странно, это помогло. Особенно радовало, что отпустило, хотя и не до конца, это постыдное возбуждение, туманящее мозг. Мэйлинн поняла, что единственной её надеждой вырваться отсюда будет встреча с тем, кто наслал это наваждение на неё.

– Я иду! – громко сказала она и странное эхо множество раз повторило её слова разными интонациями – от истерически испуганных до истекающих похотью; от нежных до садистски жестоких. Кровь застыла в жилах лирры – она слышала свой голос, но интонации, казалось, были ей совершенно чужды. Или нет? И вот это было самым страшным – вдруг это всё на самом деле есть в ней, но она просто об этом не знает? Пока...

Как только отгремело эхо, Мэйлинн вдруг взвилась в небо. Она винтом вкручивалась в звёздную черноту над собой, так что в конце концов звезды слились в яркие окружности, а луна, находясь строго в центре всего этого безумия, увеличивалась, словно скалясь, и наливалась красным светом.

Мэйлинн даже прикрыла лицо руками, словно действительно боялась удариться о приближающееся светило. Но вознесение вдруг остановилось. Затем лирра помчалась на север с немыслимой скоростью, всего за несколько секунд покрыв расстояние в двадцать миль. И вот она увидела под собой блестящее зеркало озера, окружённое коростой гнилого редколесья и болот.

И тут Мэйлинн стала стремительно падать. Она летела плашмя, раскинув руки и задыхаясь от беззвучного крика. Она пыталась повернуться ногами вниз, или хотя бы сжаться, но тело перестало ей повиноваться. Она просто падала, или это озеро летело к ней с умопомрачительной скоростью.

Мэйлинн застыла в дюйме от водной глади. Резко и даже немного больно. Теперь она висела над озером, всё так же распластавшись и раскинув руки крестом. Удивительно, но ни одежда, ни волосы не купались сейчас в озёрной воде. Напротив, волосы продолжали струиться

вдоль её тела, и даже слегка подниматься вверх, словно от озера шёл лёгкий воздушный поток. Так же и свободные полы плаща слегка вздымались и колыхались над парящей лиррой.

Мэйлинн, чей нос почти касался воды, смотрела на озеро, занявшее всё её поле зрения. Поверхность была ровной, без малейшей ряби и волн. Она была гладкой и прозрачной, зеркальной. От неё отражались яркие звезды и луна. Но только не лирра. Почему-то себя Мэйлинн не видела.

– Ну здравствуй, дочь лесов! – раздался голос прямо из глубин. – Разрешаю тебе говорить!

– Почему – дочь лесов? – как только голосовые связки вновь стали повиноваться, спросила Мэйлинн.

– Какой странный вопрос! – усмешка. – Странный для любого, но не для тебя. Потому что ты сама – очень необычна. И я отвечу тебе. Ты, конечно, этого не знаешь, но твой народ жил в лесах этого мира, который вы называете Паэттой, много-много тысячелетий назад. До тех пор, пока сюда не пришли люди. Тогда ваши вожди решили связать свою жизнь с этим гордым и жестоким племенем. Вы стали строить каменные дома, подобно гномам и людям. Вы стали жить с ними на расчищенных от леса равнинах, пользоваться огнём, выращивать зерно. Так вы предали себя много эпох назад и обрекли на вечную вторую роль.

– Народ лирр никогда не был и не будет на вторых ролях! – крикнула Мэйлинн прямо в глубокие недвижные воды. – Кто ты, и откуда знаешь всё это?

– Кто я? Это очень сложный вопрос. Обитатели этих мест называют меня Симмером. А откуда я знаю?.. Я живу здесь с самого начала этого мира. Я видел его взлёты и падения.

– Так ты – озеро? – спросила лирра. – Живое озеро?

– Озеро – это я, но я – это не озеро, – пришёл ответ. – То, что ты видишь, это лишь видимая часть моей сути.

– Но как же тогда Алия? – озадачилась Мэйлинн. – Она тоже часть тебя?

– Нет. Это просто вода. Я растворен в воде озера, или же она растворена во мне. Но лишь неподвижная и стоячая. Текучая вода – это просто вода.

– А откуда ты знаешь, кто я? – задала Мэйлинн мучающий её вопрос.

– Позволь спросить сначала – а *ты*-то сама откуда знаешь, кто ты? – спросил Симмер. Вопрос был не в бровь, а в глаз. Мэйлинн смешалась, и не знала, что ей ответить.

– Вот видишь! – продолжил Симмер. – Ты не знаешь, кто ты, именно потому ты не можешь увидеть своего отражения в моих водах. Но я могу показать тебе!

– Не надо... – непонятно почему жалобно воскликнула лирра. Казалось бы, она топтала ноги именно ради этого ответа, но сейчас она страшилась его. Наверное, главным образом потому, что не доверяла тому, что ей могла явить эта таинственная сущность.

Однако протест Мэйлинн не был услышан, или же не был принят во внимание. Лирра вдруг увидела себя в водах озера, хотя, казалось бы, что увидишь с такого расстояния? Тем не менее, Мэйлинн видела всё прекрасно. Она увидела себя, но не такую, какой она висела сейчас над пропастью озера. Она видела себя в чёрно-алых нарядах, с большой мангиловой короной на голове. Та, другая Мэйлинн сидела на странном чёрном троне, состоящем, казалось, сплошь из изломанных линий. И эти линии выглядели пугающе. Хотя, не так пугающе, как сидящая на троне лирра. Жестокий, холодный взгляд, которым она уставилась на Мэйлинн, пробирал насквозь. Королева-Мэйлинн медленно подняла чёрный жезл и указала им на наблюдающую Мэйлинн. И расхохоталась. Это был жуткий смех сумасшедшего...

...И тут же она исчезла. А на её месте оказалась другая Мэйлинн – магиня. От неё так и веяло силой, хотя никаких телесных увечий видно не было. Магиня стояла у ворот какого-то города. Какого – Мэйлинн не знала. Но вот она подняла руки кверху, на секунду застыла, и затем просто опустила их. И вдруг толстые каменные стены города разлетелись на миллиарды осколков...

...И на смену тут же пришла новая картина. Обычная Мэйлинн, в почти таком же дорожном костюме, как сейчас, стояла на палубе корабля. Ветер трепал ещё более короткие волосы, чем обычно. Та Мэйлинн смотрела куда-то вдаль и смеялась. На этот раз смех был чистым и радостным. Наверное, подумалось нынешней Мэйлинн, она достигла какой-то новой неизведанной земли...

...И вот уже вместо палубы корабля – аляповато и безвкусно обставленная комната. На широченной кровати сидит голый плотоядно ухмыляющийся немолодой толстяк. А рядом... У Мэйлинн выступили слёзы. Рядом она увидела себя. Та, другая Мэйлинн была почти полностью обнажена, если не считать небольших чёрных полосок кожи. Более того, она стояла на четвереньках, а на шее её был надет массивный кожаный ошейник с длинными металлическими шипами. Цепь от этого ошейника была в руках того самого толстяка. Мэйлинн поняла, что это – публичный дом. Может быть, даже тот самый, в Латионе, где можно найти партнёра любой расы и пола...

...Хвала богам – картинка сменилась на белую ярко освещённую комнату. Посередине стоял стол, подобный тем, которые используют медикусы Латионской академии для препарирования трупов. И на этом столе лежала Мэйлинн. Её руки были плотно прихвачены к столу ремнями. На её обнажённое тело небрежно была наброшена белая простыня, кое где покрытая пятнами крови. А у стола возились несколько человек, в которых Мэйлинн узнала некоторых своих преподавателей из Наэлирро. Распятая на столе Мэйлинн жутко кричала, потому что прямо сейчас ей в вену через полую прозрачную трубку вливали какой-то бурый раствор...

– Хватит! – полным мук голосом воскликнула Мэйлинн и что было сил ударила по водной глади кулаками. В брызгах и кругах изображение исчезло, а когда рябь улеглась, Мэйлинн увидела лишь себя – с искажённым лицом и полными слёз глазами.

– Вот видишь, – удовлетворённо проговорил Симмер. – Я совершенно не знаю – кто ты, Мэйлинн Айрига! Потому что ты можешь стать одной из них, или не стать ни одной из них. Твою судьбу сейчас не предсказал бы сам Первосоздатель.

– Я знаю – кто я! – яростно возразила лирра. – Я – Мэйлинн. И пока этого вполне достаточно. Я найду свою дорогу...

– А я помогу тебе её отыскать, – перебил Симмер. – Я стану твоим путеводителем, а ты станешь моей провозвестницей. Вместе мы сотворим новый мир, и он будет таким, каким захочешь ты, Мэйлинн. Ты сама не представляешь, насколько ты уникальна. Я помогу тебе понять это. И стать настолько могущественной, насколько ты сама захочешь.

– Что можешь ты, если все эти тысячелетия просто проплескался тут, среди гнилых болот? – со всем презрением, на какое была способна, спросила лирра.

– Я могу очень многое, но не всё. И именно для этого мне нужна ты.

– Ну тогда у меня плохие новости для тебя. Ты меня не получишь! – резко ответила Мэйлинн. – Я ведь прекрасно понимаю, что сейчас я нахожусь совсем не здесь, и ничего этого нет вокруг меня. Ты как-то пробрался в мою голову, как подлый домовник через незапертое окно. Но в таком виде я для тебя бесполезна, и тебе придётся вернуть меня в тело. И как только это произойдёт, я уйду туда, где тебе меня не достать. Я ведь знаю, что твоё влияние невелико – ты смог дотянуться до меня лишь тогда, когда я подошла достаточно близко.

– Что ж, я предполагал такой исход событий, – проговорил Симмер. – И подготовился к нему. Мои гоблины уже близко. Они возьмут тебя и принесут сюда. Здесь, на берегах озера, я найду средства заставить тебя передумать. Я не позволю тебе глупо пропасть! А это неизбежно. Знаешь ли ты, самоуверенная Мэйлинн, что меньше чем в миле от того места, где пребывают твои друзья и ты, сейчас находятся шесть человек, которые прибыли, чтобы захватить тебя и доставить в Наэлирро? Это очень опасные люди. Они без труда убьют твоих спутников и схватят тебя. Ты окажешься в замке, а что там с тобой сделают – ты сама прекрасно знаешь. Так что – выбор за тобой. Я бы на твоём месте не противился моим гоблинам. Тогда твои

спутники останутся целы. Если, конечно, их не прикончат те, кто пришёл за тобой. А теперь – возвращайся обратно. Но я буду ждать тебя!

– Слава Арионну! Мэйлинн! Кол, она очнулась! – Бин схватил руку лирры и прижал к себе. – Что с тобой было? Мы чуть с ума не сошли от волнения.

– Говори за себя, – спокойно произнёс Кол, вставая с колен и отряхивая руки. Он как раз разжёг очередной костёр. – Лично я знал, что всё будет хорошо! – не смотря на видимое спокойствие, было заметно, какую радость и какое облегчение испытывает бывший легионер.

– Гоблины! – Мэйлинн резко села.

– Что? – бледнея, переспросил Бин.

– Гоблины... – за лирру ответил Кол, глядя на недалёкие заросли кустарника. Они словно зашевелились, а затем оттуда появились невысокие тени.

Глава 18. Бегство

– Они неподалёку, – тихонько доложил Варану вернувшийся из разведки мастер Книгочей. – Разбили лагерь.

В последние дни отряд Варана несколько раз натёкался на стоянки беглецов. Судя по их взаимному расположению, лирра не слишком-то торопилась. Даже без смены лошадей охотники за головами покрывали в день вдвое, а то и втрое большие переходы. В очередной раз Варан мысленно поблагодарил сарассанцев за выведение такой бесподобной породы лошадей. Варан рассчитал, что встреча с целью как раз должна произойти сегодня. И не ошибся.

Сегодня охотники двигались медленнее обычного. Во-первых, чтобы не попасться наглую торопливости. Во-вторых, потому что операцию решено было проводить ночью – с преследуемых станется ночевать и без караула! Вообще Варану было даже несколько обидно. Ему и раньше приходилось выслеживать беглецов, но ни один из них не вёл себя столь опрометчиво и безалаберно. Но догнать лирру мало, – тут же одёргивал он себя, – куда важнее схватить её живой и доставить по месту назначения.

Итак, солнце уже садилось, будущие жертвы разбили лагерь. Нужно выдвигаться на позиции – подготовить всё к операции. Только идиот ломится напролом. Поэтому, оставив лошадей привязанными к деревьям, шестеро охотников легко и скрытно двинулись к лагерю беглецов. Предварительно Варан ещё раз провёл инструктаж своих людей. Лирру – живой и невредимой. Остальных – по ситуации. Старший, Брос, может быть очень опасен. С ним держать ухо востро. Все мастера молча кивнули в знак того, что поняли.

Прошли уже больше полумили. Чуткий нос Варана уловил запах дыма. Кажется, в этот раз костёр значительно больше предыдущих. Или, скорее всего, костров несколько. Старый приём защиты от гоблинов. Что ж, это слегка усложняет задачу. Одно дело – подойти к трём спящим людям вокруг одного костра, другое – пробраться в огненный круг. Причём, старый вояка Сан Брос наверняка ещё и установит непрерывный караул... Эх, неудача! Кабы догнать их на день раньше!.. Но, впрочем, Варан не привык сетовать на обстоятельства. Он был из тех людей, которые предпочитали не приспособливаться к ситуации, а создавать её.

Охотники шли скрытно, кроме того, они подбирались к добыче с запада, так что в случае чего Варан рассчитывал и на садящееся солнце, которое скроет их от целей. Вот до предполагаемого места стоянки осталось не более пары сотен ярдов. Здесь запах дыма был уже весьма ощутим – всё-таки вблизи болот было довольно сыро, поэтому даже сушняк дымил весьма прилично. Варан как раз поднял руку, чтобы лишний раз предостеречь спутников от лишнего шума, как вдруг впереди раздались крики и какой-то странный улюлюкающий визг. Неужели заметили? – мелькнула мысль. Но Варан тут же её отнёл, как абсолютно невозможную. Кроме того, он уже понял причину шума.

– Гоблины напали! – вставая во весь рост и обнажая меч воскликнул Варан. – Все за мной! Помните: с головы лирры не должен упасть даже волос!

Шестеро бросились на помощь тем, кого собирались захватить или убить. Вот уже видны отблески костров между деревьями, явственно слышны визги наседающих гоблинов, перемежающиеся с бранью людей. Вот уже видны мелькающие между деревьев мелкие тени, вооружённые дубинками и рогатинами. Но вдруг оранжевый свет костров стал постепенно тонуть в нарастающем голубоватом сиянии. Варан моментально вспомнил свой последний разговор с Командором и дико крикнул:

– Все назад! Живо!!! – и сам бросился бежать.

И тут сзади раздался грохот, перекрываемый гулким треском ломающихся стволов и истошным визгом гоблинов. Ещё спустя секунду что-то толкнуло Варана в спину, подняло его

над землёй и швырнуло, словно куль с зерном. Подбородок с неприятным хрустом врезался в землю, и Варан отключился.

– Не волнуйтесь, – подчёркнуто спокойно поигрывая мечом, словно взвешивая и примеряясь к нему, проговорил Кол. – Это всего лишь маленькие поганцы. Они не смогут причинить нам вреда. Да они к нам даже не подойдут – слишком боятся огня.

– Но они вооружены! – тревожно ответил Бин. Он уже начал было считать, что вполне сносно владеет кинжалом, но сейчас вдруг вновь чувствовал растерянность и беспомощность.

– Да... Вижу... – мрачно процедил Кол.

Действительно, гоблины, которых уже сейчас было видно несколько десятков, держали в руках либо грубые деревянные рогатины длиной около шести футов, либо короткие увесистые дубинки. От наших друзей их отделяли какие-нибудь двадцать-тридцать шагов. Пока что зелёные твари не спешили подбираться. Они постепенно окружали добычу, организовав что-то вроде полукольца. Гоблины противно улюлюкали и визжали. И от этого становилось страшно. Несчастные лошади, привязанные к веткам, ржали и бились, пытаясь освободиться.

– Они пришли за мной, – сказала Мэйлинн.

– В каком смысле? – не понял Кол.

– Они хотя забрать меня и унести к нему... – плечи лирры поникли.

– К кому это – к нему? – раздражённо воскликнул Кол. – Ты не могла бы пока перестать говорить загадками?

– Сейчас я разговаривала с Симмером. Он сказал, что я ему нужна, и что он послал гоблинов за мной.

– Симмер – это озеро, что ли? – озадаченно переспросил Кол.

– Да... Нет... Не знаю... – почти простонала Мэйлинн. – Наверное, это какой-то демон древних времён. И ему зачем-то нужна я. Кстати, он сказал, что за нами охотятся какие-то люди, которые хотят отвезти меня в Наэлирро.

– Ассова задница... – прошипел Кол. – И почему я, дурак, решил, что никто не станет нас преследовать? Надо было спешить – мы бы уже были в Пунте...

– Ты не виноват... – ответила лирра.

– Они подходят! – подал голос Бин.

И действительно, гоблины (теперь их было по самым скромным прикидкам около сотни) стали потихоньку приближаться. По их мордам было видно, что они жутко боятся огненной стены, отделяющей их от людей, но какая-то воля, куда более сильная, чем их собственная, неуклонно толкала их вперёд. С оскаленных зубов, мелких, но острых, капала слюна, глаза жутко отсвечивали в свете костров. Подвывая, может быть даже и от ужаса, гоблины шаг за шагом приближались к горстке людей.

– Ладно, будем решать проблемы по одной. Сначала нужно разобраться с гоблинами, – громко, чтоб вселить уверенность в друзей, воскликнул Кол. – Хватайте горящие ветки из костров. Старайтесь держать их на расстоянии и бить по одному.

– Наши лошади! – вскричал Бин.

Действительно, гоблины подошли довольно близко к лошадям, и те просто взбесились. С их губ срывались хлопья пены, глаза яростно вращались, ржание было хриплым и надрывным. И вдруг одна из ветвей, к которым были привязаны несчастные животные, не выдержала и сломалась. Сразу две лошади оказались на свободе. Кол, громко помянув Асса, рванулся, пытаясь ухватить их под уздцы. Но ничего не вышло. Зато он оказался слишком близко к гоблинам, и несколько штук тут же набросились на него.

Широко махнув горячей ветвью, Кол отогнал нападающих от себя. Гоблины взвыли и отпрянули, а Кол вновь поспешил в центр огненного круга. Теперь расстояние между ними и

гоблинами составляло не более десяти-пятнадцати шагов. Гоблины были уже у самой огненной границы, и было ясно, что достаточно одного отчаянного порыва, одного усилия жестокой воли Симмера, чтобы эта граница была сметена.

– Встаньте как можно ближе ко мне! – прокричала Мэйлинн. В её руке, поднятой высоко вверх, лежал небольшой фиал, словно вырезанный из куска горного хрусталя. Внутри билось холодное голубоватое свечение. Очевидно, это был ещё один трофей из Наэлирро.

Кол и Бин послушно сбились в кучу, выставив вперёд оружие и горящие ветви.

– Во что бы то ни стало, не отходите от меня ни на шаг! – кричала, стараясь перекрыть вой и визжание гоблинов, Мэйлинн. – Если вы отойдёте хотя бы на пару шагов, вам будет очень плохо!

С этими словами она сжала кулак. Фиал казался весьма прочным, однако же сейчас он неожиданно легко хрустнул. Осколки впились в руку лирры, хлынула кровь. Та поморщилась, но тут же сильным и звучным голосом произнесла несколько слов по-лиррийски.

И тут голубоватое сияние стало быстро растекаться полусферой вокруг прижавшейся друг к другу тройцы. Это было похоже на движение голубоватой прозрачной стены. Вот она достигла оставшихся привязанных лошадей, и потащила их, несмотря на то что те пытались упираться копытами в землю. Уздечки лопнули, или же не выдержала ветвь – этого сейчас было не разглядеть. В конце концов лошади просто упали и их поволокло по земле. Так же стена разметала костры. Искры, уголья и горящие ветки разлетались в стороны, осыпая визжащих гоблинов. Но теперь и сами гоблины упирались в стену, и та отжимала их всё дальше от центра сферы. В конце концов вокруг друзей образовался купол с радиусом около двадцати ярдов.

– Сейчас будет самое неприятное, – как-то чересчур спокойно и буднично произнесла лирра. – Поле начнёт сжиматься обратно, выбрасывая при этом огромную энергию. Это будет похоже на очень мощный взрыв.

– А как же мы? – воскликнули хором мужчины.

– Защитная стена не будет давать энергии взрыва проникать внутрь сферы. Внешние слои будут сгорать, но следующие будут защищать нас. Чем меньше будет радиус сферы, тем меньше энергии будет высвобождаться. Так что мы с вами почувствуем лишь лёгкий удар. Но те, кто сейчас за стеной... Им не поздоровится...

И тут начало происходить то, о чём предупреждала Мэйлинн. Раздался мощный звук, похожий на звук взрыва, и пространство вокруг друзей полыхнуло голубым. Сфера стала стремительно схлопываться с непрекращающимся грохотом. Кол видел, как деревья словно взрываются изнутри, расщепленные стволы разлетаются во все стороны. Та же судьба постигла и гоблинов. Их тела тонули в голубом свечении, которое обжигало и коржило их.

Когда сфера уменьшилась настолько, что уже не могла покрывать полностью три неподвижно стоящие фигуры, Кол действительно почувствовал неприятный удар, словно бы даже не снаружи, а изнутри тела. Конечности тут же онемели, словно были долго перетянуты верёвкой. В голове стало шумно и темно, и все трое рухнули на землю. А у Мэйлинн начались судороги. Это был очередной припадок. Третий за минувшие три дня.

Варан постепенно приходил в себя. Ему казалось, что он, кружась, падает в пустоту. Однако, кое-как разлепив глаза, он увидел, что всё ещё лежит на земле лицом вниз. Звон в ушах стоял такой, словно его поместили в самый центр большого колокола, кои любят вешать в своих храмах протокреаторианцы. Рот был полон крови – при падении он врезался в землю нижней челюстью, да так, что раскрошилось несколько передних зубов. Кроме того, он прокусил язык, лишь чудом не откусив его полностью. Также резко болела рука, подмятая его телом. Варан попытался перекатиться на спину, и рука отозвалась ещё более сильной болью. Сломана, понял мастер Теней. Кое как оглядев руку, почувствовал облегчение. Перелом закрытый.

Однако, нужно вставать. Мастер шестого круга не может позволить себе валяться на земле, как барышня в будуаре. Сцепив зубы, Варан заставил себя сесть, опираясь на здоровую руку. Мир вокруг плясал в сумасшедшем танце, земля норовила выскользнуть из-под раненого мастера. Однако, посидев не более минуты, Варан с глухим стоном поднялся на ноги. Его шатало, подкатывала тошнота (не иначе, как ещё и сотрясение мозга), но Варан упрямо стоял. Благо, рядом торчало чахлое болотное деревце, о которое можно было опереться здоровой рукой.

Постояв некоторое время, Варан приказал себе идти. Нужно было найти своих людей. Во время взрыва они были позади него. К сожалению, не сумели быстро среагировать на столь неожиданную команду командира. Теперь нужно посмотреть, что с ними. Варан медленно зашагал в сторону эпицентра взрыва.

Первым он увидел мастера Книгочея. Он лежал, вытянувшись, на земле – руки впереди, словно он собирался нырять куда-то. Но – увы! – больше выпивохе-философу Книгочею не понырять. В спине его торчал большой кусок дерева, отщепившегося от одного из разорванных стволов. Варану не нужно было нагибаться, чтобы понять, что тот совершенно и бесповоротно мёртв.

Совсем недалеко от Книгочея лежал Окорок. Точнее, он даже полусидел, опираясь на свои руки. Поперёк него, в области таза лежал ствол дерева. Не очень толстый – около фута в толщину и около десяти – в длину. Варан сначала даже не понял – что мешает такому дюжему малому, как Окорок, просто откинуть в сторону эту деревяшку. Но взгляд, которым Окорок смотрел на ствол и свои ноги за ним, дал страшный ответ на немой вопрос.

Не говоря ни слова (да и что он мог сейчас сказать прокушенным языком?), Варан мягко подошёл к старому другу и присел рядом с ним на корточки. Взглянул прямо в глаза. Окорок в ответ как-то виновато улыбнулся и вновь перевёл взгляд на ноги. Варан вынул кинжал (кстати, он только сейчас вспомнил, что его меч валяется где-то, а он даже забыл о его существовании на время) и легонько ткнул Огорока в голень. Тот отрицательно покачал головой. Всё было понятно и так, но Варан отчего-то никак не хотел в это верить. Он снова ткнул кинжалом, на этот раз куда сильнее. Из укола засочилась кровь. Всё так же спокойно и несколько виновато Окорок пожал плечами и вновь покачал головой. Затем он указал на кинжал Варана и провёл себе пальцем по шее.

Варан резко и сильно замотал головой из стороны в сторону.

– Я... эпя... ыху... – сплёвывая кровь, кое-как промычал он: «Я тебя вытащу».

Несмотря на это, Окорок понял смысл слов своего мастера. И в третий раз помотал головой. Они понимали друг друга без слов. «Даже если вы меня вытащите, что маловероятно, поскольку вы и сами сильно ранены; даже если мы доберёмся домой, что опять же кажется не слишком вероятным сейчас; но что, в таком случае, я буду делать? Всю жизнь лежать в кровати, мочиться под себя и вспоминать славные деньки?». «Мы обязательно выберемся, дружище, ведь мы – лучшие из лучших! Потом мы найдём самого талантливого медикуса, который поставит тебя на ноги. Если нет – обратимся к магам. Не может быть, чтобы ты навеки остался прикован к кровати!». «Вы сами не верите в свои слова. В глубине души вы осознаете, что смерть – единственное для меня лекарство сейчас. Я точно знаю, что если бы вы были на моём месте, вы просили бы меня о том же».

Варан медленно и тяжело кивнул, встал и подошёл к Окороку сзади. Вновь присев на корточки, он крепко обнял друга здоровой рукой, державшей кинжал. В ответ Окорок положил на его руку одну из своих ладоней и приободряюще похлопал по ней. Так они сидели несколько секунд, затем Окорок легонько сжал предплечье Варана и убрал руку. А через долю секунды он захрипел, а на грудь хлынула кровь. Варан резким движением убрал руку, которой обнимал товарища, при этом клинок рассёк тому горло. Окорок завалился на спину, но перед смертью всё-таки успел улыбнуться ещё раз. И закрыл глаза.

Какое-то время Варан просто отупело смотрел на мёртвого друга. Красное пятно на его груди, казалось, увеличившись, застилало Варану взгляд. Но в конце концов мастер всё же двинулся с места. Оставалось найти ещё трёх товарищей.

Мастер Двенадцатый быстро и мелко дышал, лёжа на спине. Его правая нога была покрыта кровью, вокруг натекла уже огромная лужа. Сам мастер был бел, как снег. Глаза его были закрыты и было непонятно – в сознании ли он. Беглого взгляда хватило, чтобы понять, что у двенадцатого сына в семье разорвана бедренная артерия. И что жить ему осталось считанные минуты, а скорее даже, судя по размерам кровавой лужи, считанные секунды. И действительно, Варан только наклонился, чтоб приложить руку к щеке Двенадцатого в последнем прощании, как тот, передёрнувшись, перестал дышать.

Боковым зрением Варан увидел какое-то движение неподалёку. Тренированное тело отреагировало, несмотря ни на какие раны. Быстро развернувшись, Варан стал в боевую стойку. И увидел бредущего к нему мастера Дора. Тот шатался и шёл, приложив к ушам руки, из-под которых текли струйки крови. Мутным и невидящим взглядом мастер Дор взглянул на своего начальника. Он раскрывал рот, пытаясь что-то сказать, но лишь сипел. Слава богам – хоть один жив! Контужен, конечно, но это поправимо. Варан увидел, что неподалёку от Дора, позади него было что-то вроде небольшой берлоги, образованной выкорчеванным с корнем деревом. Причём дерево упало задолго до взрыва, по каким-то своим причинам. Видимо, именно туда успел нырнуть мастер Дор, что и спасло ему жизнь.

Что ж, осталось найти последнего. Увы, мастер Гвоздь оказался ближе всех к эпицентру взрыва. Тут уже валялись и искорёженные тельца гоблинов. Тело Гвоздя представляло собой один огромный кровоподтёк, словно все его сосуды и мышцы просто лопнули. Впрочем, скорее всего, так оно и было.

Вот он, итог пути, поначалу казавшегося таким до обидного лёгким. Четверо из шести мертвы, а те, кто выжил, вряд ли смогут связать сейчас даже козлёнка, не говоря о магине, способной на такое. И Варану было абсолютно наплевать – своими ли способностями она этого достигла, или какими-то мощными артефактами. Было очевидно, что сейчас, в данный конкретный момент, он не способен задержать лирру.

Мастер шестого круга Варан славился тем, что он не провалил ни одного задания. И в первую очередь потому, что умел трезво оценить ситуацию и не лезть на рожон. Когда отступаешь по собственному разумению, это уже не отступление, а тактический манёвр. Так же поступали вараны на его родине – скрывались от опасности в зарослях травы, а затем наносили стремительный удар по приблизившемуся слишком близко преследователю.

Сделав жест мастеру Дору, приглашая его присесть на землю, сам Варан осторожно двинулся дальше. Нужно было выяснить, что случилось с лиррой и её спутниками. Здесь уже взрыв поработал на славу – деревья были поломаны и искорёжены, даже трава полегла. Повсюду – ошмётки гоблинов, ветки, расщепленные стволы. Варан, забыв про боль, змеёй приблизился к эпицентру, насколько было возможно, то есть примерно на тридцать-сорок шагов. Дальше была лишь голая земля. Отсюда он отчётливо видел цели своего преследования. Они были так близко... И их было всего двое...

Кол очнулся от резких болезненных ударов. Ещё не открыв глаза, он узнал источник этих ударов. Мэйлинн. У неё снова припадок, и сейчас она колотится о землю, а также об Кола и Бина, поскольку все трое лежали вповалку. Кол привычным уже движением навалился на несчастную лирру, прижимая её к земле. Бин тоже очухался и занял своё место в ногах девушки. Обоим было очень плохо, но это сейчас было не главным.

В конце концов судороги прекратились, и мужчины устало скатились с притихшей лирры на землю. Сумерки были уже довольно плотными. Вокруг стояла удивительная, испуганная

тишина. Вероятно, всё живое в округе либо погибло, либо бежало, либо забилося в самые глубокие норы, которые смогло отыскать. Очевидно, что все гоблины были мертвы. А преследователи?..

Несмотря на слабость и боль, Кол моментально вскочил на ноги и стал напряжённо озираться по сторонам. Вокруг было тихо, никого видно не было. Правда, в спустившихся сумерках можно было разглядеть не более, чем на пятьдесят шагов.

– Мэйлинн сказала, что нас преследуют... – хрипло проговорил Кол Бину. Тот тоже поднялся на ноги.

– Может, они тоже погибли? – с робкой надеждой спросил Бин.

– Может быть. Но пока мы этого не знаем наверняка, нам нужно как можно быстрее двигаться к Пунту. Сейчас мы не можем оказать серьёзного сопротивления.

– Как нам двигаться к Пунту, когда мы остались без лошадей? – с тихим отчаяньем спросил Бин.

– Я не думаю, что те две лошади, что убежали, уйдут далеко. Уверен, что они вскоре вернутся поближе к людям. Надо только поискать.

– Сейчас? Ночью?

– Увы, но нужно сейчас. Надо как можно быстрее покинуть это место. Где-то неподалёку люди, которые разыскивают нас, не говоря уж о том, что Симмер может прислать новых гоблинов. А уж после того представления, что устроила наша подружка, самый глухой и слепой охотник найдёт нас в два счета.

– А как же Мэйлинн? – тревожно спросил Бин.

– Кажется, она снова впала в транс... Должно быть, Симмер вновь пытается её заманить... – приглядевшись, ответил Кол. Действительно, лирра вновь находилась в необычном забытии, не похожем на те, что бывали после припадков. Правда, в этот раз оно не было похоже и на предыдущий транс. Тогда Мэйлинн лежала, не шевелясь и почти не дыша. Теперь же её зубы тихонько стучали, словно лирру бил озноб, а глазные яблоки под неплотно прикрытыми веками быстро и хаотично двигались.

– Надо её разбудить! – вскричал Бин, бросаясь на колени рядом с Мэйлинн.

– Попробуй. Хотя не думаю, что у тебя получится... – пробормотал Кол. – Только не здесь...

Бин, не смотря на эти слова, принялся тормошить лирру, звать по имени, даже бить по щекам. Но ничего не помогало. Мэйлинн находилась в глубоком транс.

– Ладно, ты оставайся с ней, а я, пожалуй, поищу лошадей. Надеюсь, они не слишком далеко ушли, – Кол поудобней перехватил меч и двинулся в том направлении, в котором убежали обезумевшие от ужаса лошади.

Бин не оставлял тщетных попыток привести лирру в чувство. Он с отчаяньем смотрел в её лицо, представляя, как она сейчас мучается в смертельной борьбе с жутким демоном. А он в очередной раз ничем не мог ей помочь!.. В бессилье Бин положил голову на грудь Мэйлинн, и по его щекам потекли слёзы.

Через некоторое время Бин вдруг почувствовал чьё-то присутствие рядом. Должно быть, Кол вернулся.

– Ну что, не нашёл? – поднимаясь, и утирая щеки, спросил он.

В десяти шагах стоял человек. Его правая рука висела плетью. В левой был зажат кинжал. Лицо и грудь были покрыты кровью. Видно, человеку очень досталось, но Бин ни на секунду не сомневался, что от этого тот не стал менее опасным. Тем не менее, Бин вскочил, выставив вперёд кинжал, и загородил собой Мэйлинн.

– Ты её не тронешь! – как можно более грозно попытался сказать он. Однако срывающийся от страха и слабости голос, а также дрожащие руки, испортили всё впечатление.

Варан, слегка прихрамывая, двинулся вперёд. Он даже не смотрел на Бина. Этот мелкий щенок (пусть он всего на несколько лет моложе самого Варана, но всё же он просто мелкий щенок) совершенно не заботил охотника. Его тьяканье в другой момент даже позабавило бы Варана, но сейчас ему было не до смеха. Он был ранен, собственноручно убил лучшего друга, его ждал долгий переход с опасной лиррой на руках. Поэтому в этот момент Варан видел перед собой лишь бесчувственное женское тело (дай ему боги как можно дольше оставаться бесчувственным!).

Расстояние между Вараном и Бином сократилось до пары-тройки шагов. Бин был в растерянности. Он уже чувствовал себя героем в борьбе со стволами деревьев, но сейчас перед ним стоял сильный и опасный враг. Всё, чему учил Кол, выветрилось из головы, остался лишь страх за себя и Мэйлинн. И бьющееся где-то на краешке сознания понимание, что он не может её подвести. Поэтому, когда до врага осталось не более двух шагов, Бин нанёс удар. Однако Варан коротким взмахом кинжала, зажатого в левой руке, парировал этот удар и вышиб оружие из дрожащей руки парня. Затем он просто ударил Бина в лицо кулаком, в котором была зажата рукоять. Убивать мальчишку не хотелось – хватит на сегодня смертей.

Бин, отлетев на пару шагов, рухнул и затих. Варан подошёл к лирре. Без сознания, но при этом глаза бегают под опущенными веками, а зубы выстукивают дикий ритм. Какой-то магический транс, понял Варан. Хорошо это или плохо для него – этого он понять пока не мог. Будем надеяться, что использование магического артефакта выпило силы из лирры, и она надолго останется в таком состоянии.

Проклятая рука! Придётся каким-то образом действовать левой. Но для этого кинжал пришлось убрать в ножны. Затем Варан наклонился, чтобы поднять лирру и закинуть себе на плечо. Девушка была миниатюрной и худенькой, но в теперешнем состоянии это стало для Варана тяжёлой задачей. Он подсел, пытаясь поудобней подхватить обмякшее тело. Проклятая правая рука рефлекторно пыталась помогать, отчего всякий раз её пронизывала нестерпимая боль, и Варан легонько стонал. Однако, нужно спешить. Второй, этот центурион Брос, может вернуться в любой момент...

Резкая боль пронзила правую нижнюю часть спины где-то в области почки. Варан машинально протянул туда руку и с удивлением обнаружил рукоять кинжала, который торчал в его боку. Он повернул голову. В четырёх шагах от него стоял Бин. Из губы его сочилась кровь, но лицо было искажено торжеством и ненавистью.

– Я же предупреждал, чтобы ты её не трогал! – прокричал Бин.

Варан попытался было подняться, но ноги предательски подломились, и он рухнул прямо на распростёртую перед ним лирру. Внезапно боль ушла из его тела, вместо неё по жилам растеклось неожиданное тепло. Однако спустя лишь секунду ледяной холод сковал его конечности и стал двигаться к сердцу. Он пытался дотянуться до кинжала в своих ножнах, но рука ему более не повиновалась. А затем наступила тьма.

На сей раз не было ни звёзд, ни луны, ни даже земли. Мэйлинн стояла посреди клубящегося ничто. Ни верха, ни низа не было. Она стояла, борясь с тошнотой и стараясь не смотреть под ноги, поскольку разум бунтовал против возможности стоять на пустоте. Поэтому сначала Мэйлинн просто стояла с закрытыми глазами, стараясь вернуть себе хотя бы подобие присутствия духа. Удивительно, но это у неё получилось. Теперь вот глаза были открыты. Ещё немного, и она заставит себя смотреть вниз. Затем – идти. Конечно, именно идти будет страшнее всего, но стоять на месте Мэйлинн не собиралась. Ещё вот и Симмер молчит, словно его тут нет. Мэйлинн уже даже слегка соскучилась по его болтовне, поскольку это давало хоть какую-то определённую.

Через какое-то время, старательно смотря чуть выше воображаемого горизонта, Мэйлинн осторожно сделала шаг вперёд. Когда не видишь, что под ногами ничего нет, идти вполне можно. По ощущениям ничем не отличается от обычной земли. Главное – не смотреть вниз. Шаг, другой... Шаг, другой... Куда идти – абсолютно неважно, ведь повсюду одна и та же клубящаяся хмарь. Сейчас главное – спровоцировать Симмера проявить себя. Поэтому – шаг, другой...

Снизу стало разрастаться оранжевое сияние. Непроизвольно взглянув туда, Мэйлинн обмерла: где-то далеко внизу раскинулось озеро расплавленной магмы. Не смотреть, просто идти вперёд – только и успела приказать себе лирра, как пустота перестала её держать. Испуганная лирра рухнула вниз, прямо во вспухающую огненными пузырями массу.

Как и в прошлый раз, падение прекратилось незадолго до поверхности. Мэйлинн вновь парила, распластавшись вдоль поверхности кипящей магмы, и горячие серные испарения дышали ей прямо в лицо. Поднимающиеся потоки раскалённого воздуха развеивали волосы и одежду.

– Вот ты снова здесь, – наконец-то послышался голос Симмера.

– Мы оба знаем, что я не здесь, – как можно небрежнее ответила лирра.

– Это не так уж и важно, – ответил Симмер. – Я держу в плену твою душу, а тело рано или поздно всё равно станет моим. Признаться, не ожидал от тебя такой мощи. Но она ведь не твоя, верно?

– Какая разница, раз посланные тобой гоблины мертвы? – Мэйлинн старалась впустить в свой голос побольше царственной холодности, но не была уверена, что у неё получалось.

– Да, разницы нет, – согласился Симмер. – Но если ты думаешь, что у меня не хватает гоблинов – ты ошибаешься. Уж в чём-чём, а в гоблинах на болотах недостатка нет. Через пару часов новый отряд будет на месте. Не думаю, что твои друзья смогут за это время далеко уйти, да ещё и неся твоё тело на себе.

Мэйлинн презрительно хмыкнула, хотя внутри всё леденело от ужаса.

– Но даже если мои гоблины и не преуспеют, ты навеки останешься здесь! – пророкотал Симмер. – Твоя душа будет томиться в этом мире, а затем, когда она сойдёт с ума, я выпущу её в болота. Ещё один злобный дух там не помешает. Ты не знаешь, на что я способен, когда мне перечат! Согласись – и ты ни в чём не будешь знать отказа. Я научу тебя всему. Мы сломаем этот нелепый дефект твоей природы, который мешает тебе владеть магией даром, не принося себя в жертву. И самые сильные колдуны этого мира будут подвывать в ужасе, вспоминая твоё имя.

– Но если ты откажешься, – продолжал демон. – Тебя ждёт поистине ужасная участь. Я стану пытаться и насиловать твою душу. Поверь, телесные муки по сравнению с этим – ничто. Я заставлю тебя скулить, я заставлю тебя забыть речь, забыть своё имя, забыть, что ты – разумное существо. От твоей души ничего не останется, и это ничего я скомкаю и растреплю в лоскуты. Ты будешь завидовать самому последнему гоблину, самой последней пиявке в этом болоте.

– Ты слишком много говоришь, но это – признак слабости, – на этот раз с совершенно искренним презрением ответила лирра. Ей стало вдруг совсем не страшно. – Ты древний и могучий, но могущество твоё не распространяется дальше гнилой лужи вокруг тебя. Ты можешь много говорить и много пугать, но ты ничего не можешь сделать. Признаюсь, поначалу я страшилась тебя. И тогда, возможно, я бы хоть на секунду задумалась над твоими словами. Но теперь они меня лишь смешат! Смотри! – и с этими словами Мэйлинн сунула руку прямо в кипящую магму. Однако обжигающее варево отпрянуло от белой кисти лирры, обнажая под собой всё ту же пустоту. Всё это огненное озеро было не более чем мороком.

Мэйлинн расхохоталась, потому что услышала гневный рёв Симмера. Её вновь понесло вверх, затем вниз, затем её стало швырять из стороны в сторону, как ребёнок треплет свою игрушку, но лирра лишь смеялась. Теперь-то она твёрдо знала, что, во всяком случае пока,

Симмер не имеет над ней власти. Кто знает, что будет, если он добудет её тело, но Мэйлинн была уверена в своих друзьях. Она знала, что Кол и Бин её спасут.

Когда ярость демона стихла, Мэйлинн оказалась лежащей на каком-то каменном полу. Было ли это подземелье – трудно сказать, потому что ни стен, ни потолка не было видно из-за гнилостно-желтоватого тумана. Мэйлинн, хотя и была уверена в своих силах, однако не знала, как долго её душа сможет сопротивляться столь могучему существу. Поэтому она решила, что будет бороться из последних сил. Встав на ноги, Мэйлинн бросилась бежать. Неважно куда, но бежать как можно дальше и дольше. И тогда рано или поздно выход найдётся.

Бин сидел на земле, положив подбородок на поджатые колени, и, не отрываясь, смотрел на убитого им человека. Теперь он лежал примерно в десятке шагов от Мэйлинн, и между ними горел огромный костёр. Стало уже почти совсем темно. Кола не было около трёх четвертей часа. Однако нельзя сказать, что Бин сильно волновался. Его разум сейчас блуждал где-то, пока глаза усталились, не мигая, в одну точку.

Из этого транса его вывел топот множества ног. Бин двумя прыжками подскочил к Мэйлинн, готовый сражаться и умирать за неё. Он взгляделся в темноту, ещё более густую за пределами света костра.

– Эй, парень, всё нормально! Это я! – послышался голос Кола и Бин чуть не рухнул на землю от облегчения.

И действительно, вскоре появился Кол, верхом на лошади. Но это была не их лошадь. Более того, Бин увидел, что бывший паладин ведёт на привязи ещё пять лошадей.

– Ничего себе! – присвистнул Бин. – Откуда они у тебя?

– Да видишь ли, – ответил Кол, спрыгивая на землю. – Наших-то лошадок я разыскал, но они так обезумели от страха, что подойти к ним я так и не смог. Они только ржали и убегали от меня. Кстати, как она? – спросил он, перебивая сам себя.

– Так же... – буркнул Бин.

– Так, давай-ка, собирайся. Мы отъезжаем. Сегодня придётся ночь провести в седле.

Бин с готовностью подхватил дорожную сумку Мэйлинн, повесил её на себя.

– Опа... А это кто ещё? – вдруг спросил Кол, увидев лежащего Варана.

– Он хотел забрать Мэйлинн. Я его убил, – почему-то у Бина не было никакой охоты расписывать свой подвиг. Он до сих пор не мог до конца поверить, что совсем недавно взял и убил человека.

– Ясно. Он из Гильдии Теней. Один из тех, о ком говорила Мэйлинн, – Кол подошёл к телу и легонько толкнул его носком сапога. – Да, мёртв... Их было шестеро...

– Шестеро? Где они? – тревожно воскликнул Бин.

– Все мертвы, – ровным голосом ответил Кол. – Четверо погибли от взрыва. Одного убил я...

– Ты? – широко распахнул глаза Бин.

– Да, я, – снимая седло с одной из лошадей – великолепного вороного скакуна – ответил Кол. – Он был контужен, у него полопались перепонки в ушах. Он сидел, обхватив руками голову. Я подошёл сзади и убил его. Я не горжусь этим, парень, – поспешно добавил Кол. – Но я не хотел рисковать. Я сразу понял, что эти ребята – из Гильдии. Наверняка из числа охотников за головами. С ними шутки плохи.

Сняв седло, Кол отбросил его в сторону, хотя оно было очень хорошим и явно дорогим. Затем он распустил уздечки четырёх лошадей и привязал каждую к седлу предыдущей. Самую первую он привязал к седлу лошади Бина.

– А зачем ты снял седло? – недоуменно спросил Бин.

– А как прикажешь везти Мэйлинн? – спросил Кол. – Перекинуть её через лошадь, как крепостную девку, которую заприметил сеньор? Я посажу её перед собой и буду крепко держать. Но с седлом это будет сложновато. Я везу Мэйлинн, на тебе – остальные лошади. А ну, помоги-ка...

Вместе они подняли Мэйлинн и аккуратно забросили на лошадь. Затем Кол вскочил верхом на жеребца, и Бин поневоле позавидовал, как легко ему это далось, при том, что не было стремян. Усевшись, Кол, с помощью Бина, усадил лирру, прислонив её к себе. Одной рукой он держался за уздечку, другой – приобнимал Мэйлинн.

– Давай, прыгай в седло, да поехали. Не удивлюсь, если вскоре сюда нагрянет ещё один отряд гоблинов!

При упоминании о гоблинах Бин сразу же вскочил на лошадь и пустил свой мини-караван рысью. Через несколько секунд с ним поравнялся Кол.

– Всё в порядке? – спросил он Бина. – Не слишком устал?

– Всё в норме, – ответил Бин. – Лучше уж ночь в седле, чем ещё одна встреча с гоблинами. Так ты не дорассказал, откуда ты добыл этих лошадей?

– А, ну да! Так вот, пока я, как сопливый деревенский конюшонок, гонялся за нашими лошадаками, я вдруг услышал, что когда наши ржут, им кто-то откликается из лесочка. Ну я и пошёл туда тихонечко. Смотрю – а эти красавцы стоят, привязанные к деревьям. Рядом никого не было, хозяева их, как я уже знал, были мертвы, так что я и забрал их с собой.

– Как удачно получилось! – обрадовался Бин.

– Да. Я бы сказал, что это было отличным совпадением, если бы одна знакомая не убедила бы меня, что совпадений не бывает, – ответил Кол, искоса взглянув на лирру, которую он прижимал к себе.

Надо сказать, что Бин вновь почувствовал уколы ревности. Ему страшно хотелось быть на месте Кола... Прижимать Мэйлинн к себе... Девичье тело такое мягкое, словно лишённое костей. Как было бы славно чувствовать его своей грудью, своей рукой, своими бёдрами... Вдыхать запах мягких чёрных волос – пусть толком не мытых уже неделю, но всё-таки дивно пахнущих, в этом Бин не сомневался. Иногда, словно случайно, прижиматься губами к её затылку... Бина обожгла мысль, что всё это теперь выпало на долю Кола. Но нужно отдать ему должное – Бин тут же взял себя в руки. Он помнил о том эмоциональном разговоре, который случился у него с Колом. Он помнил, что сказал ему Кол. И он понимал, что Кол прав. И вообще – главное, что все целы, и она цела. И сейчас она, по крайней мере, не рискует свалиться с лошади вместе со своим горе-всадником Бином, – усмехнулся парень.

– А расскажи-ка что-нибудь весёлое, дружище Кол! – попросил он.

– А я рассказывал уже, как мы с моим приятелем Джоком просились на ночлег к одной бабёнке в Пунте? – немедленно откликнулся Кол.

– Нет, не рассказывал, – улыбнулся Бин.

– Ну так вот, слушай. Был у меня приятель Джок, правда, все звали его Пуком. Ну ты понимаешь, почему, – засмеялся Кол. – Уж как он умел подпустить скунса! Стены дрожали! А от запаха глаза щипало! – Бин захохотал. – И вот, когда моя когорта шла через Пунт в Дорию, к Каладиусу, мы остановились на ночлег в одной деревушке. Мы с Пуком попросились на ночлег к одной вдовушке. Не молодка, конечно, была баба, но ещё вся в соку! И вот...

Великолепные саррассанские кони словно проглатывали мили. Вроде бы их особо и не понукали, и шли они рысью, как и раньше. Но если дорийские лошадки рысили как-то неровно, словно семена ногами, то саррассанцы как будто летели, не касаясь земли. Да и седло было куда лучше того, что купил Кол в Латионе. Это не седло, а настоящий трон, – блаженно думал Бин, в пол-уха слушая болтовню Кола и то и дело заливаясь смехом. И почему-то верилось, что теперь-то уж всё наверняка будет хорошо.

Мэйлинн бежала. Слава Арионну, в этом мире не играли роли ни сила её ног, ни объем лёгких. Здесь важна была сила духа, а этого добра у Мэйлинн было хоть отбавляй. Поэтому она, не снижая темпа, бежала вперёд и вперёд, стараясь никуда не сворачивать, хотя прекрасно понимала, что в таком тумане она, вполне вероятно, просто кружит на одном месте.

Сколько прошло времени – Мэйлинн сказать не могла. Здесь время как-то не ощущалось. А сколько его прошло в реальном мире – этого она не знала и подавно. Симмер больше не являл себя, не строил козней, не чинил препятствий. Наверное, ждал, когда она выдохнется. И с чувством удовлетворения Мэйлинн ощущала, что теперь он даже несколько её побаивается.

Вдруг ей показалось, что где-то вдали забрезжил какой-то свет. Может быть, это очередная уловка демона, но выбирать не приходилось. Мэйлинн рванула туда. Долгое время казалось, что свет не приближается. Воздух становился всё более тягучим и густым. Наверняка – очередные проделки Симмера. Может быть, это действительно выход, и демон пытается её удержать? Лирра ещё больше поддала ходу.

Вскоре каменная брусчатка под её ногами стала вязнуть, словно расплавленный сахар. Через некоторое время оторвать ступни от пола стало очень сложно, и наконец Мэйлинн рухнула, не сумев вовремя переставить ногу. Упав, она оперлась на руку, и та также стала медленно тонуть в каменной мостовой.

На секунду лирра поддалась панике и забилась сильнее, но от этого увязла ещё больше. Однако, затем она вспомнила лавовое озеро.

– Придумай что-то поумней! – яростно крикнула она в туман и выдернула руку. Затем встала, и с усилием переставила одну ногу. Затем другую. Каждый новый шаг давался легче предыдущего, и вскоре ноги снова оказались на твёрдом покрытии.

– Тебе меня не удержать! – обернувшись через плечо, кинула Мэйлинн невидимому Симмеру. А затем снова бросилась к источнику света, который теперь стал постепенно приближаться. Он напоминал далёкое оконце в тёмном подвале. И Мэйлинн точно знала, что там выход. Потому что в светящемся проёме она на мгновение увидела две такие родные фигуры.

Демон стал выть и реветь. Туман разлетался клочьями от этих звуков, словно от порывов сильного ветра. Теперь она слышала в его голосе не только угрозу, но и страх и мольбы. И это заставляло её улыбаться.

И вот он – светящийся проход! На полном бегу Мэйлинн нырнула туда...

Около полутора сотен гоблинов подошли к тому месту, где разыгрались предыдущие события. Повизгивая от страха, некоторые из них приблизились к догорающему костру. Гоблины становились на четвереньки и обнюхивали землю. Но всё, что они нашли – это тело Варана.

Вероятно, Симмер всё понял. Что добыча ускользнула от него, причём на лошадях, так что никакие гоблины их уже не догонят. Что он проиграл... Волна жуткой ненависти прокатилась окрест озера Симмер.

Затем десяток гоблинов подхватил тело Варана и понёс его на север. За ними направилась ещё пара десятков гоблинов. Остальные же вдруг как-то обмякли, затем побросали палки, которые держали в руках, и с голодным визгом набросились на останки своих сородичей, искорёженных силой магии лирр. Симмеру они стали неинтересны.

Глава 19. Гончая Симмера

Глаза никак не хотели открываться. Всё тело словно существовало отдельно от разума – не удавалось пошевелить даже мизинцем. Варан пришёл в себя несколько минут назад, но до сих пор никак не мог понять – где он и когда. Вместо памяти была чёрная дыра. И Варан просто лежал, давая себе время.

Постепенно из черноты стали кристаллизовываться обрывки воспоминаний. Поначалу это были робкие фрагменты, словно небольшие камешки, осыпающиеся со склона – сначала один, затем несколько... А потом на него камнепадом обрушились события последнего времени. Точнее, он не мог сказать, как давно всё это было, и сколько он был без сознания. Но он вспомнил всё, что с ним произошло, вплоть до кинжала, который этот щенок метнул ему в спину. Вот уж, поистине: милосердие – удел слабых и дураков.

Что ж, значит он всё-таки жив. Или так выглядят чертоги Асса? Однако же, что-то подсказывало Варану, что он ещё не до конца умер. А это значило, что есть шанс побороться. Но для этого нужно как-то открыть эти проклятые глаза...

Это было сложно. Сложно возвращать контроль над телом, которого едва не лишился. Но Варан с детства привык к сложностям. Так что, сделав невероятное усилие, он приподнял веки. Однако, легче от этого не стало – вокруг по-прежнему была темнота. Какая-то странная, лоснящаяся тьма разливалась вокруг него. А ещё Варан чувствовал странный запах. Пахло какой-то одновременно гниловатой и свежей сыростью, словно он лежал на берегу озера. Сомнений не оставалось – он находится у озера Симмер. Как он здесь оказался, и, главное, зачем – всё это станет известно в своё время. Пока же нужно встать.

С ощущением тела возвращалась боль. Ноющая, тянущая боль в спине, там, куда пришёлся удар кинжала, такая же ноющая, но более сильная боль в сломанной кости. Болел распухший, едва помещавшийся во рту язык. Да, в общем-то, болело всё. Но Варан сейчас радовался этой боли, потому что она давала ощущение жизни. И ощущение тела. Кажется, он уже готов был взять контроль над телом в свои руки и постараться подняться.

Варану удалось приподнять голову, и... Голова окунулась в холодную воду. От неожиданности Варан отпрянул, но так и не ударился затылком о землю. Потому что не было никакой земли. И тут охотник вдруг понял, что он не лежит. Он, непонятно каким образом, висит над самой поверхностью озера лицом вниз. Но, что удивительно, даже капли воды с его лица сейчас ползли вверх, словно бы он лежал на спине.

– Я вижу, ты очнулся, – раздался голос. Он словно шёл из глубины.

– Кто ты? – дрожащими, непослушными губами спросил Варан. А может быть, он лишь подумал это, не вымолвив ни слова.

– Я – Симмер, хозяин этих земель. Но для тебя важнее будет узнать, что я тот, кто спас тебе жизнь.

– Ты спас мне жизнь?.. – тупо повторил Варан. Ему не как не удавалось обуздать пляшущие в голове мысли.

– Ты был мёртв. Но я успел перехватить твою душу, поскольку я повелеваю всем в этих местах. Затем мои гоблины принесли твоё тело... И вот – ты снова жив.

Какое-то время Варан просто молчал, собирая мысли в порядок. Значит, он был мёртв и воскрес?

– Я благодарю тебя, Симмер, – наконец ответил он. – Твоя услуга неоценима, и...

– Моя услуга имеет совершенно конкретную цену, – перебил голос. – Ты должен выполнить для меня одно задание.

– Какое задание? – напрягся Варан.

– Ты должен захватить лирру, за которой охотишься, и доставить её ко мне.

– Но, если ты многое обо мне знаешь, то должен знать также и то, что я охочусь на лирру, чтобы передать её моим работодателям, – помолчав, заговорил Варан, взвешивая каждое слово. – Я не могу выполнить твоё задание, не провалив другого. А я не привык к этому.

– Ты уже провалил своё задание, – спокойно возразил голос. – Ты умер. Мёртвые не способны никого поймать. Так что у тебя больше нет никакого задания.

– Подобные рассуждения недостойны истинного мастера, – проговорил Варан. – У меня есть задание, которое необходимо выполнить. Это не обсуждается. Если ты не можешь этого принять, то лучше будет сразу отнять у меня жизнь.

– Хорошо, – без тени гнева или раздражения заговорил Симмер. – Давай попробуем поговорить без всех этих красивых жестов. Ты – мастер Теней. Я знаю, что ты храбр, и что у тебя есть свой кодекс чести, но честь – маска слабых. Ею они пытаются прикрыться от внезапных ударов тех, кто сильнее. Создают какие-то искусственные препоны и надеются, что другие станут их придерживаться. Словно дети, которые закрывают глаза ладонями и убеждают себя, что чудовище из-под кровати их больше не видит. Сильные плевали на честь! Сильные делают то, что им вздумается, потому что они – сильные. Потому что им плевать, что о них думают другие. Ты – сильный. Неужели ты хочешь всю свою жизнь выполнять чужие приказы и жить на подачки? Или ты хочешь быть хозяином себе и всему миру? Что ждёт тебя дальше? Ты сам это прекрасно знаешь. Пройдёт ещё какое-то время, и ты станешь мастером седьмого круга. И тогда вся твоя жизнь будет состоять из вонючей тёмной комнаты и вороха бумаг. Ты будешь на вершине, но ты будешь заперт на ней. Неужели тебе этого хочется?

Варан внимательно слушал Симмера, и, против своей воли, осознавал, что тот прав. Кроме того, он понемногу адаптировался к сложившейся ситуации, и она уже не казалась ему чересчур ужасной или сверхъестественной. Он понимал, что разговаривает с великой магической сущностью, но это беспокоило его куда меньше, чем можно было бы ожидать.

– А что можешь предложить ты? – глухо спросил он.

– Стать хозяином. Стать властелином. Повелителем этого мира! – голос говорил всё громче и настойчивее.

– Это – слова, – скривился Варан. – Ты говоришь мне о могуществе и владении миром, а сам скрываешься в этих болотах.

– Справедливые слова, и мне они нравятся, – ответил Симмер. – Вижу, что я в тебе не ошибся. Ты действительно силен и бесстрашен. Но у меня есть, что тебе ответить. Скажи, ты слышал когда-нибудь о Драонне?

– Нет, я никогда не слышал этого имени, – проговорил Варан.

– И неудивительно, ведь он жил много тысяч лет назад. Но зато ты наверняка слышал о его внуке – Гурре.

– Если это – тот самый Гурр...

– Это тот самый Гурр. Император Тондрона. А его дедом был Драонн, основатель империи чёрных магов. И история этого Драонна весьма занятная. Тебе будет полезно выслушать её.

– Я всегда был не прочь узнать что-то новое, – ответил Варан. – Тем более, не уверен, что у меня есть особенный выбор.

– Более семи тысяч лет назад корабли Паэтты достигли Эллора, – игнорируя сарказм Варана, продолжил Симмер. – В то время на Паэтте стояли государства, чьи названия сейчас уже забыты. Это были могучие империи, которые постоянно сражались между собой за новые земли. Одной из таких империй была Кидуа. Сейчас это сравнительно небольшое государство, а много раньше именно им принадлежала большая часть земель западного Латиона. В древней Кидуе, как и сейчас, очень тесно жили между собой люди и лирры. Но в то время между ними была война.

Лирры были куда могущественнее людей, но их было значительно меньше. Поэтому они повсеместно отступали, уходя в глухие лесистые места, в надежде, что люди оставят их в

покое. Однако тогдашние правители людей поклялись истребить племя лирр, и люди не знали пощады. Именно тогда лирры стали заниматься изысканиями, которые позднее привели к возникновению Школы Наэлирро. Они искали способы, как можно пробудить магию во всех лиррах без исключения, а не только в некоторых. Да, в то время магии среди лирр появлялись так же нечасто, как и среди людей. Причём многие из них не выдерживали *пробуждения* и погибали в муках.

Одним из лиррийских принцев тогда был Драонн. Его земли лежали на севере Кидуи. Когда люди пришли, чтобы уничтожить его семью и его подданных, Драонн дал бой. В этом бою погибла его жена, а также дочь, которая сама была магией. Драонн с остатками своих воинов сел на корабль и отплыл на запад в надежде, что однажды он вернётся и отомстит.

Его корабль благополучно миновал Загадочный океан и пристал к новым берегам. Лирры создали поселение на берегу. Постепенно они стали уходить всё дальше на запад в поисках добычи. Драонн, который был сам не свой с момента, как увидел гибель своей семьи, вёл себя не как принц. Он отделился от своего народа и жил отшельником, добывая пропитание охотой. Вскоре остальные лирры перестали даже пытаться вернуть его в общину.

А Драонн забредал всё дальше на запад, туда, куда не добирались другие охотники. И там, в скалистых горах Эллора, он встретил Бараканда. Точнее, это Бараканд приманил Драонна к себе.

– Бараканд – это тоже озеро? – спросил Варан.

– Нет, Бараканд – не озеро, – ответил Симмер. – В вашем мире Бараканд выглядит огромным чёрным орлом. Бараканд спустился к Драонну и заговорил с ним. И Драонн остался жить в горах, внимая мудрости Бараканда. И именно Бараканд сделал так, что Драонн первым и последним из мужчин-лирр сумел ощутить *возмущение*. То есть, он стал магом. Единственным лиррийским магом, так как Бараканд сказал ему, что ни с кем другим никогда этого повторить не удастся.

Став магом, величайшим из всех, Драонн вернулся к своему народу, чтобы призвать их к себе. Но бо́льшая часть лирр в ужасе отшатнулась от Драонна, точнее, от того, кем он стал. Они были слишком слабы и пугливы, и не могли оценить величия Бараканда. Тогда Драонн позволил им уплыть назад, на Паэтту. Остальные же лирры (их осталось всего двенадцать, среди которых была лишь одна женщина), отправились вглубь Эллора, поближе к обиталищу Бараканда.

Бараканд не мог сделать их магами так же, как и Драонна, но у него были другие методы. Он изъяс души лирр и долгими десятилетиями преобразовывал их самыми страшными и жестокими методами. По сути, он лишил их сущности лирр, они превратились в демонов. Тогда он вернул души в тела. Так возникли Двенадцать Герцогов, которые помогали Драонну создавать собственную империю. Земли Эллора были совершенно безлюдны – там не жили никакие разумные существа. Но Драонн и Герцоги, с помощью Бараканда, стали творить гомункулов, которые и стали их подданными.

Так возникла империя Тондрон. В месте, где находится гнездо Бараканда, была основана столица империи Оф. В огромном чёрном замке, высеченном в цельной скале высотой в две тысячи футов, – той самой скале, на которой Бараканд тысячелетия назад свил своё гнездо, – воссел император Драонн. И правил империей около трёх тысяч лет. Затем императором стал Баун, его сын, а после него – Гурр.

– А откуда же у него взялся сын? – любопытствовал Варан. – Или он женился на той Герцогине?

– Герцогиня – всего лишь демон, помещённый в мёртвое, по сути, тело. От лирры в ней ничего не осталось. И она не могла родить. Нет, гораздо позже, когда жители Паэтты стали понемногу заселять восточное побережье Эллора, подручные Драонна стали похищать для него женщин из числа лирр, людей и даже гномов. Правда, почти все они погибали. Значитель-

ная часть умирала ещё во время зачатия, другие – на первых же неделях беременности. Редко кому удавалось доносить ребёнка до родов, и лишь одна женщина из племени людей смогла родить. Точнее, ребёнка достали из уже мёртвого тела. Так на свет появился Баун-полукровка, и так же, спустя пару тысяч лет, родился Гурр, кстати, тоже от человеческой женщины. Уверен, что сейчас и он пытается родить себе наследника, но пока всё тщетно. Найти подходящий сосуд – дело не одного тысячелетия.

– Так, по-твоему, лирра – и есть этот сосуд?

– Нет, что ты! – ответил Симмер. – Может быть, она и стала бы идеальным сосудом, но я ни за что не подарю её Гурру и Бараканду. Я надеюсь, что лирра станет *моим Драконом*. Она – уникальна, в ней есть особый дар.

– А меня, стало быть, ты хочешь сделать Герцогом при ней? – саркастически спросил Варан. – Вынешь мне душу, и превратишь в демона?

– Это не потребуется. Ты ведь – человек. Пойми, люди в магическом плане совсем не похожи на лирр. Лирры – они как застывшая глина. Может быть, это – великолепная ваза, может быть – просто комок у дороги. Но они уже застыли, их не переделать. Люди – как сырая глина. Из них можно лепить что угодно. Я сделаю тебя магом, не вынимая твоей души. И ты будешь сотни лет жить при Мэйлинн. А ваши потомки будут править всей Паэттой.

– Ничего себе, куда ты хватил! – усмехнулся Варан. – Потомки...

– Да, потомки, – повторил Симмер. – Ты станешь основателем новой великой династии, перед которой затрепещет даже сам Гурр.

– А ты, стало быть, подомнёшь под себя Бараканда?

– Конечно, нам двоим будет тесно в этом мире. Кроме того, его золотое время уже позади.

– А если я откажусь? – спросил Варан.

– А ты откажешься?

– Нет, – неожиданно для самого себя ответил бывший охотник за головами.

– Я так и думал, – удовлетворённо отозвался Симмер. – Я бы сказал, что твоё появление тут стало счастливой случайностью, но мы оба знаем, что совпадений не бывает.

– И когда мне выдвигаться? – спросил Варан. – Мы теряем время.

– Сначала мне нужно восстановить твоё тело. В таком состоянии ты не сможешь пройти и мили. Кроме того, Мэйлинн уже довольно далеко отсюда. Скоро они покинут Симмерские болота. Но ты – охотник за головами. Ты – лучшая гончая этого мира. Ты найдёшь их след. Теперь, когда они считают тебя мёртвым, они вновь будут вести себя непредусмотрительно.

– Тогда я отправлюсь, как только смогу.

– Конечно, – подтвердил Симмер. – И вот ещё что. Я знаю, что ты – сложный человек, и в будущем, оказавшись вдали от меня, ты можешь изменить условия нашего договора. Поэтому я подстраховался. Твоя душа запечатана в теле особой руной. Эта руна сгорит в первый день зимы, и тогда ты умрёшь. Если, конечно, до тех пор не доставишь мне лирру. Обрати внимание, насколько я щедр. Я даю тебе больше трёх месяцев. Это более, чем тебе нужно.

– Я ценю это, – буркнул Варан. Действительно, ему приходила уже в голову мысль, что сейчас главное – выбраться отсюда, а там посмотрим.

– Ну вот и замечательно. А теперь мне потребуется несколько дней, чтобы поставить тебя на ноги. Так что – давай, засыпай...

Глаза никак не хотели открываться. Снова то же полное ощущение отсутствия собственного тела, и тот же запах озёрной воды. Кроме того – лёгкое шуршание тростника вокруг. Однако, на этот раз возвращение ощущения тела не сопровождалось болью. Точнее, боль была, но по ощущениям это была скорее боль уставших мышц, чем боль сломанных костей и поткнутых внутренностей. Такое пробуждение нравилось Варану определённо больше.

Глаза открылись. Не сразу и не вдруг, не без усилий, но открылись. И причина этого тяжкого открывания стала ясна. Варан лежал, погруженный в грязь. В прямом смысле – с головой. Точнее, его лицо находилось на поверхности, но и оно было обмазано жирным, пахнущим тиной и гнилью илом. С отвращением Варан понял, что этим же илом забит и его рот. Он стал отплёвываться, и вдруг понял, что язык больше не болит. Точнее, почти совсем не болит.

Варан постарался вырваться из грязевого плена, но не преуспел. Сил и так было немного, а ил держал очень цепко. Дёрнувшись раз, другой, и не добившись видимых успехов, он даже слегка забеспокоился. Стало очевидно, что ему не выбраться из этой грязевой ловушки. Однако Варан тут же подумал, что вряд ли Симмер стал бы заморачиваться с его оживлением и лечением только для того, чтобы забальзамировать его заживо в прибрежном глее.

И действительно – почти сразу появилось четверо гоблинов, которые принялись деловито его раскапывать.

– Ты же не думал, что я оставлю тебя здесь умирать! – прямо в голове раздался голос Симмера. – Эта грязь нужна была, чтобы исцелить тебя. Заметь, что прошло всего три дня, но ты уже сейчас можешь пользоваться своей правой рукой. А ещё через неделю и вовсе ничто не напомнит тебе о травме.

– Спасибо, – сплёвывая грязь, прохрипел Варан.

– Вот! Видишь, ты уже вполне сносно владеешь языком, а ведь он у тебя буквально болтался на ниточках. Теперь войди в мои воды, омойся, и будешь готов к путешествию.

Варан так и сделал. Он осторожно и медленно вошёл в холодную неподвижную воду – казалось, она расходится перед ним и тут же смыкается, словно это и не вода, а какая-то гораздо более вязкая субстанция. Зайдя по грудь, Варан задержал воздух и несколько раз присел, окунувшись с головой. Что-то необычное было в этой воде – она наполняла его силами, снимала боль и усталость, делала мысли более простыми и лёгкими.

Выходить из чудесной купели не хотелось, но Варан всё же вышел. Вода стекала с него тягучими струями.

– Отлично. Теперь ты готов. Увы, мои гоблины слишком глупы, чтобы поймать для тебя лошадь, а твоих лошадей увели спутники Мэйлинн, так что до перевала придётся идти пешком. Силы, которую ты впитал сейчас, тебе хватит, чтобы идти без остановок всю ночь и весь следующий день. Немного пищи есть в мешке, который лежит неподалёку от тебя. Но главное – я нашёл твой меч.

– Хорошая новость, – ответил Варан, наклоняясь, и поднимая клинок. Обтерев его о рукав, он сунул его в ножны, которые так и оставались висеть у него за спиной. – Ну что ж, долгие проводы – лишние слёзы. Я отправляюсь.

– Отправляйся. И помни, что через несколько дней начнётся осень, а за нею придёт зима.

– Лучшее напутствие, которое я слышал, – пробормотал Варан, пробираясь через прибрежные заросли. – Я вот-вот расплачусь. Да, дружище Окорок, ввязались мы с тобой в историю!

Варан прекрасно помнил лёгкую улыбку Окорока, кровавое пятно, расплывающееся на его одежде, но привычка брала своё. Собственно, Окорок и раньше не отвечал, так что и сейчас ему будет не в тягость быть собеседником Варана. Странно, но Варан почти не чувствовал горечи по поводу утраты друга. Ему постоянно казалось, что стоит сейчас обернуться, и он увидит каменное лицо здоровяка. Закрадывалось лишь лёгкое сожаление, что Симмер не догадался захватить заодно и его душу, пока та топталась у ворот Ассовых чертогов. Ну да дарёному коню в зубы не смотрят, как говорится. Сам жив – и то хорошо. Хотя, конечно, конь бы сейчас был очень кстати.

Варан быстрым шагом двигался на юго-восток. Каким-то чутьём он ощущал, где расположен тракт. Вполне вероятно, в этом была заслуга примолкшего Симмера. Ладно, сейчас главное – выбраться на дорогу. Затем просто идти до перевала. А уж там – Варан в этом не

сомневался, – он легко разыщет следы беглецов. Хотя, конечно, было бы неплохо разыскать и их самих, да побыстрее.

Варан почти физически ощущал, как где-то в его внутренностях медленно истаивает руна, державшая на привязи его душу. Не стоит отчаиваться – у него есть целых три месяца. За это время можно обрыскать всё Загорье и вернуться обратно. Только бы добраться до Пунта. Золота и серебра у Варана хватает, благо кошель остался при нём. Он снова – идеальная гончая, которая вот-вот выйдет на след. И нет такого следа, который бы простыл достаточно, чтобы мастер Варан его не унюхал.

Глава 20. Пунт

Глаза Мэйлинн широко распахнулись. Тело её изогнулось дугой, а из груди вырвался хриплый выдох пополам с беззвучным криком. Зрачки были расширены так, словно она находилась в темноте.

– Очнулась! Кол! Она очнулась!!! – раздался восторженный крик Бина.

Мэйлинн очумело озиралась по сторонам. Она лежала в каком-то полузакрытом фургоне на ворохе тряпья. Судя по мерному покачиванию, фургон двигался по вполне приличной дороге. Впереди маячила спина Бина, который правил лошадьми. Точнее, сейчас он бросил вожжи и с обожанием смотрел на лирру. Раздался цокот копыт, а вслед за ним голос:

– Что, проснулась, соня? – вслед за этим показалась голова Кола, который перегнулся с седла и заглянул в фургон.

– Вроде того, – выдохнула, садясь, Мэйлинн. Перед её взором до сих пор стояло подземелье, клубящийся туман и светящийся проем выхода. И всё ещё звучал в ушах жуткий, отчаянный рёв Симмера.

– Тяжко было? Да останови ты повозку! – прикрикнул Кол на Бина. – Я сейчас из седла выпаду!

Бин поспешно ухватил вожжи и потянул их на себя, заставляя лошадей встать.

– Тяжко, – согласилась Мэйлинн. Кол вскочил в фургон, на ходу свинчивая крышку с фляги и протягивая его лирре. – О, вот за это спасибо!

Мэйлинн жадно припала губами к горлышку и, захлёбываясь, стала глотать воду. Вода текла по её подбородку на грудь, но лирре было всё равно. А Бин снова горько подумал о том, почему Кол всегда лучше знает, что нужно Мэйлинн, тогда как он только и может, что тарашиться на неё и восторженно вопить.

– Сколько я была в отключке? – почти опорожнив фляжку, спросила Мэйлинн.

– Больше двух дней, – ответил Кол.

– Так мы уже...

– В Пунте.

– А что это за фургон? И что вообще случилось? Расскажите мне, а? Только сначала дайте чего-нибудь съесть, пока я не напала на наших лошадей.

– Один момент! – Кол вынырнул наружу и меньше чем через минуту вернулся снова. – Я привязал свою лошадь к фургону. Давай, дружище, двигай дальше, а я пока покормлю нашу принцессу.

Бин хлопнул вожжами по крупу лошади, и та двинулась в путь. Кол, между тем, достал походную сумку Мэйлинн и извлёк из неё свежий ароматный пшеничный каравай, какую-то жирную копчёную рыбину и кусок жареного мяса, завернутые в плотную бумагу, яблоки и бутыл молока. Последнему лирра особенно обрадовалась – она обожала молоко.

– Ничего себе! Вот это пир! – восхитилась она.

– Да, у нас теперь так всегда! – ухмыльнулся Кол. – Вкусно кушаем, ночуем только в хороших гостиницах. Да и передвигаемся, как видишь, с комфортом. Я же говорил – только бы добраться до Пунта!

– Ну так расскажите, что там было после того, как я отключилась? – не стыдясь говорить с набитым ртом, попросила Мэйлинн.

Они скакали всю ночь, последовавшую после нападения гоблинов. Тревожность всё росла. То и дело то Бин, то Кол вскидывались, словно слыша отвратительные визги тварей, посланных в погоню. Возможно, эти звуки и не были плодом их воображения, поскольку гобли-

нов в округе вполне могло быть предостаточно. Но это были обычные гоблины – лишённые разума двуногие животные. Без довлеющей воли Симмера они были абсолютно не опасны для наших друзей, а Симмер не мог вот так вот быстро и на таком расстоянии подчинить достаточную для поимки стаю.

Рассвет принёс некоторое облегчение. По крайней мере, беглецы перестали бояться, что на них нападут незаметно. Кроме того, за ночь они покрыли вполне приличное расстояние, оказавшись достаточно далеко от озера. Конечно, дорийские кобылки, хотя и были вполне достойными животными, но тягаться в скорости и выносливости с саррассанцами не могли. Анурские горы уже доминировали над окружающей местностью. Очевидно, до перевала оставалось совсем немного.

Каким бы мягким и текучим ни был аллюр лошадей, каким бы удобным ни было седло, но почти восемь часов верхом могли доконать и более опытного наездника, нежели Бин. Да и Кол, которому приходилось скакать вовсе без седла, сейчас держался лишь усилием воли. Было видно, как на его лице перекатываются желваки, как он мученически закатывает глаза и стискивает зубы. Иногда сквозь них прорывались даже стоны, хотя Кол старался держаться молодцом. И продолжал крепко прижимать лирру к себе, хотя было понятно, чего ему это стоило. Наверное, мышцы на его руке одеревенели не меньше, чем на заднице. Естественно, что последние часы приятели ехали в гробовом молчании.

Как только стало достаточно светло, чтобы видеть на полмили вокруг, Кол скомандовал привал. Бину пришлось помочь ему спустить Мэйлинн на землю, поскольку его руки затекли и онемели. Также Бину пришлось помочь спуститься и самому Колу. Тот же, едва коснувшись земли, рухнул и долго лежал, не шевелясь. Затем с мучительными стонами он стал потихоньку распрямлять занемевшие члены.

Бин, как мог, поухаживал за недвижимым другом и Мэйлинн. Он приготовил кой-какой завтрак, который не хотелось есть ни ему, ни Колу. Он аккуратно обтёр лошадей, хотя расседлать их не было ни сил, ни желания. Да и делать долгий привал они не собирались. Тем не менее, пришлось задержаться на несколько часов. Кол утверждал, что до перевала осталось не более четырёх часов хода, так что к вечеру они вполне могли успеть не только достичь гор, но и перевалить через них.

– Я уму... – не открывая глаз, простонал Кол.

– За неё можно умереть, – тихо, но так, чтобы услышал Кол, пробормотал Бин. Он теперь тоже лежал на земле, раскинув руки, и наслаждался минутами покоя.

– Да? – протянул Кол, не делая при этом ни одного движения. – А что ж ты сам тогда такой несчастный? Где же твой энтузиазм по поводу твоих страданий во имя принцессы Мэйлинн?

– Если бы мне не было так лень встать, я бы дал тебе в морду, – лениво проговорил Бин.

– Вот в этом-то всё и дело, – непонятно к чему пробормотал Кол. Через минуту послышался его лёгкий храп. Бывший центурион спал без задних ног.

Бину больше всего хотелось последовать его примеру, но он опасался гоблинов. Кроме того, подумал он, вот она – возможность поступить по-мужски, защитить любимую девушку. Поэтому Бин кое-как сел, скрестив ноги, и принялся смотреть по сторонам, выглядывая, не колыхнутся ли где кусты. Однако вскоре это ему надоело, и тогда он стал смотреть на Мэйлинн.

Сейчас ей было, кажется, уже лучше. Движение глазных яблок всё ещё выдавало беспокойство её сна, но хоть нижняя челюсть больше не колотилась о верхнюю.

А она похудела, – вдруг заметил Бин. Осунулась. Немытые несколько дней волосы свалились в сосульки. Но именно сейчас она казалась Бину даже прекраснее, чем в первый день их знакомства. Он был уверен, что увидь он её в распрекрасном вечернем платье, вроде того, в котором щеголяла её подруга Олива, тщательно вымытую и надушенную, с модно уложенной причёской и осыпанную драгоценностями, – она не показалась бы ему столь восхитительной как сейчас, в этом запылённом сером дорожном костюме.

Всё-таки легко Колу говорить «забуди её», а вот как это сделать?.. С внезапной резью в солнечном сплетении Бин подумал, а что будет, когда их путешествие закончится? Неужели они больше не увидятся?.. Или он всё-таки наберётся смелости и скажет ей о своих чувствах, и предложит провести вместе остаток жизни? *Его* жизни, – с горечью подумал Бин. Нет, Кол, конечно же, абсолютно прав – нельзя быть таким эгоистом... Бин вздохнул, и на секунду закрыл глаза...

Когда он их открыл, солнце уже перевалило за полдень. Вокруг была тишина, нарушаемая лишь птицами и насекомыми. Можно было бы, конечно, жестоко корить себя за то, что не удержался и заснул, но Бин изменился за время путешествия. Он понимал, что отдых был ему необходим, а раз ничего страшного не произошло, то, значит, всё это было только к лучшему. Но теперь уж наверняка пора будить Кола.

– Эй, приятель, давай-ка просыпайся, – он стал расталкивать ворчащего и бормочущего друга. – Прошло много времени, и нам уже пора, если мы хотим до вечера добраться к перевалу.

Кол наконец открыл глаза:

– Сколько сейчас времени?

– Не знаю, – честно признался Бин. – Часа два пополудни, может чуть больше...

– Ты что? Зачем позволил мне столько дрыхнуть? А как сам-то?.. – Кол взглянул в заспанное лицо Бина и всё понял. – А, понятно... Хорош часовой...

Бин пытался было оправдываться, но Кол лишь махнул рукой. На самом деле, он не был сердит, скорее даже наоборот. То, что Бин нуждался в отдыхе, было очевидно.

– Ну что, будем обедать? – спросил Кол обречённым голосом.

– Что-то не хочется, – пробубнил в ответ Бин.

– Ну вот и мне не хочется. Значит, давай двигать дальше. Лошади хорошо отдохнули, так что можно будет сейчас немного подогнать их, чтобы достичь перевала как можно скорее. А там уж останется не больше полутора-двух часов, и мы окажемся по ту сторону Анурских гор. И никакой Симмер нас там не достанет!

– Мне нравится план, – улыбнулся Бин, подавая приятелю руку. Тот, кряхтя, кое-как поднялся.

– Когда это всё закончится, ни за что в жизни больше не сяду на лошадь! – пообещал себе Кол. В этот раз он уже не столь изящно взобрался на своего коня. Он подвёл его к невысокому валуну, обросшему мхом, влез на него и уже затем кое-как взгромоздился на лошадь. Затем они вдвоём с большим трудом втащили и Мэйлинн, которая всё ещё пребывала без сознания.

После того как Бин занял своё место в седле, они пустили лошадей быстрой рысью – Кол не рисковал уходить в галоп, боясь не удержаться на крупной лошади без седла. Они снова двигались на восток.

Анурские горы надвинулись как-то стремительно. Ещё недавно казалось, что они где-то там, а вот уже они закрыли собой половину неба.

– Добрались, – выдохнул Кол, утирая пот со лба. Путь занял у них чуть больше двух часов.

Переход через перевал был несложен. Танийский перевал в самом высоком месте не достигал и шестисот футов. Кавалькада двигалась по хорошо утоптанной, широкой дороге сначала постепенно вверх, а затем – так же плавно вниз. Дорога почти не петляла – Танийский перевал был словно прореха в плотном ряду зубов Анурского хребта.

Вскоре после начала спуска Бин увидел раскинувшиеся впереди земли. Они так резко контрастировали с оставленными ими землями Симмерских болот, что Бин невольно мысленно сравнил Танийский перевал с Белым Мостом, который, если верить жрецам Арионна, разделяет мир живых и мир мёртвых. За тем Мостом начинался Белый Путь – винтовая дорога, похожая на скрученный в спираль рог единорога, ведущая к Белому полюсу Сферы. Кстати, именно поэтому все храмы Арионна строились в виде башен, которые снаружи обвивала вин-

товая лестница, ведущая на вершину. Это, во-первых, придавало им больше сходства с рогом единорога, а во-вторых, служило символом Белого Пути. По большим праздникам жрецы и паломники поднимались пешком до самого пика, символизируя восхождение душ.

Так вот Бин сейчас ощущал себя так, словно он возвращался из мира мёртвых в мир живых. Позади была чахлая гниловатая зелень, корявые деревца, изморённая засухой земля. Впереди – цветущий край садов, бушующей зелени и желтеющих нив. Бин был просто поражён.

Местность за перевалом была обитаема. То здесь, то там виднелись небольшие аккуратные деревни, окружённые возделанными, готовыми к жатве полями и садами, полными плодов. Друзья проехали по хорошей дороге, которая вела от перевала к Лоннэю, всего несколько миль, и въехали в первую из придорожных деревень. Здесь же располагался и постоянный двор, который хотя и не мог похвастаться обилием постояльцев, тем не менее, содержался в чистоте и порядке. В этот день путешественники решили больше никуда не ехать – пренебречь отдыхом в гостинице было выше их сил.

На следующее утро в этой же деревеньке Кол сумел сбыть четырёх лошадей вместе с сёдлами (одно, правда, он оставил для своего вороного скакуна), а взамен приобрёл вполне добротный четырёхколёсный фургончик с парой тягловых лошадей, несколько тюфяков, которыми устелили пол фургона, да ещё и осталось вполне достаточное количество денег, чтобы ни в чём себе не отказывать в пути. Дорога впереди была лёгкой и очень хорошей, так что не позднее чем через десять дней Кол планировал быть в Лоннэе.

Теперь наша компания с большим комфортом продолжала двигаться на юг. Бин, которому неожиданно для него самого осточертело сидеть на козлах, пересел на саррассанского жеребца, а править повозкой стала Мэйлинн. Она всё ещё чувствовала слабость, но старалась не подавать вида. Хотя её бледность выдавала её с головой. Кол же с наслаждением гарцевал рядом с фургоном на своём вороном, которого он прозвал Ураганом.

Днём путешественники наслаждались пасторальными пейзажами, грызли яблоки и весело болтали. Ближе к вечеру они останавливались на каком-либо постоялом дворе. Ужинали всегда с размахом. Радужные хозяева выставляли на стол всё, чем богата была земля Пунта, и всё самое свежее, самое вкусное. После подобного ужина друзья затем ещё около часа просто сидели за столом, не в силах подняться. Несколько осунувшиеся за время предыдущего путешествия лица постепенно возвращались к прежнему виду.

Мэйлинн особенно радовал тот факт, что Кол практически не притрагивался к вину. Нет, изредка он мог пригубить стаканчик, «чтоб не обидеть хозяина», когда оный хозяин в экстазе описывал несравненные качества своего напитка, утверждая, что такого они больше нигде не попробуют. Тогда и Кол, и Бин действительно осушали по стаканчику вина, но затем Кол решительным жестом отвергал предложение хозяина оставить бутылку, одновременно благодаря его и восхваляя (всегда – абсолютно искренне) его винодельческий дар. Сама же лирра никогда не притрагивалась к вину, предпочитая молоко, которое в Пунте неизменно было вкусным, жирным и сладким.

Также у мужчин не было отбоя и от иных предложений. Почти на каждом постоялом дворе Бин, и особенно Кол привлекали внимание слабой половины человечества. Юные смуглые красотишки призывно улыбались им, как бы невзначай касались их бёдрами и грудью, поднося еду, а некоторые и вовсе делали недвусмысленные предложения. Однако оба товарища, обычно незаметно взглянув на Мэйлинн, неизменно отказывались от подобных предложений, приводя местных красавиц в отчаяние.

Кстати, Кол, сбросивший за время похода несколько килограмм, и, главное, избавившись от отёчности бывалого выпивохи, словно даже помолодел на несколько лет, и выглядел весьма эффектно. И вот сейчас он почему-то тратил свою эффективность впустую. Бывший легионер

сам себе удивлялся – в былые годы он бы не пропустил ни одной из этих юных прелестниц, тем более что это не стоило бы ему ни доррина. Теперь же, несмотря на мудрые советы, которые он в своё время дал Бину, он чувствовал, что Мэйлинн занимает в его жизни слишком особенное положение. Веду себя, словно женатый, – усмехался про себя Кол.

Однажды он даже решил это прекратить, начав флиртовать со смазливой пышногрудой брюнеткой на одном из постоянных дворов. Он чувствовал всю искусственность ситуации и попытался разжечь в сердце огонь, посадив девушку к себе на колени. Та весело рассмеялась, и это привлекло на секунду внимание Мэйлинн, которая в тот момент увлечённо болтала с Бином. Лирра обернулась, в её глазах заплескались смешливые искорки, и она тут же вернулась к прерванному разговору, но Кола как обожгло. Он довольно грубо столкнул девушку с колен, затем пробормотал несколько извинений невпопад и, поднявшись, вышел на улицу «подышать», как он хмуро бросил своим товарищам.

Выйдя на высокое крыльцо, Кол облокотился на перила и стал тупо разглядывать шелестящие неподалёку деревья. Были лёгкие сумерки, небо на западе полыхало закатом, воздух был свеж и немного прохладен.

– Что-то случилось? – в его щёку словно дохнул тёплый молочно-яблочный ветерок.

– Угу, – прежде, чем мозг успел хоть что-то сообразить, язык уже выдал ответ.

– Хочешь об этом поговорить? – Мэйлинн также, не отрываясь, глядела на вечерний сад, опираясь не перила.

– Нет, – слава Ассу, на этот раз язык и мозг были солидарны.

– Хорошо, – в голосе лирры слышалось плохо скрываемое облегчение.

Кол повернул голову и взглянул на точёный профиль Мэйлинн.

– Всё будет хорошо, – совершенно искренне сказал он.

– Я в этом уверена, – Мэйлинн также посмотрела ему в лицо и улыбнулась. Её ладонь накрыла руку Кола. – Ты – отличный друг! Я рада, что ты с нами!

– Ты тоже, – пробормотал Кол, не найдя других слов. Затем, помолчав, прибавил:

– Я не доставлю тебе проблем.

– Я знаю, – вновь улыбнулась Мэйлинн.

И они вновь замолчали, вдыхая густой яблочный запах, витавший над садами.

– А она симпатичная, эта Долли, – с улыбкой в голосе прервала молчание Мэйлинн.

– Не в моём вкусе, – буркнул Кол, поняв, о ком идёт речь.

– Жаль, – в голосе лирры слышалось искреннее огорчение.

– Мне тоже... – и они вновь погрузились в молчание.

– Эй, вы чего тут? – несколько минут спустя открылась дверь, и оттуда послышался голос Бина. – Сколько вас ждать?

– Иди к нам, приятель! – с облегчением позвал его Кол.

– Погляди, какая красотища! – подхватила Мэйлинн.

Бин пристроился рядом с Мэйлинн, и все трое стали наблюдать, как переливаются багряным золотом листья яблонь в лучах закатного солнца. Всем троим было хорошо, и даже мрачность Кола сменилась лёгкой приятной грустью.

Так наши друзья и продолжали своё путешествие. Они особенно не торопились, растягивая приятные деньки. Кол рассказал Мэйлинн о судьбе её преследователей вскоре после её пробуждения. Лирра была опечалена, что из-за неё погибли люди, но всё же чувствовала облегчение, что погони больше не будет. Поэтому они и не стремились как можно скорее достичь цели путешествия, последний этап которого мог быть не столь приятным.

Так и наступил месяц жатвы¹³, тёплый и ласковый в Пунте. До Лоннэя оставалось не более трёх дней пути.

¹³ Месяц жатвы – первый месяц осени, соответствует нашему сентябрю.

На девятый день месяца жатвы Варан оказался в Пунте. Ему потребовалось почти ровно две недели, чтоб добраться сюда от озера Симмер. При том, что первый день он действительно шёл весьма быстро, не уставая, благодаря силе Симмера. Но затем её действие стало уменьшаться, тем более что Варан уходил всё дальше от озера. Еды, которая оказалась в его мешке, было достаточно лишь для того, чтобы не умереть от голода, не более. В день он съел несколько узких полосок сушёного мяса и пару-тройку сухарей. Запивал всё это водой из многочисленных ручьёв. Пару раз ему удавалось убить болотную водяную крысу или бобра, тогда он ел печёное на камнях мясо.

Вообще для мастера Теней это не было какой-то серьёзной проблемой, но учитывая положение Варана, вернувшегося с того света, ему приходилось довольно тяжело. Переходы его становились всё короче, а время для отдыха – всё продолжительнее. Ноги болели от долгих переходов, правая рука хоть и слушалась своего хозяина, но ныла, особенно по утрам, когда воздух был холодный и сырой. Ещё сильнее тянула болью спина в том месте, где в неё вонзился кинжал. На месте раны был лишь кровавый струп, рана заживала замечательно, не гноилась и не раскрывалась, но всё же она причиняла боль.

Но наконец нога Варана ступила на землю Пунта.

– Ну что, дружище Окорок, вот мы и на месте, – устало садясь прямо на землю, пробормотал Варан.

Была вторая половина дня, с неба накрапывал небольшой дождик, но было довольно тепло. Теперь всё пойдёт значительно проще. Позволив себе полчаса отдыха, Варан вновь встал и направился вдоль дороги, чтобы найти первую же деревню, в которой можно будет раздобыть лошадь, а также получить сведения о беглецах. Хотя Варан ни секунды не сомневался, что они будут двигаться к Лоннэю. Однако, была вероятность, что они направятся к портовому Найру, до которого было ближе. Поэтому было важно найти их следы, а они непременно останутся.

И действительно, в первой же деревне, лежащей у тракта, Варан узнал, что лирра, находящаяся без сознания, и два её спутника останавливались тут на ночь. Также он выяснил, что они продали здесь четырёх сарраассанских лошадей. Варан незамедлительно направился к торговцу лошадьми, собираясь честно купить одну из них, но тот заломил такую цену, что у Варана просто не осталось выбора. Вообще-то, у него была нужная сумма, но потратить он её, дальше пришлось бы побираться или промышлять воровством. Поэтому Варан купил лишь седло, а лошадь просто увёл, дождавшись ночи и проникнув в конюшню. К его разочарованию, он не обнаружил своего Суховея – так он называл всех своих лошадей. Зато он узнал лошадь Окорка. Вот и память о друге, – усмехнулся про себя Варан и осторожно вывел лошадь, проведя её мимо лежащего без чувств сторожа.

Варан теперь точно знал, что Мэйлинн направляется на юг, очевидно, к Лоннэю, как он и предполагал. Он узнал, что лирра была здесь довольно давно – больше двух недель тому назад. Значит, теперь она уже наверняка в Лоннэе, если это конечная цель её путешествия, либо уже покинула его. К счастью, Лоннэй – не такой большой город, как, например, Латион, так что и там лирра не сможет укрыться от великого охотника за головами Варана. Ну или отыщутся её следы.

– Ну, Суховой, давай, мчи! – давая шпоры коню, проговорил Варан. Новонаречённый Суховой рванул с места в галоп. Всадник слился с лошадью в одну летящую стрелу, которая, пронзая ночь, полетела на юг.

Глава 21. Война

Приятное путешествие последних дней было внезапно омрачено очередным припадком Мэйлинн. Её вновь крутило и било о пол и стенки фургона, она вновь стонала так, словно душа её рвалась наружу. И снова этот припадок был продолжительнее предыдущих, и вновь после него Мэйлинн была измучена и обессилена настолько, что несколько часов не могла подняться. Бину пришлось опять пересест в фургон и править им, пока лирра безучастно лежала, уткнувшись носом в стенку.

Было очевидно, что Мэйлинн с каждым разом становилось всё хуже и хуже, и было совершенно неясно, что же будет дальше. Та короткая передышка, которая была у них после прошлого беспамятства, когда она боролась с Симмером, дала друзьям смутную надежду, что всё, быть может, понемногу налаживается. Однако стало ясно, что это не так. Болезнь слегка отступила назад, чтобы взять лучший разгон.

К раздражению Бина, скорость их передвижения замедлилась. Дороги в окрестностях Лоннэя оказались заполнены повозками, подводами, фургонами и телегами всех размеров и цветов. А также сотнями и сотнями людей. Все они брели с потухшим взором на север, и вокруг зловонием витало слово «война».

– В чём там дело? – ворчливо спрашивал Бин.

– Дорийцы снова нападают на приграничные области, – хмуро ответил Кол.

– Значит, идёт война? – встревожился Бин.

– Да тут, почитай, что ни год, то война, – отмахнулся Кол. – Повидал я уже этого. Дорийцы раз в год-два обязательно совершают набеги на Пунт. Обычно длятся они не более двух-трёх месяцев, после чего кочевники возвращаются обратно с награбленной добычей. И так – до следующего раза.

– А мы, значит, направляемся в самую гущу? – Бин беспокоился всё сильнее.

– Да не волнуйся, нас это, скорее всего, никак не коснётся. Это – их междоусобица. Да и война эта – так, одно название. Так что не волнуйся. Самое неприятное, что нас ждёт – забытые народом дороги.

– Ну это тоже немало, – проворчал чуть успокоенный Бин, бросив через плечо взгляд на спящую Мэйлинн. – Нам бы уж поскорее добраться до твоего чародея. Да надеяться, что он чем-то поможет Мэйлинн.

– Доберёмся, – лаконично отозвался Кол. – Но сперва нам надо добраться до Лоннэя.

И они добрались. Правда, чуть позже, чем планировали. Наш фургончик въехал в ворота Лоннэя пятого дня месяца жатвы.

Мэйлинн слегка оправилась от очередного приступа, и сейчас она сама правила фургоном. Кол и Бин скакали впереди, постоянно окрикивая прохожих и требуя проезда. Столица королевства Пунт была некрупным городом с неширокими улицами и невысокими домами. Как и вся страна, она утопала в зелени. Наверное, прибудь путешественники в другое время, они были бы восхищены тишиной и уютом этого городка, больше похожего на какой-то провинциальный город, нежели на столицу. Но сейчас город был переполнен людьми, на улицах стоял постоянный шум, толкотня и беспорядок.

Кол когда-то раньше бывал в Лоннэе, но сейчас совершенно не узнавал города, поэтому правил лошадь в направлении центра, справедливо полагая, что там будет проще найти ночлег. Он раздражённо покрикивал на беженцев, заполонивших улицы. Мэйлинн постоянно делала ему замечания на этот счёт.

– Это несчастные люди, – говорила она. – Зачем умножать их несчастья своей бранью?

И Кол на время смирял себя, хотя было видно, что он имеет собственное мнение на этот счёт.

– Как ужасно, что такое славное государство постигла такая жестокая война! – приговаривала Мэйлинн.

– Да для них эта война – привычное дело! – откликнулся Кол. – Это уже, своего рода, традиционная забава в Пунте.

– Забава, во время которой гибнут люди, – жёстко осадил его Мэйлинн. – Как ты можешь такое говорить?

– Пойми, эта война – она словно игрушечная, – пытался отстоять свою точку зрения Кол. – Ну вот посмотри сама: что это за война, во время которой ни одна из враждующих армий не стремится захватить столицу своего врага? Что это за война, если государство, которое чуть ли не ежегодно подвергается нападению, не делает никаких попыток уничтожить логовище врагов? Пунтийцы прогоняют дорийцев за Дорон, а точнее даже дорийцы, награбив вдоволь, уходят сами. Но армия Пунта почти никогда не переходит реку. Да и что это за война, во время которой почти не жгут деревень, да и убивают лишь тогда, когда других средств уже не остаётся?!

– Тогда откуда здесь столько несчастных? – воскликнула лирра.

– Ну так никто не хочет испытывать судьбу. Как только становится известно, что орды дорийцев переходят реку, колонны из приграничья стараются уйти подальше, да унести побольше. Но помани моё слово: большинство из них через месяц или два вернутся в родные края, и проживут в тех же хатах, в которых жили до этого.

– А тем, чьи хаты лошадаики-таки сожгут, государство выплатит субвенцию, – неожиданно вмешался невысокий, лысоватый, немолодой уже человек плотной комплекции, прислонившийся к стене у открытой двери и, видимо, слышавший разговор. – Поэтому эти бездельники в накладе не останутся, уж поверьте, сударыня!

– Мне кажется, вашего мнения никто не спрашивал, – холодно ответила Мэйлинн, бросив неприветливый взгляд на горожанина. Улица в этом месте была узкой, так что их разделяло всего каких-то три-четыре шага.

– Весьма невежливо незнакомцу вмешиваться в чужой разговор, любезнейший, – так же холодно процедил Кол, смерив человека взглядом. На разбойника тот, вроде, не походил, а там – поди разбери!

– Нижайше прошу прощения у многоуважаемых путешественников! – тут же раскланялся тип. – Позвольте представиться. Зовут меня мэтром Бабушем. Просто я заметил, что вы, должно быть, прибыли издалека, и подозреваю, что вы ищете, где бы остановиться на ночь.

– А если и так, то что с того? – всё так же неприветливо осведомился Кол.

– Так я мог бы предложить вам ночлег в своей гостинице! – воскликнул мэтр Бабуш, хлопая рукой по стене.

– Что-то как-то не тянет это на гостиницу, – недоверчиво протянул Бин.

– Ну так потому, что вы смотрите на неё со стороны чёрного хода! Ежели вы сейчас завернёте за угол, то окажетесь на нашей славной площади Урожая, и оттуда будет центральный вход в мою гостиницу! Одну из лучших, не побоюсь сказать! Гостиница «Песнь малиновки» – приличная гостиница! В ней вы не встретите всего этого сброда, понаехавшего сейчас из Приречья. Отличные номера, мягкие постели, добрый стол – всё, что только можно представить! У меня как раз есть свободные номера!

Кол вопросительно посмотрел на лирру. Он видел, что хозяин гостиницы произвёл на неё не лучшее впечатление, поэтому решать предстояло ей. Но Мэйлинн чувствовала себя неважно, поэтому ей очень хотелось поскорее прилечь, так что она не стала привередничать. Она молча кивнула Колу.

– Мы примем ваше предложение, любезнейший, – проговорил тот.

Хозяин при этих словах просиял:

– Позвольте, я провожу вас, уважаемые господа! – залезил он, выбегая вперёд. – Вот, пожалуйста, прямо сюда.

И действительно, фургончик выкатился на небольшую площадь. Теперь друзья видели и вывеску, и богато украшенный вход в гостиницу.

– Прошу вас, любезные господа! – кланялся мэтр Бабуш. – Пожалуйста, входите внутрь! Сейчас мои конюхи позаботятся о ваших лошадях! Они ни в чём не будут знать недостатка! Такие превосходные скакуны! С ними будут обращаться, точно с королевскими!

Кол спрыгнул с лошади и помог спуститься Мэйлинн. Бин тоже уже был тут как тут. Они направились ко входу в гостиницу, когда Мэйлинн обратила внимание на девочку, державшую на руках ребёнка. Девочке на вид было не больше двенадцати, а ребёнка – едва ли больше годика. Девочка была одета в поношенное платье, которое, несмотря на всю заботу о нем, видимо, доживало последние денёчки: в нём было полно прорех. Тёмные волосы были сбиты в один давно нечёсанный и немытый колтун. Она сидела прямо на мостовой, глядя перед собой невидящим взглядом. Машинально она покачивала младенца. Тот не спал, но и не шевелился, и даже не плакал. Он также безучастно смотрел куда-то на стену позади девочки, держа во рту большой палец. Было видно, что девочку заметно потряхивает то ли от озноба, то ли от голода. Но поскольку в начале месяца жатвы в Лоннэе ещё вовсе властвовало лето, то Мэйлинн предположила именно второе.

– Бедное дитя! Что с тобой? – подходя к девочке, спросила лирра.

– О, не извольте беспокоиться, сударыня! – тут же встрял мэтр Бабуш. – Это всего лишь беженка из Заречья. Они – сироты, пришли в наш город и теперь ошиваются вблизи моей гостиницы. Попрошайничают, а то, может, и приворовывают. А ну пошла прочь! – рявкнул он нищенке. Та вздрогнула, словно очнувшись ото сна, с трудом сфокусировала взгляд на разгневанном хозяине гостиницы, и вяло дёрнулась, пытаясь подняться на ноги.

– Да как вы смеете! – воскликнула Мэйлинн. Её лицо вспыхнуло, заливаясь краской гнева, а глаза засверкали так, что несчастный мэтр Бабуш даже стушевался. – Как вы смеете так говорить? Вы разве не видите, что она умирает от голода?

– Понимаете ли, сударыня, – с трудом подбирая слова, замямлил трактирщик. – Эти беженцы все получают субвенции от государства в качестве возмещения ущерба. Эта девчонка получит вдвойне, раз её родители погибли. Поверьте, хотел бы я, чтобы мне кто-то вот так вот за здорово живёшь отсыпал денег! Я ей не раз говорил, чтобы она шла к магистрату и оформила там заявление на получение субвенции. Но она, как видите, тупа, словно пробка...

– А вы бесчувственны, словно чурбан! – казалось Мэйлинн сейчас вцепится в волосы почтенного мэтра. – У несчастных малюток умерли родители! А вы так цинично об этом рассуждаете! О каких деньгах и этих ваших субвенциях вообще может идти речь?! Да неужели нельзя было хотя бы просто покормить их? Пусть даже и объедками! Это бы вам ничего не стоило!

– Может, и не стоило бы, да и то – как сказать... Объедки-то я скармливаю домашней птице, которую затем подаю на стол постояльцам. Но дело даже не в этом. Если сегодня я задаром покормлю одну попрошайку, завтра у моих дверей их будет сидеть уже две. Потом – четыре. А потом всё проклятое Приречье при каждом удобном случае будет за дарма столось у глупого добряка Бабуша! Знаю я этих нищих!

– Я не хочу оставаться в этой гостинице ни секунды! – отчеканила Мэйлинн, прожигая Кола таким взглядом, будто лично он был виноват и в гибели родителей несчастной девочки, и в самой войне, и в том, что мэтр Бабуш – такой отъявленный негодяй. Тот нехотя кивнул и, обернувшись, перехватил поводья своей лошади из рук расторопного конюха, который уже пытался отвести лошадей в конюшню.

– Воля ваша, прекрасная госпожа, – изменившись в лице и явно обидевшись проговорил мэтр Бабуш. – Да только вряд ли вы найдёте такую же достойную гостиницу, как моя. Я вижу,

вы весьма утомлены дорогой и, должно быть, голодны. А на моей кухне как раз готов великолепный обед. Да и ценами я вас не обижу. Спросите кого угодно в квартале, каждый скажет, что мэтр Бабуш – честный человек. А если вас так огорчает судьба этой нищенки, то – так и быть, я прикажу вынести ей поесть.

– По-моему, он прав, Мэйлинн, – тихонько проговорил Кол на ухо лирре. – Ты неважно выглядишь, и тебе нужно немного покоя. Сразу видно, что у него хорошая гостиница. А то что он сам – сволочь... То и тут бы я поспорил. Он – обычный человек, как и большинство других. Мало кто готов вытаскивать оборванцев из петли или городской клоаки. Большинству на них просто наплевать. Тем более, что его, как налогоплательщика, конечно задевает, что его деньги идут на выплаты несчастным, обездоленным войной.

– Вы совершенно правы, милостивый государь! – подобострастно кланяясь, подхватил мэтр Бабуш, расслышавший последние слова. – Если и есть что-то, что выводит меня из себя, так это политика нашего короля в отношении этих грязных кочевников. Мы сидим, прошу прощения, поджав хвосты, когда они приходят, а затем просто платим тем, кто от них пострадал, – достойный буржуа, похоже, оседлал любимого конька и сейчас гнал его всё быстрее. – Двойные убытки! И всё это – налоги, налоги и ещё раз налоги, которые платят такие люди как я! Вы не представляете, какой уютный и красивый город Лоннэй! Но сейчас его заполняют беженцы, которые не хотят работать, а целыми днями либо попрошайничают, либо творят ещё чего похуже. А затем они уйдут, получив от государства деньги, и оставив после себя кучи мусора, нечистот и вшей! И так – до следующего раза!

Мэтр Бабуш наконец-то остановился и перевёл дух. Его лицо покраснелось так же, как недавно у Мэйлинн, кулаки были сжаты, волосы торчали клоками, лысина блестела от пота. И это почему-то выглядело так забавно, что гнев Мэйлинн как-то сам собой растворился. Уж что она умела делать прекрасно, так это ставить себя на место других. И сейчас она вдруг поняла этого человека. А понять – это уже почти значит простить.

– Хорошо, хозяин, – сохраняя холодный тон, проговорила она. – Мы останемся в вашей гостинице, хоть вы и крепко меня обидели, – просиявший было Бабуш вовремя сделал скорбное, кающееся лицо. – Но только при одном условии. Эта девочка и её братик пойдут с нами. Мы оплатим их стол и постель, – продолжила лирра, увидев потемневшее лицо трактирщика. – И они останутся здесь на столько времени, на сколько им это потребуется.

– Если вы готовы за них платить, то я не против, – выдавил из себя мэтр Бабуш. Было видно, что он недоволен, но, с другой стороны – деньги есть деньги.

– Пойдём со мной, милая, – протянув руку девочке, нежно сказала Мэйлинн. Та же просто смотрела на лирру, не понимая, что происходит. Тогда Мэйлинн, засмеявшись, подошла и подняла её, обняв за плечи. – Пойдём. Пока хозяин будет готовить нам обед и комнаты, мы помоём тебя и твоего братика. Найдётся ли у вас горячая вода? – обратилась она к хозяину таким тоном, словно она была королевой, а перед ней стоял проштрафившийся подданный.

– На кухне мы постоянно кипятим воду! – с готовностью закивал головой Бабуш. – Уверен, что нам вполне хватит, чтобы наполнить лохань.

– Это хорошо, – кивнула Мэйлинн. – Кстати, чуть позже и я была бы не прочь принять горячую ванну.

– Всё сделаем, прекрасная госпожа! – низко кланяясь, ответил мэтр Бабуш.

– Ну вот и славно! Ведите! – и, взяв за руку до сих пор ничего не понимающую девочку, Мэйлинн двинулась вслед за трактирщиком.

После все ели за общим столом. Девочка-сирота, которая до сих пор не произнесла ни одного слова, выглядела совсем иначе: вымытая, расчёсанная, в новом платье, за которым Мэйлинн послала служанку в соседнюю лавку. Платье, правда, было великовато, но когда Мэйлинн

предложила девочке его снять, чтобы заменить на что-нибудь другое, та вцепилась себе в плечи тонкими пальцами, прижимая скрещённые руки к груди, и лирра поняла, что платье она не снимет ни за что. Так что Мэйлинн и не стала настаивать.

Сейчас сиротка большой ложкой загребала в себя кашу, приправленную большим куском масла и сдобренную мёдом. Каша была обжигающе горяча, и в глазах девочки стояли слёзы, но, несмотря на все увещания Мэйлинн, она продолжала есть, почти даже не жуя. Сама же Мэйлинн едва притрагивалась к еде, хотя и была голодна. Она держала на коленях вымытого мальчика и давала ему размоченный в тёплом молоке хлеб. Мальчик чмокал и давился, притягивал пальцы лирры, держащие хлеб, ко рту маленькими ручонками, и на глаза присутствующих наворачивались слёзы.

– И всё же я никак не могу понять – почему король Пунта не соберёт огромное войско, и не разгромит дорийцев? – глядя на девочку, доедающую вторую миску каши, тихо спросила Мэйлинн.

– А как их разгромить? – откликнулся Кол, как-то очень подозрительно прочистив горло перед этим, словно там стоял комок. – Дорийцы – кочевники. Их уклад жизни не похож на тот, к которому мы привыкли. Они практически не строят городов. По сути, у них есть лишь одно поселение, которое мы могли бы назвать городом – их столица Саин. Но и она мало общего имеет с любым другим городом на Паэтте. С империя по месяц дождей¹⁴ этот город почти совсем безлюден, поскольку в это время его жители кочуют по дорийским степям, сбиваясь в орды-кланы. Да и выглядит он, скорее, как большая деревня. Там нет многоэтажных домов, в основном только одноэтажные глинобитные жилища. Даже великий хан Дории не живёт в Саине летом. В общем, идти большим войском в Дорию просто бессмысленно. Конные отряды кочевников будут просто разбегаться в стороны, подобно тому, как стая мальков рассыпается при виде щуки, чтобы собраться вновь, как только она уплывёт.

– Ну тогда – поставить кордоны и заслоны по всему левому берегу Дорона! – не сдавалась Мэйлинн.

– Да есть они – и заслоны есть, и кордоны. Да только толку большого нет.

– Это ещё почему? – недоумевала Мэйлинн.

– Хорошо. Хочешь знать моё мнение? Я ведь какое-то время пробыл в этих местах, и, мне кажется, кое-что понял. Так вот, по-моему, королей Пунта просто устраивает такое положение вещей.

– Как это? – теперь лирра просто опешила, даже не донеся кусочек хлеба до рта ребёнка.

– Знаешь, с недавнего времени в Латионе для богатых горожан, страдающих ожирением, появилась модная забава. Они ходят в так называемые атлетические залы, где специально обученные люди заставляют их много двигаться. Заниматься атлетикой, борьбой и тому подобным. И стоит это огромных денег, которых многие богачи не жалеют, стараясь сбросить лишний вес. Так вот, мне кажется, что Дория для Пунта – это как раз такой вот специально обученный человек, который не даёт ему разжиреть.

– Что за чушь? – возмутилась Мэйлинн. Мысль о том, что правители могут намеренно позволять своим подданным гибнуть, не укладывалась в голове.

– А ты послушай, не перебивая. Смотри – содержать большую армию, которая всё равно не может разгромить врага, это всё равно, что покупать очень-очень дорогое решето, чтобы носить в нём воду. Если дорийцев не злить, то они обычно довольствуются лишь грабежами, своего рода – взимают дань. Им ведь самим невыгодно палить поля и убивать людей, которые их кормят, – Кол слегка запнулся, взглянув на сидевшую неподалёку сиротку, но та была полностью поглощена поеданием сливового пирога. – Земля в Пунте – благословенная. Такая

¹⁴ Империй и месяц дождей – месяцы календаря Паэтты. Империй назван в честь древней империи, располагавшейся ранее в центре Паэтты, и соответствует нашему апрелю. Месяц дождей соответствует нашему октябрю.

плодородная, что, как шутят сами пунтийцы, у них даже заборы весной цветут. Выращивается огромное количество зерна и других продуктов. Потребить всё это государство не в состоянии, продать столько тоже не могут. К чему это приведёт? К избытку, из-за которого упадут цены. Кому это выгодно? По большому счету, никому. А так – есть кому забирать излишки, сохраняя неизменно высоким спрос на пунтское продовольствие. А в этом году внешние цены и подавно поползут вверх, и этому будет вполне достоверное оправдание. Значит, торговцы останутся с барышами.

Видя, что лирра недовольно морщится от подобных циничных рассуждений, Кол продолжил:

– А главное – наличие внешнего врага сплачивает народ. Когда в государстве всё слишком хорошо, оно быстро жиреет и, в конечном счёте, умирает. Ты же знаешь историю лучше меня – помнишь, почему развалилась с таким ужасным грохотом Кидуанская империя? Потому что она стала такой огромной, такой мощной и величественной, что люди, населявшие её, позабыли все другие заботы, кроме плотских утех. И тогда пришли северные варвары, более злые, более голодные и более целеустремлённые, и от великой Кидуи остался лишь лоскуток на западе. Так вот я думаю, что мудрые правители Пунта надеются не допустить чего-то подобного у себя. Пусть жители государства всегда боятся и ненавидят своих диких соседей! Иметь внешнего врага удобно ещё и потому, что тогда граждане задают куда меньше вопросов правителю. Зачем нужны новые налоги? Чтобы выплачивать субвенции беженцам! Ты думаешь иначе, не согласен с нами? Значит, ты пособник лошадников! Значит, ты хочешь ослабить свою родину!

Голова Мэйлинн поникала всё ниже и ниже с каждой фразой. Почему-то всё сказанное выглядело вполне логичным. Ей хотелось придраться к чему-то, найти логическую ошибку, за которую можно было бы зацепиться, но ничего не получалось.

– Я надеюсь, что ты не прав, – в конце концов тихо сказала она, и по щеке её скатилась слеза. – Потому что иначе я не знаю, как мне смотреть в глаза этим детям...

Два дня пробыли друзья в Лоннэе. За это время Мэйлинн как будто бы полегчало. Всё своё время она уделяла двум сироткам. К её отчаянию, девочка так и не сказала ни одного слова. Мальчик же, напротив, довольно быстро начал улыбаться лирре, лопотать что-то. Он не отпускал её ни на миг, и у Мэйлинн разрывалось сердце от предстоящего расставания.

Мэтр Бабуш также оказался совсем не таким подлецом, как сначала думала лирра. Уже через день он собственноручно предлагал детишкам засахаренные фрукты и лишь молча махал рукой, когда Мэйлинн предлагала их оплатить. Он искренне переживал, что лирра и её друзья отправляются на юг, и не только потому, что не хотелось терять выгодных клиентов.

– Да куда же вы сейчас сунетесь? – восклицал он. – Там, на юге, видали, что делается? Всё Приречье полыхает. Давненько такого не было. Лошадники как с цепи сорвались! Переждите пару месяцев, а там всё уляжется, тогда и поедете! Я согласен вдвое сократить плату за постой!

Мэйлинн в избытке чувств даже чмокнула невысокого мэтра в лысую макушку, отчего тот аж зарделся.

– Нам всё же придётся уехать, любезный мэтр Бабуш, – проговорила она. – Мы должны как можно скорее добраться до пустыни Туум. Вы за нас не волнуйтесь!

– Да как же не волноваться! – возражал старый трактирщик. – Это ж надо – в Дорию идти! К этим дикарям! Да эти кочевники, если люди не врут, спят с кобылами, и потом у тех рождаются кентавры!

– Не говорите ерунды, дорогой мой мэтр! – фыркнула Мэйлинн. – Распорядитесь лучше, чтобы подали наших лошадей и фургон.

– Сию секунду, – затем он вдруг схватил лирру за рукав. – А насчёт деток не переживайте! Пусть живут у меня! По хозяйству помогут. И платы мне никакой не нужно! Мне, старику, всё ж веселее будет, коли уж своих не нажил!

Мэйлинн вновь не сдержалась и крепко обняла мэтра Бабуша.

Отъезд вышел довольно печальный. Безымянная девочка молча стояла и глядела вслед удаляющемуся фургону сухими глазами. Больше всего Мэйлинн боялась, что эти глаза уже никогда не наполнятся слезами. Зато малыш, разрываясь, плакал на руках у всхлипывающего мэтра Бабуша.

– Да уж, умеешь ты заводить друзей, – буркнул Кол, смотря куда-то в сторону. Бин же, да и сама Мэйлинн, не скрывали своих слёз.

Дальнейшее путешествие к пустыне прошло без особых происшествий. Через несколько часов друзья достигли моста через Дорон. На левом берегу их встретил конный разъезд пунтийцев, но особого внимания к ним не проявили. Кратко расспросив о цели путешествия, они пожелали спокойного пути и направились дальше. Так путешественники вступили на земли Дории.

На протяжении последующих двух часов они не встретили ни одного дорийца, пока не прибыли в Саин. Как и описывал Кол, во всём городе, который раскинулся довольно широко по окрестным холмам, сейчас проживало совсем немного людей. Путешественники проехали по его улицам, встретив едва пару десятков человек, в основном стариков или детей.

Ну а дальше были несколько дней пути по степям Дории. Пару раз они натыкались на кочевья той или иной орды, но дорийцы не выказывали никакой враждебности. Напротив, они с удовольствием предлагали на продажу вино (явно пунтское), хлебные лепёшки и странный очень солёный сыр, сделанный из кобыльего молока.

На четвёртый день пути с Мэйлинн вновь случился приступ. Он терзал её не меньше получаса, после чего измождённая лирра впала в беспамятство, из которого вышла лишь на следующий день. Она с трудом могла вставать, глаза глубоко запали. Она выглядела так, словно перенесла тяжёлую многомесячную болезнь.

– Завтра мы должны быть на месте! – сцепив зубы, проговорил Кол Бину. – Придётся подогнать наших лошадок. За своего Урагана я не волнуюсь, но вот насчёт тягловых лошадей... Однако, нам осталось совсем немного, главное сейчас – это добраться до места, а остальное уже неважно. Если потребуется – загоним лошадей.

Бин лишь мрачно кивнул и подстегнул несчастных животных, и такдвигающихся быстрой рысью. Неизвестно, сколько они смогут держать подобный темп, но выбора не было. Бин боялся, что Мэйлинн умирает.

Глава 22. Пустыня Туум

Местность вокруг заметно поменялась. Буйное разнотравье дорийских степей постепенно переходило в скупые земли, где усыхающая трава была ниже и жёстче. Всё чаще виднелись проплешины желтовато-коричневой земли, на вид очень твёрдой. Исчезли мелкие ручейки и болотца, которые то там, то здесь попадались путешественникам ранее. Воздух становился всё горячее. Хотя на дворе была уже середина месяца жатвы, здесь, в преддверии пустыни Туум, стояла почти такая же жара, как та, что месяцем ранее терзала Латион. Путники давно сняли с себя плащи и другую тёплую одежду, и всё равно истекали потом. Особенно тяжело приходилось Мэйлинн.

Лирра лежала на дне своего возка, совершенно безучастная ко всему. Она молча отказывалась от еды, а воду Кол вливал ей в рот чуть ли не насильно. Чаще же ограничивался просто тем, что смачивал ей воспалённые губы. Мэйлинн то страдала от жары, то её вдруг бросало в озноб.

Кол привязал свою лошадь к фургону, и теперь неотлучно находился возле Мэйлинн. Бину же волей-неволей приходилось довольствоваться ролью кучера. Увы, но всем купцам давно известно, что скорость каравана определяется скоростью самой медленной лошади, так что сейчас именно скорость повозки определяла, как быстро путешественники приближались к цели. И эта скорость определённо не радовала ни Кола, ни Бина.

Когда солнце поднялось к зениту и жара стала просто непереносимой, местность изменилась окончательно. Теперь самому неискущённому взгляду было очевидно, что вокруг находилось безраздельное царство пустыни. Нет, не было никаких золотистых песчаных барханов и редких колючек среди них. Просто земля стала твёрдой и негостеприимной как камень, так что редкие растения умудрялись пробить её своими настырными корнями.

Поэтому и растения эти здесь были озлобленными и жестокими – исковерканными сухими горячими ветрами, обезумевшими от вечной жажды. Отдельные низкорослые деревца, напоминающие акацию, были покрыты длинными шипами. Бин с содроганием подумал, что было бы, если бы вдруг пришлось продираться через целые заросли этих то ли кустарников, то ли деревьев. Если ещё недавно проплешины голой земли пятнали ковёр жухлой травы, то теперь трава отвоёвывала у земли лишь отдельные островки.

– Почти добрались, – промямлил истекающий потом Кол. – Теперь осталось лишь найти становище баининов, чтобы там нанять проводника.

– А зачем нам проводник? – спросил Бин, утирая лоб мокрым от пота рукавом.

– К дворцу Каладиуса не ведут дороги. Так что если мы попробуем отыскать его сами, то просто сгинем в этой проклятой пустыне. Так что сейчас нужно найти оазис. К счастью, их тут довольно много. Ну а там – постараемся договориться.

Дороги теперь практически не было. Слабая белёсая колея изредка появлялась словно из ниоткуда, и также внезапно исчезала. В принципе, это не было проблемой, поскольку земля была тверда как камень, почти лишена растительности и довольно ровная, если не считать множества трещин, испещривших её поверхность. Однако друзья боялись заблудиться. Дорога однозначно привела бы их к людям, а по бездорожью можно было бы плутать днями, которых у Мэйлинн уже могло и не быть. Поэтому Кол приказал изменить направление, и вместо южного они теперь выбрали восточное, двигаясь вдоль границы пустыни, где шанс найти оазис и людей был выше.

Действительно, не прошло и часа, как впереди показались настоящие зелёные деревья, разительно отличающиеся и цветом, и размером от коренных обитателей пустыни. Вскоре в тени этих деревьев стали видны белёсые полотняные шатры, служившие жилищем для баининов.

Оазис был невелик, поскольку родник, который бил в его сердце, был не слишком сильным. Поэтому здесь проживало не более трёх десятков баиринов. Почти все они вышли навстречу подъезжающим гостям. И мужчины, и женщины были одеты практически одинаково – выбеленные длинные свободные одежды, на головах – широкие капюшоны и куски материи, которыми люди обматывали нижнюю часть лица, оставляя лишь глаза.

Кол медленно ехал впереди фургона, держа руки перед собой на уровне головы. Около полудюжины мужчин-баиринов держали в руках натянутые луки. Не то чтобы они всерьёз опасались нападения, поскольку взять у них было нечего, но всё-таки определённую осторожность соблюдали.

– Барха! – со странным гортанным выговором крикнул Кол. – Прака к'и ун¹⁵!

Вперёд вышел немолодой статный баирин. Из-под капюшона выбивались густые седые волосы. Он поднял руку и прокричал несколько слов на том же гортанном языке.

– Он просит меня приблизиться одного, чтобы поговорить, – через плечо бросил Кол, спрыгивая с коня. – Не беспокойтесь, это ненадолго. Баирины не мастера длинных речей.

Он степенно, с достоинством подошёл к высокому баирину, и они какое-то время разговаривали, причём Кол пару раз указал на повозку. Вскоре его собеседник коротко кивнул головой и повернулся к Колу спиной, возвращаясь назад. Кол же вернулся к фургону:

– Давай, правь в оазис.

Когда лошади и фургон оказались в скудной тени деревьев, Бину показалось, что с него сняли огромный раскалённый валун. Здесь тоже было очень жарко, но эта жара, по крайней мере, уже не убивала. К фургону подошли две женщины, несущие в руках кувшины. В кувшинах оказалась вода. Она была тёплой и имела несколько странный запах, но Бин с удовольствием напился, поскольку собственную воду они сэкономили.

Затем женщины смочили тряпки и стали обтирать потный лоб Мэйлинн. Та лишь стонала. В последние пару часов она находилась в каком-то пограничном состоянии между беспмятством и бодрствованием. Увидев это, женщины ловким движением расстегнули пуговицы на блузке лирры, обнажив шею и грудь. Бин резко отвернулся, покраснев до кончиков ушей. По шуршанию ткани он слышал, что женщины снимают с Мэйлинн одежду и обтирают её мокрыми тряпицами. Вероятно, у неё был сильный жар, и таким образом они пытались несколько сбить его. Бин, готовый провалиться сквозь эту неподатливую каменную землю, буркнул что-то себе под нос и быстрым шагом направился туда, где Кол продолжал разговор со старейшиной.

Оба сидели в тени на гряде козих шкур. Старейшина держал в руке странную длинную изогнутую трубку, которой время от времени затягивался, и затем выпускал изо рта и носа сизоватый дым. По долетевшему до Бина запаху он вдруг понял, что в трубке у баиринина набита дурная трава, которой так любят заглушать боль и груз дневных забот обитатели Нового города. К счастью, Кол лёгким движением головы отказался от затяжки, когда старейшина протянул ему трубку.

К Бину подошёл мальчик лет восьми и восхищённо уставился на кинжал, висящий в ножнах на его поясе. Заметив это, Бин с улыбкой вынул его и протянул мальчонке. Тот просиял так, словно его осыпали конфетами с ног до головы, и осторожно принял оружие. С видом знатока провёл большим пальцем по лезвию, проверяя остроту, затем внимательно осмотрел рукоять, и после неохотно вернул кинжал Бину. Бин, порывшись за пазухой, вытащил бумажный кулёк с несколькими засахаренными сливами, которыми его снабдил мэтр Бабуш. Он протянул сливы мальчику, невольно подумав, что именно так наверняка поступила бы Мэйлинн. Мальчик схватил кулёк, прокричал несколько слов на своём языке и стрелой умчался куда-то в тень деревьев, вероятно, чтобы без помех насладиться невероятным лакомством.

¹⁵ Друзья! Мы пришли с миром! (баиринский).

Спустя минуту Кол, что-то удовлетворённо проговорив, полез за пазуху и извлёк оттуда кошель. Положив на заскорузлую ладонь старика пару монет, он поднялся и двинулся к Бину.

– Он даст нам проводника, – Кол достал фляжку с водой и сделал долгий глоток. – Можем выдвигаться хоть сейчас. До места нам часа четыре или пять. В общем, к закату доберёмся. Как Мэйлинн?

– Не знаю, – снова покраснел Бин. – Там баининки её обтирали.

– Да, знаю, Палла-Ха мне сказал. Женщины сообщили ему, что у неё сильный жар. Они что-то дали ей, говорят, что это поможет на время сбить температуру, но нам нужно спешить.

– А откуда ты выучил баининский? – направляясь к фургону, спросил Бин.

– Так я ведь больше полугода тут прожил, когда Каладиус нас нанял, – ответил Кол. – А у него все слуги – баинины. Волей-неволей научишься.

Когда Бин уже занял место на козлах, украдкой взглянув в глубь фургона и убедившись, что Мэйлинн вновь одета, рядом с ним вдруг взгромоздился молодой баинин, почти ровесник, или чуть старше. Он тут же расположился вполне по-хозяйски, и стал указывать вперёд, что-то говоря Бину.

– Это наш проводник, – видя растерянность в глазах приятеля, откликнулся Кол. – Поедет с нами до места.

– А как же он доберётся назад? – озадачился Бин.

– На твоей лошади, – невозмутимо ответил Кол.

– Как? – на время Бин потерял дар речи. – А как же деньги, что ты заплатил?

– Деньги – это была плата за услугу, – пояснил Кол. – А конь – подарок Палла-Ха в знак признательности.

– Ничего себе – подарочек! – проворчал Бин. – Да за такие деньги он должен был лично на себе тащить нас до самого Каладиуса, да ещё и обмахивать пальмовыми листьями, чтоб нам было не слишком жарко! И что он станет с ним делать? Держать в этом богами забытом оазисе, кормя этой жухлой травой? Несчастный конь погибнет раньше, чем кончится месяц!

– Ну это уже не нашего ума дело, – отмахнулся Кол. – Ты – парень молодой, поэтому не знаешь, как делаются дела здесь, на востоке. Они вполне могли бы не только не дать нам проводника, а и выставить из своего оазиса куда подальше. Так что можешь считать, что это – мой первый бесплатный урок дипломатии.

– Да уж – бесплатный!.. – уныло протянул Кол, трогая лошадей. – Что мне теперь, вечно на этом фургоне сидеть?

– Ты погоди, мы сперва хоть до Каладиуса доберёмся, – обрубил Кол. – Я вот вообще пока не строю никаких планов насчёт того, что будет дальше. Как там, кстати, наша подружка?

– Кажется, ей получше, – обернувшись, ответил Бин.

Действительно, Мэйлинн теперь больше походила на спящую, нежели на бредящую. Что бы ни дали ей женщины-баининки, это принесло свой эффект. Хотя бы даже и временный. Но сейчас каждый час был на счету. Только бы найти этого Каладиуса.

– А ты уверен, что Каладиус всё ещё тут? – в продолжение своей мысли спросил Бин.

– А куда ему деться? – ответил Кол. – Если он просидел тут последние лет двести, то сложно себе представить, что именно сейчас он куда-то вдруг отправится. Да и Палла-Ха знал бы. Его племя бывает в тех краях.

– А он нас примет? – продолжал Бин. Чем ближе была цель их путешествия, тем более нервным он почему-то становился.

– Примет, – беззаботно ответил Кол. – Во-первых, он же не зверь какой-то, не оставит несчастных путников жариться у себя на пороге. А во-вторых, убеждён, ему будет чрезвычайно интересно пообщаться с нашей необычной лирой.

– Где мы? – раздался слабый голос из фургона. Да, всё-таки Мэйлинн стало заметно получше.

– Мы уже почти приехали, – с готовностью ответил Бин, оборачиваясь. – Через несколько часов будем на месте. Вот этот человек, – Бин кивнул в сторону безмятежно сидящего рядом кочевника, – Этот человек вызвался быть нашим проводником. А ты ничего не хочешь? Может, поесть? Или пить? – с надеждой спросил Бин.

Но Мэйлинн лишь слегка покачала головой, и вновь прикрыла глаза.

Так прошли несколько часов. Солнце с издевательской медлительностью опускалось к западному горизонту, постепенно краснея. Однако жара пока ещё не спадала. Кроме раскалённого шара солнца, потоки удушливого тепла извергала и раскалённая голая земля. Все ехали молча. Бину говорить совершенно не хотелось, казалось, что солнечные лучи превратились в сверкающие каменные колонны, придавившие его к сидению. Кол тоже помалкивал, рыся чуть в стороне от фургона, чтобы не глотать поднимаемую им пыль. Ну а проводник-баинин и вовсе словно ушёл в себя. Мэйлинн же, вроде как, спала. Несколько раз Бин подносил к её губам фляжку, просто чтобы несколько освежить её, но лирра делала не более двух глоточков.

И вдруг в этой гнетущей тишине прозвучал голос. От неожиданности Бин вздрогнул. Проводник указывал куда-то вперёд и что-то говорил.

– Что он бормочет? – кое-как разлепив губы, спросил Бин.

– Говорит, приехали, – хрипло ответил Кол, привставая на стременах.

Впереди была какая-то невысокая гряда то ли холмов, то ли барханов. Именно к ней и направлялись путешественники. Но никакого дворца не было и в помине.

Через четверть часа повозка добралась до гряды. И Бин увидел, что за этой грядой находится огромный кратер, больше двухсот ярдов в диаметре и около десяти – в глубину. На дне этого кратера бушевала зелень, среди которой прятались небольшие постройки. Опять же, никакого дворца не наблюдалось.

– Он обманул нас! – воскликнул Бин.

– Нет, всё верно, – ответил Кол. – Мы действительно на месте. Это и есть дворец Каладиуса!

– И где же он? – Бину казалось, что его разыгрывают.

– Да вон, впереди, – Кол указал рукой.

Там, почти строго в геометрическом центре кратера стоял домик. Симпатичный, сложенный из белого камня, но никак не тянущий на дворец.

– Шутишь? – прищурился Бин.

– Вовсе нет, – ухмыльнулся Кол. – погоди, скоро сам всё увидишь.

Вдруг появилась дорога, по которой фургон плавно спустился на дно кратера. Там их уже поджидали несколько человек, явно баининов, но одетых в какие-то мешковатые серые одежды. Кстати, Бин отметил, что в кратере было заметно прохладнее.

– Кто вы, и зачем пожаловали? – на ломаном имперском¹⁶ спросил один из встречающих. Бин вряд ли назвал бы их стражниками, так как у них не было при себе никакого оружия. Однако, интуитивно он понимал, что от этого они не становятся менее опасными. Поэтому он предоставил вести переговоры Колу.

– Мы путешественники из Латиона, – отвечал Кол. – И у нас есть очень важное дело к мессире Каладиусу.

– А почему вы уверены, что мессир захочет встретиться с вами? – не спуская с Кола прищуренных чёрных глаз, спросил тот же человек.

¹⁶ Имперский язык – основной язык Паэтты, распространённый в большинстве государств, за исключением южных – Саррасы и, отчасти Дории. Когда-то на этом языке говорили жители великой Кидуанской империи, включавшей в себя почти все нынешние условно северные государства, кроме Пунта. С тех пор он и существует в качестве международного языка, слегка изменяясь под воздействием времени и местных диалектов, что значительно облегчает взаимопонимание народов Паэтты. Вообще собственные языки имеют ещё лирры и гномы, но на них они общаются лишь между собой, предпочитая говорить с иноплеменниками на имперском.

– Среди нас есть лирра, с которой, я уверен, он очень захочет познакомиться. Весьма необычная лирра, именно так ему и передайте. А ещё скажите, что я – центурион Кол. Надеюсь, он вспомнит.

– Он помнит вас, центурион, – слегка поклонился человек. – И просит войти.

Охранники расступились, давая дорогу фургону, который по дорожке направился к тому зданию, которое Кол называл дворцом. Проводник же, легко спрыгнув с фургона и сказав несколько слов Колу, отвязал обещанного коня и, вскочив в седло, не говоря больше ни слова, умчался прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.